

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

ВОДИЛСЯ я въ Петербургѣ, въ ночь съ 7-го на 8-е декабря 1841 г., по тогдашнему наименованію, въ Грязной улицѣ, нынѣ Николаевской, во дворѣ, въ деревянномъ домѣ, тамъ, гдѣ теперь стоитъ большой каменный домъ подъ № 10. Родился я, по рассказамъ моей матери, недоношеннымъ и долго былъ совсемъ хилымъ ребенкомъ. Дабы я дошелъ, меня, по совѣтамъ разныхъ старухъ-кумусекъ, завертывали въ кудель и ежедневно ставили въ корзинѣ на шестокъ русской печи. Грудью кормила меня сама мать. У родителей моихъ было до меня два сына, но эти дѣти умерли, не доживъ и до году послѣ рожденія. Я былъ третьимъ и росъ первенцомъ. Естественно, что на меня было обращено самое усиленное вниманіе. Меня холили, нѣжили, держали подъ мѣхомъ въ тонкомъ бѣльѣ, батистовыхъ чепчикахъ, гарусныхъ шапочкахъ и шерстяныхъ башмакахъ, такъ какъ мать моя, когда-то портниха, учившаяся ремеслу у своей тетки, имѣвшей модную мастерскую, сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, была большой рукодѣльницей. Эта-то тетка моей матери—Варвара Сергѣевна Шведова, помнившая нашествіе французовъ въ Москву и любившая рассказывать, какъ она отъ нихъ, будучи уже взрослой, спасалась въ 1812 г., была моей крестной матерью. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ дядя мой, братъ отца, Иванъ Ивановичъ Лейкинъ, служившій приказчикомъ въ одной иностранной купеческой конторѣ въ Петербургѣ,

въ Гостинномъ дворѣ, дружившій съ приказчиками-иностранцами и всегда восхищавшійся нѣмцами, англичанами и голландцами.

Мать крестная также огдавала мнѣ все свое вниманіе и задала меня, какъ портниха, самыми разнообразными нарядами своей работы. Ребенкомъ одѣтъ я былъ, по словамъ матери, всегда, какъ куколка. Родившись хилымъ, я очень скоро сталъ говорить, но долго не могъ пріучиться ходить и даже стоять на ногахъ. Чтобы придать ногамъ моимъ скорѣе больше крѣпости, меня ставили въ четверикъ и засыпали овсомъ или горохомъ. Въ овсѣ или горохѣ я пріучался стоять. Отъ груди я былъ отнятъ очень рано, такъ какъ у матери пропало молоко, и меня пересадили на манную кашу, протирая мнѣ десна обручальнымъ кольцомъ, дабы скорѣе выходили у меня зубы, и для этой же цѣли давали кусать солодковый корень. Молочной кашей я питался лѣтъ до трехъ, на горе моихъ родителей, отказываясь отъ другой пищи, такъ что къ супамъ и мясу меня пришлось пріучать силой, хотя зубы у меня вышли въ свое время, и говорить я началъ рано.

Такъ рассказывала мнѣ моя мать.

Я—коренной петербуржецъ. Въ Петербургѣ родился я, въ Петербургѣ родился мой отецъ, въ Петербургѣ родился мой дѣдъ—отецъ отца. Прадѣдъ же былъ крестьянскаго происхожденія. Онъ пріѣхалъ изъ деревни, изъ Любимскаго уѣзда, Ярославской губерніи, въ половинѣ XVIII столѣтія сначала въ Ораніенбаумъ, а затѣмъ переселился въ Петербургъ. Родъ нашъ—одинъ изъ стариннѣйшихъ купеческихъ. Изъ справочныхъ книгъ Петербургской купеческой управы о лицахъ, платившихъ гильдейскія повинности, видно, что родъ Лейкиныхъ состоялъ въ петербургскомъ купечествѣ съ 1784 г., записавшись изъ ораніенбаумскихъ кушцовъ. Въ той же купеческой управѣ имѣются свѣдѣнія, что прадѣдъ мой былъ пирожного торгова, а дѣдъ галантерейнаго торгова. Отецъ рассказывалъ мнѣ, что прадѣдушка мой имѣлъ пирожный курень. Отъ него ходили по улицамъ пирожники-разносчики съ корзинами пироговъ, останавливались около кабаковъ и на мостахъ и выкрикивали: «съ сижкомъ, съ яичкомъ!» Дѣдъ мой уже имѣлъ лавку въ Гостинномъ дворѣ по Большой Суровской линіи, торговалъ кружевами, лентами, вообще товаромъ, который называется прикладомъ для портнихъ и модистокъ. Онъ сильно пострадалъ во время наводненія въ 1824 г. Отецъ мой былъ во время наводненія уже восемнадцатилѣтнимъ юношей и впоследствии очень часто вспоминалъ объ этомъ бѣдствіи. Онъ даже тонулъ, и его спасли будочники, разбѣзжавшіе на лодкѣ. По его рассказамъ, когда вода сбыла, по улицамъ было очень много труповъ утонувшихъ, которые долго не убирались. Люди ходили по улицамъ и отыскивали своихъ пропавшихъ родственниковъ. На трупахъ лежали мѣдныя деньги, положенныя прохожими на погребеніе. Такихъ труповъ въ

особенности было много на набережной Фонтанки, на тротуарѣ, около рѣшетки. Когда вода сбывала, рѣшетка задержала трупы и не дала имъ сплыть въ рѣку.

Также любилъ отецъ рассказывать, какъ онъ во время холеры въ 1831 г. былъ схваченъ на Чернышовомъ мосту стоявшими тогда на набережной Фонтанки и взбунтовавшимися ломовыми извозчиками, искавшими поляковъ, будто бы отравлявшихъ воду. Его приняли почему-то за поляка, обыскали и нашли у него въ карманѣ банку ваксы. Дабы доказать, что это была не отравка, отецъ долженъ былъ отхлебнуть изъ банки малую толику ваксы и тѣмъ спастся.

Вспоминается мнѣ и рассказъ моего отца о государѣ Николаѣ Павловичѣ, также во время холернаго бунта въ 1831 г. умирившемъ на Сѣнной площади народъ одними площадными ругательствами. Государь пріѣхалъ на Сѣнную въ самый разгаръ народнаго волненія, поднялся на ноги во весь ростъ въ коляскѣ и сталъ ругать народъ направо и налево, а когда усталъ, то, указывая на Спасо-Сѣнновскую церковь, грозно воскликнулъ: «На колѣни!»

— И весь народъ упалъ на колѣни и началъ креститься на церковь,—заканчивалъ отецъ.

Дѣдъ мой не одѣвался по-русски, какъ большинство тогдашнихъ купцовъ, и не носилъ бороды, что я знаю по гипсовой маскѣ, снятой съ него послѣ его смерти и хранившейся у моего отца. Вообще, онъ былъ то, что называлось купцомъ полированнымъ, былъ прилично грамотный, носилъ фракъ, служилъ по выбору въ сиротскомъ судѣ и состоялъ даже членомъ Нѣмецкаго клуба, куда ходилъ очень часто играть въ карты въ ламушъ и бостонъ. Въ этомъ Нѣмецкомъ клубѣ онъ и захворалъ во время игры. Ему сдѣлалось дурно. Его привезли домой, и онъ тотчасъ же умеръ. Дѣда я не помню и записываю это со словъ отца.

Послѣ смерти дѣда торговля въ Гостиномъ дворѣ досталась моему отцу, Александру Ивановичу, и братьямъ его, дядьямъ моимъ, Ивану, Василю и Николаю. Всѣ они, какъ и при жизни дѣда моего, оставившаго послѣ себя вторую жену, продолжали жить вмѣстѣ при мачехѣ, но торговля въ лавкѣ была уже настолько плоха, обременена долгами и разстроена, что не могла питать ихъ всѣхъ, и дяди мои уступили лавку отцу моему, какъ старшему и къ тому же семейному, а сами, какъ холостые, поступили на службу приказчиками, и замѣчательно, всѣ трое къ купцамъ-иностранцамъ.

Отецъ мой женился по любви. Мать моя, Любовь Ивановна, живя у своей тетки, портнихи и модистки, и работая вмѣстѣ съ ней, будучи молоденькой дѣвушкой, ходила къ отцу моему въ лавку за покупками приклада для платьевъ и шляпъ. Отцу моему она очень понравилась, и онъ женился на ней, довольно, впро-

чемъ, долго выпрашивая позволеніе на это у своего отца, не соглашавшагося на бракъ.

Мать моя, Любовь Ивановна, родилась въ крѣпостной крестьянской, или, лучше сказать, дворовой семьѣ. Родилась она въ Тульской губерніи, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Парахинѣ, о которомъ упоминается у Тургенева. Отецъ ея, мой дѣдъ, былъ егеремъ, мать—птичницей. Тетка моей матери, портниха Шведова, сама вольноотпущенная, выкупила мать мою еще дѣвочкой у господъ за 700 рублей ассигнаціями, взяла къ себѣ и стала учить портному и шляпному мастерству. И, выйдя замужъ за моего отца, мать продолжала работать. Она шила крестильные чепчики и рубашечки ему въ лавку, а онъ продавалъ. Приготовляла она также для лавки дамскія головныя наколки на каркасѣ, блондовые и кружевные чепцы и украшенія для платьевъ. Я очень хорошо помню тѣ картонныя болваны, на которыхъ мать моя мастерила наколки. Они мнѣ, маленькому, служили игрушками. Я углемъ и карандашомъ подрисовывалъ имъ усы и пугалъ ими сестру мою. Болваны эти носили у меня названіе черкесовъ. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія происходило завоеваніе Кавказа, постоянно были битвы съ горцами, носившими у насъ общее названіе черкесовъ, и даже слово черкесъ было какимъ-то страшнымъ словомъ.

Отецъ мой не имѣлъ никакого капитала для торговаго оборота, кредита тогда почти совсѣмъ не было, торговалъ онъ плохо, хотя жилъ очень скромно. Лавка оказалась ему не подъ силу. Онъ передалъ ее, уплатилъ кое-какіе долги и поступилъ приказчикомъ въ контору Герике, имѣвшаго кладовую съ иностранными товарами въ Гостиномъ дворѣ, на верхней линіи. Онъ поступилъ на сто рублей въ мѣсяцъ, по-тогдашнему очень большое жалованье, которое только и платили иностранцы. Контора Герике находилась на Васильевскомъ островѣ, въ одной изъ дальнихъ линій, а мы жили на Владимирской улицѣ, въ домѣ барона Фредерикса, который и понынѣ принадлежитъ лицу той же фамиліи, и отцу каждый день приходилось ходить или ѣздить черезъ Исаакіевскій мостъ въ контору. Это было въ концѣ сороковыхъ годовъ. Конокъ тогда и въ проектѣ не было, дилижансы или omnibuses по улицамъ тоже не ходили, и отцу, въ большинствѣ случаевъ, приходилось ходить пѣшкомъ. Въ особенности это было трудно въ ледоходъ, когда разводились нескіе мосты, которые тогда были всѣ деревянные. Приходилось переѣзжать черезъ Неву на яликахъ и ялботахъ, такъ какъ перевоза черезъ Неву на пароходахъ не было. Я помню рассказъ отца, какъ ему вмѣстѣ съ другими пассажирами случалось застревать во льду, какъ ихъ несло въ ялботѣ по теченію, какъ перевозчики выбивались изъ силъ, ломали объ ледъ весла. Помню, что мать моя въ дни ледохода всегда очень тревожилась объ отцѣ, зажигала у образовъ лампы, молилась

Богу и заставляла насъ, дѣтей, молиться. Уходя въ 8 часовъ утра въ контору за ключами отъ гостинодворской кладовой, отецъ долженъ былъ къ 11 часамъ утра уже явиться въ Гостиный дворъ и отворить эту кладовую для покупателей. И вотъ, въ дни ледохода, сейчасъ же послѣ 11 часовъ утра, мать бѣжала въ Гостиный дворъ узнать, благополучно ли мой отецъ сдѣлалъ свою поѣздку черезъ Неву на Васильевскій островъ и обратно.

О самомъ себѣ я могу вспоминать съ возраста шести-семи лѣтъ. Въ это время мы жили въ томъ же домѣ на Владимирской, въ квартирѣ о 6 комнатахъ, въ четвертомъ этажѣ, на дворѣ и платили за эту квартиру 30 рублей въ мѣсяцъ безъ дровъ. Осталось у меня въ памяти, что говорили о дороговизнѣ квартиры. Помню, что комнаты были маленькія, окрашенные клеевой краской, съ панелью другого цвѣта, и по стѣнамъ были выведены фризъ, а въ углахъ бѣлыхъ потолковъ намалеваны по трафарету какія-то цвѣтныя вазы. Бумажные обои тогда только еще входили въ моду и были очень рѣдки и дороги. Мебель была потемнѣлаго краснаго дерева, мягкая, но непружинная, потертая и въ чехлахъ. На окнахъ висѣли кисейныя занавѣски, передъ простѣлочными зеркалами на ломберныхъ столахъ съ бронзовыми ободками стояли подсвѣчники съ никогда не зажигающимися восковыми свѣчами. Стеариновыхъ свѣчей тогда не было, и жгли только сальныя свѣчи, снимая нагаръ съ ихъ свѣтиленъ щипцами. Восковыя свѣчи передъ большими праздниками всегда мыли съ мыломъ, такъ какъ онѣ до того засиживались мухами и покрывались копотью, что дѣлались пестрыми. Въ углахъ каждой комнаты было по нѣскольку старинныхъ иконъ въ серебряныхъ окладахъ, съ серебряными же лампадами. Иконы эти были родовыя, отъ прапрадѣда, прадѣда и дѣда, и каждая имѣла свою исторію, которая такъ любилъ рассказывать отецъ. Одна икона Тихвинской Божіей Матери въ натуральную величину называлась старообрядческой. По рассказамъ отца, она досталась прабабушкѣ моей изъ разоренной полиціей старообрядческой моленной. Прабабушка была старообрядка безпоповщинскаго толка, Косцова согласія. Послѣ нея осталось много старинныхъ эмальированныхъ мѣдныхъ складней и старообрядческихъ мѣдныхъ крестовъ. Эти складни и кресты висѣли на иконахъ. Одинъ изъ такихъ складней находится теперь у меня. Покойный Н. С. Лѣсковъ, знатокъ мѣдныхъ складней, опредѣлялъ его древность слишкомъ въ 400 лѣтъ.

Помню, что икона Тихвинской Божіей Матери висѣла въ столовой. Она была въ темномъ кіотѣ. Ликъ иконы былъ коричневый съ преувеличенно большими глазами и настолько необычайными морщинами, что я, мои братья и сестры питали къ ней непреодолимый страхъ и, когда по вечерамъ въ столовой бывало темно, боялись въ нее входить. Помню и то, что когда мы, дѣти, по по-

стамъ украдкой ѣли чтонибудь скоромное, мы завѣшивали ликъ этой иконы, чтобы она не видѣла, что мы дѣлаемъ. Въ кіотѣ этой иконы, среди кусочковъ артоса, стружекъ отъ мощей, хранилась маленькая рукописная книжечка «Сонъ Пресвятой Богородицы», къ которой мать наша питала суевѣрный страхъ и ни сама ея не читала, ни намъ читать не давала.

Семья у насъ была большая, жили мы тѣсно, но сравнительно чисто. Тараканы и клопы водились, считаясь неизбѣжной принадлежностью жилья, но ихъ время отъ времени морили бурой, скипидаромъ, ошпаривали кипяткомъ. Это была своего рода эпоха для насъ, дѣтей, и развлеченіе. Помню, что полы у насъ въ квартирѣ были простые, крашеные, и по субботамъ происходило генеральное мытье ихъ, послѣ чего разстилались половики, полотняныя дорожки, а вечеромъ во время всенощной зажигались у иконъ всѣ лампы. И мы, дѣти, бродя по слабоосвѣщеннымъ теплящимися лампадами комнатамъ, чувствовали, что завтра праздникъ, воскресенье. Воскресенье ощущалось и по пирожной опарѣ, которая ставилась въ субботу въ кухнѣ въ большомъ горшкѣ. Безъ пирога въ воскресенье или въ какой либо праздникъ за столъ не сажались. А пирогъ всегда былъ громадный, такъ какъ накормить нужно было много ртовъ. Дабы угодить на разные вкусы, его пекли съ двумя, а иногда и съ тремя разными начинками по концамъ. Пирогъ былъ всегда гордостью кухарки и хозяйки. Въ то время кухарка и цѣнилась въ нашей семьѣ по пирогу. О пирогѣ говорили съ вечера и въ день, когда его ѣли. Въ особенности цѣнились постные пироги. А постное мы ѣли не только по постамъ, но даже въ среду и въ пятницу. Впослѣдствіи какъ-то среды и пятницы отпали, но посты остались, и я помню, что на первой и на послѣдней недѣляхъ Великаго поста не ѣли даже рыбы. Вотъ въ эти-то недѣли пироги ужъ царили ежедневно, и я теперь удивляюсь тому разнообразію постныхъ начинокъ, которыя тогда намъ предлагались. Пеклись пироги съ капустой, съ лапшой, съ грибами, съ зеленымъ лукомъ, съ гречневой кашей, съ рисомъ, съ манной крупой, съ солеными груздями и т. д., а сладкіе пироги, помимо ягоднаго варенья, съ моченой брусникой, съ сушеной малиной, съ миндалемъ и коринкой, съ изюмомъ и т. д. Каждый день къ столу подавалась какая-нибудь каша. И вотъ поэтому-то у меня и до сихъ поръ сохранилось влеченіе къ пирогамъ и кашамъ.

Вообще мучного и въ скоромные дни ѣли больше, чѣмъ мяса. Помню масленую. На масленой недѣлѣ мясо совсѣмъ исчезало со стола и замѣнялось рыбой, а блины пекли, начиная съ сборнаго воскресенья, каждый день по два раза. Блинная опара заготовлялась такого объема, что въ ней ребенку утонуть было можно. Всю недѣлю квартира наша была пропитана блиннымъ чадомъ. А

когда масленица кончалась, у насъ выжигались сковороды отъ скороми. Для этой же цѣли выпаривали горшки, вываривались кастрюли въ щелокѣ, а остатки скоромной ѣды отдавали кучеру, татарину, служившему у кого-то на нашемъ дворѣ. Не говоря уже о масленой и Пасхѣ, когда въ изобиліи пеклись куличи на всю недѣлю, усиленной мучной ѣдой отмѣчались и другіе праздники. Такъ, напримѣръ, на Крестовоздвиженіе пеклись изъ тѣста кресты, на 40 мучениковъ жаворонки, а во всѣ родительскія субботы—блины и приготовлялся кисель. Кисели ѣли, помимо ягодныхъ, миндальные, гороховые, овсяные. Думаю, что такой перевѣсъ мучной пищи надо приписать относительной дороговизнѣ мяса, потому что помню жалобы матери, что къ говядинѣ «приступа нѣтъ, сдѣлалась 10 коп. фунтъ». Это было въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ. А къ этому времени семья уже увеличилась и состояла изъ матери, отца и шестерыхъ дѣтей. Кромѣ того, съ нами жили старуха-бабушка, мачеха отца, Марія Алексѣевна, холостой дядя Василій Ивановичъ, служившій приказчикомъ въ кладовой Франца Боненблюста въ Гостиномъ дворѣ, и тетка моя, родная сестра матери, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, Ольга Ивановна, купленная изъ крѣпостной зависимости отцомъ моимъ и нашими родственниками въ складчину и взятая изъ деревни. Въ общемъ за столъ садилось 11 человекъ, и очень часто приходила къ обѣду мать крестная моя, тетка матери, Варвара Сергѣевна. Кромѣ того, было двое прислугъ: кухарка и нянька. У меня осталось въ памяти жалованье этой прислуги. Онѣ получали по 4 рубля въ мѣсяцъ, обѣ были крѣпостныя и высылали своимъ господамъ оброкъ, помогая и роднѣ въ деревнѣ и посылая деньги только съ оказіей, съ земляками. Такое жалованье тогда считалось хорошимъ. Впрочемъ, ходили онѣ всегда босикомъ, имѣя обувь только на выходъ. Чулки вязали себѣ сами изъ присланныхъ изъ деревни въ подарокъ отъ родныхъ нитокъ или шерсти.

За покупкой провизіи мать сама ходила или ѣздила въ Ямской мясной рынокъ, находящійся недалеко отъ Владимирской улицы, гдѣ мы жили, и очень часто брала меня съ собой, какъ старшаго. Извозчики были тогда дешевы, проѣхать такой конецъ зимой на саняхъ мать платила пяточокъ, да и лѣтомъ извозчики на дрожкахъ-гитарахъ возили также за пяточокъ. Отъ пяточковой платы извозчики не отворачивались, и мы, дѣти, ѣздили съ отцомъ даже въ баню въ Лештуковъ переулочекъ за пяточокъ. Отъ Гостиного двора, мѣста очень бойкаго, до Владимирской извозчики охотно брали гривенникъ, а зимніе возили за пяточокъ.

Я хорошо помню даже фирмы лавокъ въ Ямскомъ рынкѣ, въ которыхъ мы покупали провизію. Онѣ существуютъ и понынѣ: мясная лавка Степановыхъ и зеленная и курятная съ лабазомъ Любимова. Остались въ памяти и кое-какія сцены конца сороковыхъ

годовъ. Въ лавки я ѣздить любилъ, потому что меня тамъ баловали. При появленіи нашемъ въ лавкѣ, старикъ-хозяинъ Любимовъ тотчасъ же лѣзъ въ банку съ паточными леденцами и преподносилъ мнѣ леденецъ. Эти леденцы продавались во всѣхъ мелочныхъ лавкахъ четыре штуки за копейку. Они были со стихами на всунутыхъ въ нихъ билетикахъ, совсѣмъ не дѣтскаго содержанія, хотя раскупались дѣтьми. На билетикахъ было напечатано:

«Лучше въ морѣ утопиться,
Чѣмъ въ несклонную влюбиться»;

или:

«Мила ты мнѣ, мила
И будешь, и была»;

а то:

«Катя, ангелъ, какъ не стыдно
Сердце взять и не отдать».

Иногда подносился мнѣ Любимовымъ пряникъ, изображающій конька, на головѣ котораго былъ прикрѣпленъ кусочекъ сусальнаго золота. Помню, что пряники того времени, изображавшіе какіе либо предметы (сердце, лѣстницу, конька, рыбу, бабу, упершую руки въ бока, и т. д.), непременно были украшены маленькимъ кусочкомъ сусальнаго золота.

Лавочникъ-старикъ, о которомъ я упоминаю, былъ очень популярнымъ человѣкомъ въ Ямскомъ рынкѣ и въ самой Ямской. Онъ лѣчилъ глаза, употребляя какую-то примочку собственного издѣлія, и заговаривалъ зубную боль, давая проглатывать бумажку съ написанными имъ таинственными словами, которыя читать не позволялъ. Помню, что къ нему обращалась за помощью наша прислуга и нѣкоторые изъ нашихъ родственниковъ и, какъ рассказывали, получали исцѣленіе. Носили къ нему и дѣтей съ гноящимися глазами и трудно прорѣзывающимися зубами. Дѣтямъ давалась опять та же примочка для глазъ, а для скораго выхожденія зубовъ вѣшалась на шею какая-то ладанка. Ладанки эти мать моя называла симпатическимъ средствомъ и говорила, что въ нихъ положены «рачы жернова», что секретъ этого лѣченія передается у лавочника изъ рода въ родъ. Лѣчилъ онъ даромъ и только требовалъ, чтобы была поставлена свѣчка Петру и Павлу, такъ какъ самъ онъ носилъ имя Петра. Свѣчка тогда не была обременительна, потому что въ церквахъ продавались свѣчки желтаго воска даже за копейку. Нянька моя, Клавдія, крестьянская дѣвушка-ярославка, очень часто лѣчившаяся у него отъ зубной боли, говорила, что лѣченіе онъ знаетъ по «чернымъ книгамъ», которыя читаетъ, что читать эти книги—великій грѣхъ, такъ какъ нужно это дѣлать ночью при свѣчкѣ изъ человѣчьяго сала. Мать моя пробовала ее убѣждать въ противномъ, но она стояла на своемъ, увѣряя, что

у нихъ даже въ деревнѣ есть такіе, которые читаютъ черныя книги. Замѣчательно, что эта неграмотная дѣвушка и крѣпостная подросткомъ была у себя въ деревнѣ въ старообрядческой моленной клирошанкой. Она крестилась старымъ крестомъ, пѣла иногда какую-то пѣсню о прелести скитской жизни бѣлицъ, но когда жила у насъ, то ходила въ нашу церковь и исповѣдывалась у священниковъ.

Вообще, когда я былъ ребенкомъ, знахарей-лѣкарей, подобныхъ купцу Любимсву, было много въ Петербургѣ. Лѣчилъ отъ разныхъ болѣзней сторожъ Владимирской церкви, давая пить какой-то настой травъ на водкѣ, лѣчили странницы-богомолки, переходя изъ дома въ домъ, лампаднымъ масломъ съ камешковъ и стружекъ отъ мощей, sprыскивали водой съ семи углей изъ семи печей «отъ сглазу». Лѣчилъ будочникъ, полицейскій стражъ, хохоль, будка котораго находилась около ограды Владимирской церкви въ Колокольной улицѣ. Онъ лѣчилъ отъ вередовъ и ломоты «снадобьемъ», которое самъ составлялъ и давалъ въ видѣ мази. Онъ же приготавливалъ и нюхательный табакъ зеленого цвѣта, который продавалъ любителямъ. Помню, что большую практику медицинскую имѣлъ коновальъ въ Ямской. Про него говорили, что онъ — настоящій скрипинскій коновальъ и лучше всякаго доктора. Лѣчилъ онъ заговорами, натиралъ больное мѣсто паціента лошадиной дугой, отворялъ жилъную кровь, накидывалъ горшки и банки, а также снабжалъ и лѣкарствомъ, которое самъ приготавливалъ. Приѣмъ этихъ лѣкарствъ сопровождался обрядами, и мнѣ кажется теперь, что эти-то обряды темнымъ людямъ и нравились. Такъ, передъ тѣмъ, какъ принять лѣкарство, нужно было продѣть его между спицъ колеса трижды, пить изъ берестянаго стакана, пить на зарѣ, наливать непременно лѣвой рукой, стоять при этомъ не на полу, а на землѣ и т. п. Коновала этого самъ я не видалъ, но слышалъ объ немъ множество разсказовъ, и эти-то разсказы впоследствии и послужили мнѣ для написанія повѣсти «Коновальъ».

Успѣхъ знахарей того времени я объясняю малочисленностью врачей, почти отсутствіемъ амбулаторій и плохой славой, которой пользовались тогдашнія больницы. Простого человека въ больницу можно было отправить только силой. Ходили разсказы въ народѣ, что въ больницахъ нѣмцы-лѣкаря морятъ голодомъ (діета), сажаютъ въ кипяткъ (ванна), потрошатъ кишки. Поэтому простой народъ и предпочиталъ лѣчиться у знахарей, въ баняхъ растираніемъ мазями, правленіемъ костей, накидываніемъ банокъ и горшковъ. Въ баняхъ всегда были цырюльники, занимающіеся кровопусканіемъ всѣхъ родовъ и вообще лѣченіемъ, а иногда продѣлывали это и простые мужики-парильщики, а въ женскихъ баняхъ бабки-сторожихи. Больной прислугѣ стоило только намекнуть о больницѣ, какъ она бросалась въ ноги и умоляла ея не отпра-

влять въ больницу. Помню, что кровь бросать, банки себѣ ставить и сухіе горшки накладывать очень многимъ изъ лицъ того времени, которыхъ я знавалъ, очень нравилось. При какомъ либо нездоровьѣ говорили, что это «кровь нудить», «кровь наружу просится», «кровь въ вереда пошла», шли къ цырюльнику и бросали себѣ жильную кровь. У насъ былъ дальній родственникъ, старикъ, приказчикъ-гостинодворъ, который бросалъ себѣ кровь каждый мѣсяцъ. Разрѣшительныхъ записокъ отъ врачей, насколько мнѣ помнится, тогда не требовалось, а цырюльники имѣлись чуть ли не на каждомъ перекресткѣ. Обыкновенно цырюльное ремесло объединялось вмѣстѣ съ парикмахерскимъ, и въ нижнихъ этажахъ домовъ то и дѣло виднѣлись вывѣски, гласившія: «здѣсь стригутъ и бреютъ, рвутъ зубы и кровь отворяютъ». Вывѣски эти были всегда иллюстрированы. Сидѣла, на примѣръ, дама въ платьѣ декольте и въ цвѣтахъ на головѣ съ вытянутой рукой, опершейся на палку, и изъ руки фонтаномъ била кровь въ тарелку, которую держалъ въ рукѣ мальчикъ въ синемъ фракѣ и желтыхъ панталонахъ. На окнахъ этихъ цырюленъ стояли банки съ пиявками, и, я помню, мы, маленькіе, проходя мимо, всегда останавливались и ихъ рассматривали. Такихъ цырюленъ было особенно много на Разъѣзжей улицѣ и въ Чернышевомъ переулкѣ. Объясняется это тѣмъ, что этотъ районъ былъ мѣстомъ жительства торговаго класса, и купцы и приказчики, проходя въ лавки Апраксина, Щукина и Гостинаго дворовъ, заходили сюда для бросанія крови. Была такая же цырюльня и на углу Владимирской и Невского проспекта, гдѣ трактиръ Палкина. Мѣстность эта называлась Вшивой биржей. Нижний этажъ дома былъ подъ арками, въ немъ помѣщались лавки, и около нихъ всегда толпились носильщики-поденщики съ веревками за поясами, а также была стоянка ломовыхъ извозчиковъ и легковыхъ лихачей, гдѣ зачастую можно было видѣть сцены исканія другъ у друга въ головахъ насѣкомыхъ. Тутъ же шныряли разносчики, продававшіе рубецъ и печенку, сайки, сбитень, пироги, гречневники, пряники, и происходили игры спибанія гречневиковъ и ломанія пряниковъ, составлявшія забаву этихъ носильщиковъ и извозчиковъ. Игра происходила на мѣдные деньги, и выигравшій, кромѣ того, пользовался пряниками и гречневиками.

Помню также, что въ дѣлѣ лѣченія была слабость къ ношенію фонтанелей, что дѣлалось въ большинствѣ случаевъ не по указанію врачей, а по совѣту опять-таки «свѣдущихъ людей», то-есть цырюльниковъ, знахарей, знахарокъ. Мой дядя, братъ отца, Иванъ Ивановичъ, носилъ фонтанель горошину на рукѣ около плеча и растравлялъ себѣ рану въ теченіе многихъ лѣтъ. Знахари ставили отъ ломоты, сыпей или вередовъ и заволоки подъ кожу изъ шелковой ленты, что при передвиженіи ленты для удаленія накопившагося гноя производило страшное мученіе. Я наблюдалъ это на

нашихъ родственниковъ и знакомыхъ, которые, впрочемъ, выносили эти мученія стойчески. Прибавлю, что противъ грыжи многіе мужчины носили въ ухѣ серебряную серьгу, а противъ какой либо заразы непременно мѣдный крестъ на шеѣ, который часто вѣшался рядомъ съ золотымъ, а также и ладанку съ головкой чеснока. Также отъ заразы у входныхъ дверей квартиры вѣшали открытую банку съ дегтемъ и пучокъ чесноку. Это была тогдашняя дезинфекція.

Такіе мѣдные кресты и ладанки съ чеснокомъ носили на шеѣ и мы, дѣти. Висѣли у насъ и деготь и чеснокъ у дверей въ квартиру. Въ домѣ у насъ вѣрили въ «симпатическія средства», въ ладанки, но для лѣченія насъ отъ недуговъ приглашали доктора М. М. Моргуліеса, имѣвшаго небольшую лѣчебницу въ нѣсколько кроватей въ своемъ домѣ въ Грязной, нынѣ Николаевской, улицѣ. Это былъ обрусѣвшій крещеный еврей, толстенькій, маленькаго роста, гладко-бритый, веселый человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ и всегда въ синемъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами. Это былъ пожилой холостякъ, но онъ очень любилъ дѣтей, и когда пріѣзжалъ насъ лѣчить, всегда былъ съ запасомъ леденцовъ, которые назывались ячмейными, и ими одѣлялъ насъ. Помню, что когда я былъ мальчикомъ лѣтъ десяти и уже учился въ приготовительной школѣ, Моргуліесъ подарилъ мнѣ маленькую готевальню. Отецъ платилъ ему за визитъ по трехрублевому, то-есть, по 75 коп. (тогда и монета такая была), и эта плата считалась очень хорошею. Когда онъ пріѣзжалъ лѣчить, его всегда угощали мадерой. Подавалась бутылка, онъ выпивалъ рюмку, осматривалъ больныхъ и уѣзжалъ, непременно прописавъ лѣкарство. Безъ лѣкарства лѣченію не вѣрили. Помню, что мы, дѣти, болѣли очень часто горловыми болѣзнями. Лѣченіе заключалось въ прижиганіи горла ляписомъ, полосканіи шалфеемъ съ ромашкой и молокомъ, и внутрь прописывался луковый и фіалковый сиропы. О хининѣ я что-то не помню. Для пониженія жара поили потогоннымъ: малиной, бузиной, липовымъ цвѣтомъ. Температура тѣла не измѣрялась. Какъ слабительное, давался настой александрійскаго листа. Піявки были въ большомъ употребленіи, для постановки которыхъ приглашался цырюльникъ. Онъ же ставилъ и клистиры. Піявки сохранялись у насъ дома въ банкѣ съ водой, и про нихъ говорили, что онѣ «отдыхаютъ».

Но независимо отъ приглашенія доктора насъ лѣчили и домашними симпатическими средствами. Отъ кашля надѣвался на горло шерстяной чулокъ съ лѣвой ноги, натертый сѣрымъ мыломъ, а на грудь накладывался нагрудникъ изъ синей сахарной бумаги, пропитанной свѣчнымъ саломъ. Свѣчнымъ же саломъ смазывали и носъ отъ насморка и даже давали сало пить, накопанное въ ромашку, отъ грудной боли. Отъ горловыхъ болѣзней на шею вѣ-

шали также кольцо, свернутое изъ хряща гусинаго горла. Подчасъ насъ, больныхъ дѣтей, спрыскивали и водой съ углей, такъ какъ большинство болѣзней приписывалось глазу. Дѣлали спрыскиваніе изо рта, внезапно, такъ чтобы испугать больного. Водка-перцовка считалась также лѣкарствомъ и внутреннимъ и наружнымъ.

Микробовъ, бактерій и бациллъ тогда не знали, но все-таки предугадывали ихъ, и при заразныхъ болѣзняхъ окуривали помѣщеніе больныхъ можжевельникомъ и уксусомъ, ставили деготь на блюдечкахъ, дѣлали ванны съ сѣрнымъ пѣнотомъ и мыли зеленымъ калийнымъ мыломъ. Дезинфекціей это, впрочемъ, не называлось, да тогда и не знали этого слова. Также не слыхалъ я тогда въ нашей семьѣ и слова дифтеритъ, хотя онъ, несомнѣнно, въ нашей семьѣ бывалъ.

II.

До двѣнадцатилѣтняго моего возраста семья наша на дачу въ лѣтнее время не переселялась. Въ сороковыхъ годахъ дача была достояніемъ людей со средствами, а въ купеческомъ быту ея очень мало пользовались и люди состоятельные. Лѣтнюю природу я впервые созерцалъ въ маленькомъ садикѣ на дворѣ дома барона Фредерикса, на Владимирской улицѣ, гдѣ мы жили. Въ этотъ миніатюрный садикъ посылали насъ гулять вмѣстѣ съ нянькой Клавдіей. Садикъ этотъ прилично содержался, и въ немъ росли только три сорта насажденій: сирень, желтая акація и бузина, которую мы называли волчьими ягодами, и красныя ягоды которой намъ строго запрещалось ѣсть. Помню, что съ акаціи я собиралъ червей, то-есть гусеницъ, и хранилъ ихъ у себя въ коробкѣ въ дѣтской, давая имъ листочки. Также ходилъ я съ нянькой гулять въ ограду Владимирской церкви, гдѣ росли кое-какія убогія деревца и прилегалъ прудъ сосѣдняго двора, огороженный рѣшеткой. Въ прудѣ плавали гуси. Предпринимали мы и болѣе дальнія прогулки въ Владимирову рощу, которая находилась на Лиговкѣ, близъ строившейся тогда Николаевской желѣзной дороги. Березовая роща эта занимала тогда все пространство, гдѣ теперь находится колонія Санъ-Галли и каменные дома его, и простиралась вплоть до Кузнечнаго переулка. Ходили мы гулять и на огороды, которыхъ было нѣсколько на Кабинетской, Большой и Малой Московскихъ (тогда Гребенскихъ) и на Грязной (Николаевской) улицахъ. Огороды эти, обнесенные заборами, были промысловые; тамъ у моей няньки, ярославки, были знакомые ярославскіе мужики-огородники, и насъ тамъ иногда одаривали рѣпкой, морковкой, огурцами, горшкомъ резеды или левкоя. На эти же огороды ходилъ я съ матерью и за покупкой овощей, имѣя возможность съ дѣтства наблюдать, какъ растутъ капуста, огурцы, корнеплоды.

Помню, что иногда въ воскресенье семья наша ѣздила и за городъ, на Крестовскій или въ Екатерингофъ. Дѣлалось это такъ: пекли дома пирогъ, забирали съ собой закусокъ, самоваръ, чай, сахаръ, посуду, садились въ ялботъ на Фонтанкѣ на углу Графскаго переулка и всей семьей съ двумя перевозчиками отправлялись пить чай «подъ елки». По приѣздѣ на мѣсто, ставили самоваръ, согрѣвая его еловыми шишками, собираемыми нами, дѣтьми, тамъ же, располагались на коврѣ, пили, ѣли и возвращались домой въ сумерки. Такого же рода выѣзды дѣлали и на Волково кладбище на могилки, гдѣ у насъ за рѣшеткой были похоронены дѣдъ, бабка, прадѣдъ и другіе родственники. На Волково отправлялись въ четырехмѣстной каретѣ, которую тогда можно было нанять для такой поѣздки за рубль или рубль съ четвертью. На могилахъ располагались также съ самоваромъ и съ ѣдой. Ктонибудь снималъ съ ноги сапогъ и голенищей раздувалъ самоваръ, что намъ, ребятишкамъ, очень нравилось. Поѣздка эта иногда объединялась нѣсколькими родственными намъ семьями. Служили литіи по покойникамъ. У мужчинъ не обходилось и безъ возліаній.

Помню и двѣ поѣздки на лошадахъ — одну въ Петергофъ, въ царскій день на фейерверкъ, другую въ Колпино, на богомолье, въ Николинъ день 9-го мая. Ёздили также съ провизіей и самоваромъ. Кареты были набиты биткомъ, сидѣли и на козлахъ съ извозчикомъ, а на крышахъ каретъ были привязаны корзины съ провизіей и посудой.

Помню также, что ходили мы весной справлять семикъ въ Ямскую на Лиговку. Ямская того времени жила деревенскою подгородною жизнью. Дѣвушки въ семикъ ходили по улицѣ съ березками въ рукахъ, пѣли пѣсни, водили хороводы, заплетали вѣнки и опускали ихъ на воду въ Лиговку. Тамъ, въ Ямской, у насъ жили родственники и знакомые: тетка моя, сестра отца, Анна Ивановна Крупенкина, мужъ которой имѣлъ ножовую лавку въ Гостиномъ дворѣ, и многосемейный купецъ Страховъ, содержатель постоялаго двора и извоза. Онъ перевозилъ товары изъ Петербурга въ Нарву, Ревель, а также привозилъ и оттуда. Страховъ жилъ въ своемъ домѣ и имѣлъ у себя на дворѣ садъ съ яблонями, вишнями и кустами смородины. Въ этомъ саду былъ прудъ съ карасями, и на берегу его стояли вырѣзанные изъ листового желѣза и раскрашенные фигуры оленя, медвѣдя, лисицы и двухъ охотниковъ: одного съ рогатиной, а другого — стрѣляющаго изъ лука. Семья Страхова была очень гостепріимная. Страховъ ходилъ по-русски, въ длинной сибиркѣ, съ бородой, но, какъ часто посѣщавшій Нарву и Ревель и имѣвшій тамъ дѣла, хорошо говорилъ по-нѣмецки. Страховы придерживались старообрядства. Отецъ мой и дядя у нихъ не курили. Знакомство съ Ямской послужило мнѣ въ послѣдствіи для написанія очерка: «Ямская въ праздники и въ будни».

Домовъ съ садами и прудами въ Петербургѣ въ центрѣ города было тогда довольно много, стало быть, земля не требовалась подъ застройку и дорого не цѣнилась. Были садъ и прудъ на Загородномъ проспектѣ у Пяти Угловъ.

Изъ увеселительныхъ садовъ въ эту эпоху въ Петербургѣ существовала только одна «Королева дача» на Выборгской сторонѣ, близъ Черной рѣчки. Тамъ игралъ оркестръ музыки, была лотерея аллегри, разыгрывавшая цвѣты и стеклянную посуду. Раза два меня, маленькаго, выряженнаго въ красную рубашку съ золотымъ поясомъ, возили туда на музыку.

А затѣмъ музыку слушали мы у себя на дворѣ. Въ то время, помимо самыхъ разнообразныхъ шарманокъ, ходили по дворамъ цѣлые оркестры, и жильцы всего двора усердно кидали имъ за игру мѣдные деньги изъ оконъ. Вмѣстѣ съ шарманками ходили по дворамъ «петрушки» съ ширмами, ученые собаки въ костюмахъ давали свои представленія, ходили акробаты, и плясали дѣвицы въ балетныхъ костюмахъ по проволокамъ. Большимъ успѣхомъ пользовался на дворахъ обезьяній циркъ съ маленькой лошадкой, угадывающей среди столпившихся зрителей пьяницъ. Возили показывать и звѣрей: тюленя въ бадѣ, барсуковъ, медвѣжатъ, лисицъ. Ребятишки толпами сопровождали ихъ со двора на дворъ.

Вотъ лѣтнія развлечения, которыми пользовалась наша семья и я до моего школьнаго возраста.

Зимой развлечения были еще скромнѣе. Холостой дядя, Василій Ивановичъ, жившій вмѣстѣ съ нами, ходилъ иногда по театрамъ и въ Нѣмецкій клубъ, увлекался Мартыновымъ въ Александринскомъ театрѣ, Бозіо и Лаблашомъ въ Большомъ театрѣ, гимнастами Віолемъ и Пачифико и много и восторженно рассказывалъ намъ о нихъ, но мой отецъ и мать позволяли себѣ ходить въ театръ только на Рождествѣ и на масленой, и при этомъ брали и насъ, маленькихъ дѣтей. Помню, что ложа третьяго яруса стояла тогда не дороже трехъ рублей, а четвертаго—еще дешевле. Кресла были за рубль, а мѣста за креслами 75 копеекъ. До отправления въ театръ разговаривали объ этомъ цѣлую недѣлю и цѣлую недѣлю говорили о видѣнной пьесѣ послѣ посѣщенія театра. Обыкновенно бралась ложа во второмъ или третьемъ ярусѣ и заполнялась совершенно: отецъ, мать, дядя, тетка моя и насъ, ребятъ, двое или трое. Съ собой брали для насъ холодный чай въ бутылкѣ, пирожки, бутерброды. Первою пьесою, которую мнѣ пришлось видѣть, была: «Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока». Актёровъ я не помню, но пьеса произвела на меня такое впечатлѣніе, что я не спалъ ночь, бредилъ, крича о пожарѣ, а на утро сейчасъ же самъ сталъ устраивать въ дѣтской сцену за пологомъ дѣтской кровати, нарядившись для чего-то въ красную фуфайку и изображая героя пьесы.

Помню, что я всему подражалъ, что впервые видѣлъ. Это видѣнное оставалось у меня надолго въ впечатлѣніи. Когда меня свели въ деревянный циркъ Віоля, находившійся у Александринскаго театра, и когда я увидалъ Віоля, прыгавшаго по сценѣ лягушкой и висѣвшаго на трапеціи, я самъ сталъ воображать себя акробатомъ, старался научиться прыгать лягушкой и сдѣлалъ себѣ трапецію въ дверяхъ. Увидавъ фокусника, который, взявъ у музыканта трубу, началъ выбивать изъ нея пухъ и набилъ цѣлую гору пуху, я самъ распоролъ дома подушку, высыпалъ изъ нея пухъ и сталъ продѣлывать нѣчто подобное же съ игрушечной трубой, наполнивъ пухомъ всю дѣтскую. Помню, что мнѣ жестоко за это досталось. Мать выдернула изъ вѣтника пруть и высѣкла меня. Подражательность у меня была во всемъ. Попавъ въ театръ на водевиль съ переодѣваньемъ, которые тогда были въ большомъ ходу, я дома самъ навьючивалъ на себя всевозможныя свои одежды и одежды сестеръ и изображалъ передъ нашими домашними переодѣваніе, убѣгая для сбрасыванія съ себя костюма за альковъ въ спальнѣ отца и матери. Красная фуфайка и красная турецкая феска съ кисточкой, которую кто-то подарилъ дядѣ, были у меня въ большомъ ходу.

А наказывала насъ, дѣтей, мать довольно часто, хотя и любила насъ горячо. Въ спальнѣ ея за туалетнымъ зеркаломъ всегда торчала розга, и эта розга всегда ходила по насъ, когда мы упрямилась, дерзничали или портили какія либо вещи. При приготовленіи къ экзекуціи я всегда прятался подъ кровать или подъ диванъ, но меня оттуда вытаскивали и стегали. Послѣ экзекуціи я опять прятался подъ кровать и долго лежалъ тамъ. Мать была горяча, но отходчива. Когда гнѣвъ ея проходилъ, она выманивала меня изъ-подъ кровати уже гостинцами. Отецъ былъ мягче матери и, когда мать наказывала, отнималъ меня отъ нея, но и онъ раза два отхлесталъ меня подтяжками. Сѣкли, обыкновенно, поваливъ на четвереньки и ущемивъ голову между колѣнъ. Тогда это было въ обычаѣ и составляло непремѣнную суть воспитанія дѣтей. Семейныя дамы, приходя другъ къ другу въ гости и перецѣловавъ всѣхъ дѣтей, хвалили ихъ за умъ и тотчасъ же спрашивали, часто ли ихъ наказываютъ и чѣмъ именно. Хозяйки удовлетворяли любопытство и въ свою очередь задавали вопросъ о наказаніяхъ. Въ большомъ ходу были ременные плетки, продававшіяся въ игрушечныхъ и щепенныхъ магазинахъ, и эти плетки даже дарили дѣтямъ на елку. Такъ, мой дядя, теткинъ мужъ, А., смотритель Биржевого гостинаго двора на Васильевскомъ островѣ, человекъ многосемейный, имѣвшій дѣтей отъ двухъ женъ, устраивая на Рождествѣ елку для своихъ дѣтей и для насъ, племянниковъ, каждому ребенку дарилъ по плеткѣ. Розга и плетка ходили и по дѣвочкамъ. У моего дяди и отца крестнаго, Ивана Ивановича Лейкина, жена-

таго на рижской уроженкѣ, старовѣркѣ безпоповскаго толка, были только дочери, но въ ихъ семьѣ и по дѣвочкамъ ходили розга и плетка. Мать моя тоже не дѣлала исключенія для моихъ маленькихъ сестеръ. Плетка имѣла гражданственность, была какой-то непремѣнной принадлежностью воспитанія и ученія. Когда меня дома посадили за азбуку, о чемъ будетъ рѣчь впереди, прежде всего положили на столъ плетку. Дѣлалось это добродушно, безъ злобы, но дѣлалось. Была даже поговорка о плеткѣ при ученіи: «азъ, буки—бери указку въ руки, ѳита, ижица—плетка ближится». Были случаи, когда насъ, дѣтей, стегали ласково, ради обычая, напримѣръ, въ Вербную субботу, возвратясь отъ всенощной съ освященной въ церкви вербой. Дѣлали вербой три удара и приговаривали: «верба — хлестъ, бей до слезъ, третье — на здоровье». Затѣмъ верба ставилась къ образамъ, за кіотъ, а одинъ ея пруть отдѣлялся и помѣщался въ бутылку съ водой на окнѣ; весной же, когда онъ давалъ корни, его въ день радоницы, во вторникъ на Өоминой недѣлѣ, отвозили на кладбище и сажали въ землю на могилкахъ, христосуясь съ покойниками. Такъ было заведено у насъ, у нашей родни и знакомыхъ нашихъ изъ купечества.

Я не упомянулъ еще о всѣхъ масленичныхъ и святочныхъ развлеченіяхъ, которыя доставлялись намъ, дѣтямъ. Балаганы, горы и карусели въ то время на масляной строились на Исаакиевской площади. И вотъ, въ одинъ изъ дней масленицы нанимались извозчицы четырехмѣстныхъ, такъ называемыхъ поповскія сани, куда сажали насъ, дѣтей, и возили вокругъ балагановъ и горъ, гдѣ въ то время бывало народное гулянье. Катанье это было въ большой модѣ у купечества. Богатыя купеческія семьи показывали дорогіе мѣха, рысаковъ, парадную упряжь. Да и не одніѣ купеческія семьи. Этими катаньями не брезговалъ и высшій свѣтъ. Въ придворныхъ каретахъ возили вокругъ горъ воспитанницъ-смоляненокъ въ красныхъ гарусныхъ капорахъ, воспитанницъ изъ Екатерининскаго и Николаевскаго институтовъ въ зеленыхъ салопахъ. Кареты и другіе экипажи тянулись въ нѣсколько рядовъ, а между рядами стояла и бродила военная и статская чиновная молодежь и перемигивалась съ хорошенькими юными питомицами. Катали и насъ среди этой вереницы и раздрающей уши смѣси звуковъ оркестровъ и шарманокъ, прислушивались съ восторгомъ къ грохоту стрѣльбы въ балаганахъ. Тогда балаганныя представленія были всѣ съ пальбой. Сдѣлавъ три-четыре круга, сани останавливались около какогонибудь балагана, и насъ вели въ мѣста смотрѣть представленіе. Помню, что лучшій балаганъ былъ балаганъ Легата съ арлекинадой, съ превращеніями, съ чертями. Арлекина рубили и рѣзали на части, онъ оживалъ нѣсколько разъ, билъ всѣхъ линейкой и къ концу представленія при освѣщеніи краснымъ бенгальскимъ огнемъ и при выстрѣлахъ возносился на облака подъ потолокъ.

вмѣстѣ съ дѣвицей въ трико и тюлевымъ платьѣ. Помню, что послѣ такого представленія я долго задавалъ себѣ вопросы, какъ это дѣлается, что арлекина изрубятъ на глазахъ, разбросаютъ его голову, руки и ноги, а онъ потомъ живъ. Мать говорила мнѣ, что это дѣлается машинами, а нянька увѣряла, что глаза отводятъ.

На Рождествѣ намъ устраивали елку, и елка эта зажигалась по-нѣмецки, непременно наканунѣ Рождества, въ сочельникъ. Отецъ и дяди мои служили приказчиками у нѣмцевъ и съ нѣмцевъ брали примѣръ. Сначала взрослые сходятъ ко всенощной, вернутся и зажгутъ для насъ елку. Помню, что мать тщательно оберегала насъ отъ скороми и не давала намъ наканунѣ Рождества ѣсть съ елки пряниковъ, которые ей казались скоромными. И мы слушались, оставляя эти лакомства до Рождественскаго утра. Въ Рождественскій сочельникъ у насъ въ домѣ былъ постъ строгій, и женская половина до звѣзды, т.-е. до вечера, ничего не ѣла, а мы, дѣти, питались только булками съ постнымъ чаемъ и не имѣли даже супу, такъ какъ даже постный супъ безъ масла не сварить, а въ этотъ день до вечера и постное масло изгонялось. Да и сахаръ считался скоромнымъ, такъ какъ онъ, какъ объ немъ тогда у насъ говорили, бычьей кровью и костями очищается, а потому къ чаю вмѣсто сахара давали желтый изюмъ или красный медъ.

Игрушекъ на елку намъ дарили много, такъ какъ тутъ были дары отца и матери, двухъ дядей, матери крестной, но игрушки эти были дешевыя: куклы съ головами изъ чернаго хлѣба, выкрашенными краской, а то и изъ тряпокъ съ нарисованными физиономіями и съ пришитой куделью вмѣсто волосъ, но мать и мать крестная, какъ портнихи, одѣвали этихъ куколъ по-своему, въ болѣе роскошные наряды и шили имъ костюмы. Затѣмъ, неизбѣжными игрушками были барабанъ, бубень, дудка, труба изъ жести. Гостинцы, украшавшіе елку, были самые дешевые. Ихъ покупали въ пряничномъ куренѣ братьевъ Лапиныхъ въ Чернышевомъ переулкѣ. Конфеты, завернутыя въ бумажкахъ съ картинками, были изъ смѣси сахара съ картофельной мукой и до того сухи, что ихъ трудно было раскусить. Картинки изображали нѣчто въ родѣ слѣдующаго: кавалеръ въ желтыхъ брюкахъ и синемъ фракѣ и дама въ красномъ платьѣ и зеленой шали танцуютъ галопъ, и внизу подпись: «Юлій и Амалія»; пастушка въ короткомъ платьѣ и барашекъ, похожій больше на собаку, и подпись: «Пастораль». Картинки эти раскрашивались отъ руки и очень плохо. Пряники были нѣсколько лучше конфетъ. Они были изъ ржаной и бѣлой муки и изображали гусаровъ, барынь, упершихъ руки въ бока, рыбъ, лошадокъ, пѣтуховъ. Ржаные были покрыты сахарной глазурью и расписаны, бѣлые тисненные и отдавали мятой или розовымъ масломъ. Золоченые грецкіе орѣхи, украшавшіе елку, всегда были сгнившіе, и я помню, что торговцы, продававшіе ихъ, въ

оправданіе свое всегда говорили: «помилуйте, да вѣдь свѣжихъ-то и не вызолотишь, позолота не пристанетъ».

Припоминая теперь дни своего дѣтства, я долженъ сказать, что ни у насъ, ни у нашихъ родныхъ никогда ничего изящнаго не было. Все было самое примитивное, грубое, простое. Двоюроднымъ братьямъ моимъ Крупенкинымъ, отецъ которыхъ имѣлъ ножовую лавку въ Гостиномъ дворѣ, какой-то пріѣзжій иностранный агентъ торговаго дома за хорошую выписку ихъ отцомъ товара привезъ изъ-за границы и подарилъ двѣ игрушки: маленькаго зайчика съ пружиной, бѣгавшаго по полу, и музыкальный ящичекъ, наигрывающій двѣ пьесы. Эти двѣ игрушки такъ цѣнились и казались настолько рѣдкими, что какъ только у Крупенкиныхъ бывали гости, сейчасъ же вынимались эти игрушки и показывались гостямъ. Зайчикъ заводился и бѣгалъ по полу, музыкальный ящичекъ пиликалъ пьески, а гости смотрѣли, слушали и умилялись. А понынѣшнему игрушки были самыя простыя и заурядныя.

Елка, зажженная въ первый разъ наканунѣ Рождества, продолжала у насъ стоять въ украшеніяхъ вплоть до Новаго года и зажигалась нѣсколько разъ. Устраивалась на святкахъ всегда вечеринка и, большей частью, въ Новый годъ, когда дядя Василій бывалъ именинникъ, на которую приглашались родственники, пріѣзжавшіе съ ребятами, и маленькихъ двоюродныхъ братьевъ моихъ и сестеръ у насъ собиралось на елкѣ человѣкъ до двадцати. Взрослые садились играть въ лото, а мы, дѣти, рядились во что попало и бѣгали по комнатамъ въ «уродскихъ» и «арапскихъ» маскахъ. На святкахъ обыкновенно намъ дарили карикатурныя маски съ длинными уродливыми носами, вывернутыми острыми подбородками, съ нарисованными волдырями на лбу и на щекахъ. Были и черныя маски негра съ красными губами. Дѣвочки рядились всегда цыганками въ пестрые платки, а мальчики, большей частью, выворачивали шубы мѣхомъ вверхъ и, надѣвъ ихъ, ползали на четверенькахъ, рыча и изображая медвѣдей и волковъ. Угощеніемъ для дѣтей были пряники, мармеладъ, пастила и орѣхи. Орѣхи давили дверьми. Трескотня шла по всей квартирѣ. Играющимъ въ лото взрослымъ подавались пуншъ, мадера, варенье. Помню, что блюдцевъ не полагалось къ варенью. Варенье подносилось въ вазочкѣ, въ ней была положена одна десертная ложка, и всѣ гости ѣли варенье по очереди съ одной ложки. Варенье подавалось разныхъ сортовъ. Подавались яблоки, нарѣзанныя на четвертинки, синій изюмъ и миндаль. Вечеринка заканчивалась ужиномъ, въ которомъ играла главную роль ветчина съ горошкомъ и клѣтчатый пирогъ съ вареньемъ и желе изъ бѣлаго вина съ вареньемъ и восковымъ зажженнымъ огаркомъ внутри. Иногда во время этихъ вечеринокъ приходили неизвѣстные намъ ряженые, «на огонекъ», какъ тогда говорилось. Эти ряженые въ большинствѣ слу-

чаевъ были также въ самодѣльныхъ костюмахъ, пищали или ре-вѣли басомъ, называли хозяевъ и гостей по именамъ, и хозяева и гости старались угадать, кто бы это были подъ масками. Такихъ ряженныхъ впускали въ домъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній и разспросовъ и тщательно слѣдили за ними, чтобы они чегонибудь не украли. Ряженные эти всегда являлись съ своимъ музыкантомъ—гитаристомъ или скрипачемъ, тоже ряженнымъ. Они плясали, напивались и уходили. Среди нашей родни не было музыканта, хотя у насъ въ домѣ и было старое разстроенное фортепiano.

Сестра моей матери, тетка моя Ольга, тогда молодая дѣвушка, а вмѣстѣ съ ней и наша прислуга, гадали на святкахъ про суженаго, спрашивали на улицѣ имена, смотрѣли въ зеркало, подслушивали у дверей чужихъ квартиръ. Удавалось или не удавалось имъ что либо видѣть во время гаданья въ зеркалѣ, я не знаю, но рассказывали онѣ потомъ много фантастическаго, въ которомъ большую роль игралъ «военный съ усами». Тетка впоследствии вышла замужъ, но не за военнаго съ усами, а за бородача купцарыночника, торговавшего обувью.

Къ Крещенью, въ крещенскій сочельникъ маски отъ насъ отбирались и сжигались. Считалось, что послѣ Крещенья грѣшно было держать ихъ въ домѣ. Являлись приходскіе священники съ крещенской водой, пѣли, кропили квартиру, а по уходѣ ихъ мы, дѣти, ставили мѣломъ кресты на всѣхъ дверяхъ и окнахъ «отъ нечистой силы». Святки съ ихъ «бѣсовскими» играми считались законченными.

Послѣ Крещенья опять тянулись длинные зимніе вечера, ничѣмъ не отмѣчаемые. Отецъ и дядя Василій, приходя домой со службы изъ конторъ обѣдать въ 5 часовъ, тотчасъ же надѣвали халаты и туфли и послѣ обѣда ложились соснуть. Въ 9-мъ часу, послѣ запора лавокъ въ Гостиномъ, приходилъ пить чай служившій въ голландскомъ магазинѣ дядя Николай, сидѣлъ часа два и уходилъ. Онъ жилъ у хозяевъ-голландцевъ, ѣлъ по постамъ скоромное и очень осуждался за это женскою половиною нашего семейства. Иногда онъ приносилъ намъ для просмотра картинокъ номеръ «Иллюстраціи» Фурмана или «Художественнаго Листка» Тимма, получавшагося имъ и его товарищами-приказчиками въ складчину. Сами мы въ то время журналовъ и газетъ не получали, и только во время крымской кампаніи я припоминаю у насъ въ домѣ номера «Полицейской Газеты» и «Сѣверной Пчелы». О всѣхъ происшествіяхъ въ городѣ получались свѣдѣнія изъ Гостиного двора отъ покупателей, и, придя домой, отецъ и дядя сообщали намъ о нихъ. Въ особенности сообщали о пожарахъ, которые тогда были очень часты вслѣдствіе обилія деревянныхъ построекъ. Пожары, освѣщая по вечерамъ Петербургъ заревоми, производили переполохъ. Отецъ и дядя и сами ѣздили на пожары. Пожары

были тогда какимъ-то спортомъ. На нихъ съѣзжалась аристократія, бывали лица царской фамиліи и самъ государь. Большимъ любителемъ ѣздить на пожары былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Помню рассказы о немъ, какъ о воодушевлявшемъ пожарныхъ молодецкими выкриками отборныхъ ругательствъ. Увѣряли, что пожарные очень цѣнили это изъ его устъ и лѣзли прямо въ огонь.

Также помню, что въ зимніе вечера у насъ иногда происходило и литературное чтеніе. Дядя Василій, любитель стиховъ, читалъ по рукописнымъ экземплярамъ «Евгенія Онѣгина» Пушкина и «Горе отъ ума» Грибоѣдова. Печатные экземпляры были тогда очень рѣдки. Читались и «Мертвыя души» Гоголя. А всѣ домашніе сидѣли и слушали. Чтеніе происходило въ маленькой гостиной при двухъ сальныхъ свѣчкахъ, съ которыхъ то и дѣло снимали нагаръ свѣтиленъ. Помню, что читали и «Ивана Выжигина» Булгарина, который тогда имѣлъ большой успѣхъ, читали «Тысячу одну ночь»—арабскія сказки Шехерезады. Мать крестная, старуха Варвара Сергѣевна въ послѣдствіи пересказывала ихъ намъ, дѣтямъ. Рассказывала она и эпизоды изъ романовъ Купера и Вальтеръ-Скотта, которые читала, а читала она много и памятью обладала замѣчательной.

Отецъ и дядя знали наизусть много цитатъ изъ «Евгенія Онѣгина» и «Горя отъ ума» и очень часто употребляли ихъ въ разговорахъ. Переписаны экземпляры этихъ сочиненій были самимъ дядей Василюмъ. Помню, что у него въ комнатѣ висѣла даже гипсовая маска Пушкина, а подъ ней двѣ рапиры крестъ на крестъ и маски для фехтованія, хотя фехтованіемъ у насъ никто не занимался. Висѣла и турецкая шашка на стѣнѣ. Рассказывали, что это оружіе было оставлено дядѣ кѣмъ-то за долгъ. Комната эта была пропитана табакомъ настолько, что въ ней даже мухи не могли жить. Дядя курилъ тогда табакъ Жукова изъ трубокъ на длинныхъ чубукахъ, которыхъ у него было много, и стояли онѣ въ углу въ мѣдномъ тазу.

Комната была меблирована замѣчательно просто. Не было въ ней ни ковра ни драпировки. Дядя не имѣлъ даже кровати и спалъ на сафьяновомъ диванѣ. Не было письменнаго стола, а въ простѣнкѣ стоялъ только карточный или ломберный столъ, какъ тогда ихъ называли, и на немъ банка огнива, зажигавшагося при нажатіи пружины, и ящикъ съ табакомъ, выложенный свинцомъ, да два подсвѣчника. Зеркальце висѣло самое убогое въ полъ-аршина, хотя дядя самъ брился и по-тогдашнему считался франтомъ, носилъ плащъ-альмавиву и сѣрую шляпу. На пальцѣ у него было чугунное кольцо съ вставленнымъ въ него гранатомъ, а въ галстухѣ была булавка съ адамовой головой. Онъ ходилъ съ длинными волосами, въ усахъ. Дома у насъ говорили, что онъ «знаетъ масонскіе знаки».

Скажу кратко, какъ у насъ проходилъ первый день Рождества, и перейду къ Пасхѣ. Утромъ всѣ ходили къ ранней обѣднѣ въ церковь Владимирской Божіей Матери, а, вернувшись домой, разговлялись ветчиной и пили кофе со сливками. Зажигалась елка. Приходили мальчишки-славильщики со звѣздами изъ бумаги и славили Христа передъ образомъ. Это были дѣти дворниковъ, водовозовъ, ремесленниковъ съ нашего и сосѣднихъ дворовъ. Ихъ приходило партій пять-шесть. Принимали ихъ всѣхъ и давали имъ копейки по три, по пятачку. Также являлись христовлавы-будочники и тоже пѣли передъ иконами. Будочники у насъ были знакомые и поставляли намъ швабры и банныя мочалки, которыя сами выдѣлывали. Они приходили, какъ изъ будки съ Владимирской улицы, такъ и отъ Гостинаго двора. Ихъ угощали водкой и давали имъ деньги. Затѣмъ приходили поздравлять дворники, водовозы, трубочисты, сторожа изъ церкви, парильщики изъ бани, сторожа изъ Гостинаго двора, сторожихи и бабки изъ бани, просвирни, богадѣленки, звонари съ колокольні, мусорщики и проч. Хорошо, что тогда рубль имѣлъ цѣну большую, и отецъ давалъ всѣмъ не болѣе, какъ по 20—30 копеекъ. Впрочемъ, всѣмъ поющимъ, кромѣ того, подносили водки, и этого добра тогда къ праздникамъ покупалось много. Припоминаю, что откупная водка тогда была препротивная, и дома ее у насъ не могли пить иначе, какъ съ прибавленіемъ какихъ-то капель, приобретаемыхъ въ аптекѣ. Отецъ крестный мой носилъ эти капли даже всегда съ собой въ карманѣ. Для того, чтобы не сбиться, сколько выдано поздравителямъ, и потомъ записать въ расходъ, отецъ мой держалъ большіе счета на подоконникѣ и послѣ каждой выдачи прибавлялъ сумму къ костяжкамъ. Христовлавленіе заканчивалось священниками изъ прихода, которые приходили уже часовъ около трехъ дня и непременно оставались выпить и закусить. Христа славилъ они уже совсѣмъ навеселѣ. Затѣмъ отецъ надѣвалъ фракъ и ѣхалъ дѣлать необходимые визиты и въ этотъ день обѣдать домой ужъ не пріѣзжалъ, а обѣдалъ у своего патрона, г. Герике. Дядя, служившій у швейцарца Боненблюста, обѣдалъ также у своего хозяина. Дома у насъ въ этотъ день обѣда съ супомъ не было, но мы ѣли съ утра до вечера съ праздничнаго стола, который такъ и не убирался.

Такой же порядокъ былъ и въ первый день Пасхи, съ тою только разницею, что всѣмъ приходилось христоваться разъ по сту, какой бы мужикъ ни приходилъ. Отказываться считалось не по-христіански, не въ обычаѣ. У насъ въ домѣ говорили, что даже и царь въ этотъ день христовуется съ солдатами. Со всѣми непременно обмѣнивались яицами. Яйца брали съ собой, отправляясь съ визитами. Нѣкоторые приспособливали у себя особые мѣшечки у пальто для яицъ.

Заутреню въ Пасху вся семья отстаивала въ дни моего дѣтства въ церкви Владимирской Божіей Матери—мужчины въ алтарѣ, женская половина на клиросѣ за рѣшеткой, и, чтобы пройти туда, въ церковь забирались рано, далеко еще до начала полунощницы. Ко всенощнымъ въ дни Страстной недѣли и къ Свѣтлой заутрени начали меня брать съ 6-ти лѣтъ, и часто случалось такъ, что я, уставъ, тамъ и засыпалъ, сидя на верхней одеждѣ, которую семья наша, снимая съ себя, складывала вмѣстѣ. Свѣтлую заутреню стояли съ нами вмѣстѣ дяди мои, даже и тѣ два, которые не жили съ нами, Николай, холостой, и Иванъ, женатый, но въ церковь послѣдній пріѣзжалъ всегда одинъ, безъ жены. Жена его, старообрядка безпоповщинскаго толка, и его двѣ свояченицы, жившія съ нимъ вмѣстѣ, нанимали карету и ѣздили къ заутрени въ модельную на Волково кладбище, для чего передъ отправленіемъ туда переряживались въ сарафаны и коты, расчесывали волосы, уничтожая свои модныя прически, покрывались платками и запасались подручниками и лѣстовками. Дядю очень огорчало, что жена его на бывала съ нимъ вмѣстѣ у заутрени. Онъ всячески склонялъ ее принять православіе, но тщетно. Ярой старообрядкой осталась она до своей смерти, и на ея похоронахъ ее отпѣвали старообрядческіе старики-наставники. Православные священники не ходили къ дядѣ въ домъ, жена не допускала. Крестили рождающихся дѣтей не на дому, а въ церкви.

III.

Не помню хорошо, но, должно быть, къ исходу седьмого года начали меня учить грамотѣ. За это дѣло взялась мать. Кубиковъ съ буквами для игры прежде не было, а потому, играя, я не могъ ознакомиться съ буквами, такъ что пришлось начинать прямо съ азбуки. Дѣлалось это не безъ нѣкоторой торжественности. Обрядная сторона у насъ въ семьѣ всегда играла роль. Прежде всего купили азбуку и указку—палочку изъ кости, которая тогда продавалась въ игрушечныхъ магазинахъ. Азбука была тоненькая съ картинками для каждой буквы: азъ, а, ананасъ; буки, б, барабанъ; вѣди, в, волкъ. Но на Оиту составитель не могъ придумать какого либо предмета, и стоялъ мужикъ съ кувшиномъ, а подпись гласила: «Оома съ квасомъ». Начали меня учить 1 ноября, въ день Космы и Даміана—патроновъ всѣхъ учащихся, а передъ началомъ ученія сводили въ церковь и поставили имъ свѣчку. Передъ полуднемъ усадили за азбуку. Помню, я плакалъ. Сестры и братья мои недоумѣвающе и съ сожалѣніемъ смотрѣли на меня, оторваннаго отъ игръ, но ихъ выгнали вонъ изъ комнаты.

Замѣчательно, что событія дѣтства я лучше помню, чѣмъ событія въ дни юности и даже зрѣлыхъ лѣтъ. Такъ и началъ

моего ученія запечатлѣлось у меня въ памяти. Мать сказала мнѣ, что если я буду прилежно учиться, то мнѣ къ Рождеству на елку купить театръ. (Картонный театръ съ опускающимися и поднимающимися декораціями и актерами на подставкахъ былъ моею мечтой). Если же буду лѣниться, то по мнѣ будетъ ходить розга. И мать торжественно указала на зеркало, изъ-за котораго всегда торчала розга. Ученіе пошло успѣшно. Черезъ мѣсяцъ я уже читалъ по складамъ и зналъ цифры. А 1 декабря, въ день пророка Наума, меня опять повели въ церковь, поставили свѣчку и заставили молиться, чтобы «батюшка пророкъ Наумъ навелъ меня на умъ». Черезъ мѣсяцъ еще я уже читалъ многосложные склады: «свя-тѣй-шіѣ», «пра-ви-тель-ствую-щій», «вы-со-ко-пре-вос-хо-ди-тель-ство», «архан-ге-ло-го-род-скій» и т. п. Одновременно съ чтеніемъ учили и писать. Сначала я обводилъ по карандашу перомъ буквы и цифры, которыя писала мать, хотя писала плохо и сама. Затѣмъ сталъ списывать съ прописей, сначала въ карандашныхъ линейкахъ, а затѣмъ по транспаранту. Готовыхъ линованныхъ тетрадей тогда не продавалось, и тетради нужно было линовать самимъ. Линейка была принадлежностью учащагося. Ею часто и наказывали, били по пальцамъ за плохое письмо. Прописи у меня были всякаго рода письма: прямого, косога, готическаго. Онѣ состояли изъ изреченій въ родѣ слѣдующихъ: «Ничего не откладывай на завтра, что можешь сдѣлать сегодня». «Что острѣе меча? Языкъ злого человѣка». «Столицу нашу спасаетъ отъ наводненія множество каналовъ». Былъ у меня и транспарантъ, на которомъ ничего, кромѣ черныхъ линеекъ, не находилось, а между тѣмъ внизу была подпись: «Печатать дозволяется. Цензоръ Обертъ».

Когда мать моя бывала занята по хозяйству, въ дѣлѣ ученія ее замѣняла тетка Ольга, ея сестра, молодая дѣвушка, сама только кое-какъ научившаяся читать и писать и начавшая это ученіе 16-ти лѣтъ, когда была выкуплена изъ крѣпостной зависимости и привезена изъ деревни. Училась она тоже у моей матери.

Должно быть, я учился хорошо, потому что картонный театръ у меня къ Рождеству явился. Помню, что я ужасно обрадовался, когда, выйдя изъ воротъ вмѣстѣ съ матерью на прогулку, могъ прочесть висѣвшую на углу Колокольной улицы вывѣску «Трактиръ купца Ротина». Очень радовало меня и то, что я при знакомствѣ съ цифрами могъ уже играть въ лото, когда старшіе члены семьи садились за него.

На слѣдующій годъ осенью я былъ отданъ для продолженія ученія въ начальное училище, находившееся на той же улицѣ, гдѣ мы жили. Его содержала жена инженернаго офицера Бѣляева и вмѣстѣ съ мужемъ своимъ обучала дѣтей всѣмъ предметамъ, не исключая Закона Божія и танцевъ. Законоучителя священника или дьякона мы не видѣли. Учащихся было немного—человѣкъ 15.

Были мальчики и дѣвочки. Партъ не было. Сидѣли за столами съ откидными полами на подставленныхъ ножкахъ. Помню, что полы эти иногда, если дѣти распялятся и отодвинутъ ножку, падали, съ нихъ все летѣло, и полъ заливался чернилами. Насъ наказывали: ставили въ уголъ, иногда на колѣни. Былъ и дурацкій колпакъ съ ослиными ушами, какъ наказаніе, сдѣланный самимъ Бѣляевымъ. Дѣвочки и мальчики были подѣлены по разнымъ комнатамъ, и мы, мальчики, учились въ комнатѣ, гдѣ за ситцевой занавѣской стояли двѣ кровати и спали двѣ старухи, тетки Бѣляевой. Бѣляевы были очень бѣдны, дѣтей не имѣли, но были обременены престарѣлыми родственниками. Кромѣ двухъ старухъ, на ихъ попеченіи былъ еще сумасшедшій братъ Бѣляевой, бывшій офицеръ. Онъ иногда прибѣгалъ въ классы въ халатѣ съ раскрашеннымъ клюквой и жженой пробкой лицомъ и декламировалъ монологи изъ трагедій, но Бѣляевы тотчасъ же его выгоняли. Помѣшанъ онъ былъ на театрѣ. Одна изъ тетокъ Бѣляевой, вѣчно вязавшая чулокъ, изображала иногда у насъ въ училищѣ въ отсутствіе учительницы Бѣляевой нѣчто въ родѣ классной дамы и рассказывала намъ, что она когда-то имѣла тысячу душъ крестьянъ и ѣздила на четверкѣ въ каретѣ, но мужъ ея проигралъ все въ карты. Прислугой у Бѣляевыхъ была ихъ крѣпостная дѣвушка — высокая, рябая, съ попорченнымъ оспой глазомъ. Она ходила всегда босая, въ затрапезномъ платьѣ и часто жаловалась намъ, что она живетъ впроголодь, и выпрашивала у насъ себѣ на булку. Бѣляевъ и его жена были буквально красавцы, молодые, свѣжіе, онъ брюнетъ, она блондинка. За ученіе они брали по 3 рубля въ мѣсяцъ и совсѣмъ не дѣлали лѣтнихъ каникулъ, дабы не лишиться въ лѣтніе мѣсяцы платы за ученіе. Бѣляевъ отлично рисовалъ и былъ превосходнымъ каллиграфомъ. Къ поздравленьямъ, которыя заставляли насъ, учениковъ, писать и подавать родителямъ къ Пасхѣ и Рождеству, онъ дѣлалъ сверху замысловатыя виньетки перомъ. За это и мы отблагодаряли его. Было принято приходить поздравлять ихъ съ праздниками и приносить сладкіе кондитерскіе пироги. Такіе же пироги подносили имъ и въ дни ихъ именинъ. Меня и сестру мою Бѣляевы учили французскому и нѣмецкому языкамъ, но были въ училищѣ ученики и ученицы, которые отъ обученія иностраннымъ языкамъ отказывались. Составъ учащихся былъ самый разнообразный. Были дѣти купцовъ, ремесленниковъ, духовенства и была даже дочь полицейскаго хожалаго. Судьба такъ устроила, что у Бѣляевыхъ учился и сынъ того купца Ротина, чью вывѣску надъ трактиромъ я прочелъ, впервые научившись читать. Этотъ сынъ трактирщика Ротина сдѣлался моимъ школьнымъ пріятелемъ. Онъ умеръ недавно.

Вторымъ школьнымъ пріятелемъ былъ Саша — сынъ мелкаго кухмистра, проживавшаго въ одномъ съ нами домѣ и отпускав-

шаго съ своей кухни кушанье, а иногда устраивавшаго свадебные столы и похоронные поминки. Саша былъ юркій и способный мальчикъ. По праздникамъ у насъ въ приходской церкви онъ подпѣвалъ дьячкамъ на клиросѣ, помогалъ церковнымъ сторожамъ растапливать въ ризницѣ печку для кадила, убиралъ по ихъ указанію и тушилъ огарки изъ подсвѣчниковъ, а иногда выносилъ и свѣчу въ подсвѣчникъ передъ Евангеліемъ. Все это мнѣ очень нравилось, и я стремился подражать ему. Такъ какъ въ церковь меня водили каждый праздникъ ко всенощной и къ обѣднѣ, то познакомиться черезъ Сашу мнѣ было очень нетрудно и со сторожами и дьячками, и я также сталъ подпѣвать на клиросѣ и собирать огарки. Пѣвчихъ тогда при нашей церкви не было, и пѣла «сборная братія», какъ тогда называли. Козлилъ теноромъ купецъ-яичникъ, былъ басъ — приказчикъ мужа моей тетки, пѣли братья-фруктовщики Н., мой двоюродный братъ Саша Крупенкинъ, мальчикъ моихъ лѣтъ, пѣлъ посудникъ Іщ. и какой-то безбородый, испитой скопецъ въ длиннополой сибиркѣ съ жирно смазанными волосами на головѣ. Помню, что Іщ. хорошо читалъ часы и Апостола, куда лучше дьячковъ. Усердствующіе прихожане изъ купцовъ ходили и за сборомъ съ кружками по церкви во время богослуженій, а кружекъ, блюдевъ и кошельковъ носили тогда куда больше десятка. Впереди всѣхъ шелъ съ блюдомъ приказчикъ старосты, звонилъ въ колокольчикъ и расталкивалъ народъ, за нимъ двигалась вся вереница. На кошелькахъ также были колокольчики. И вотъ въ этой процессіи участвовалъ иногда и я съ кошелькомъ или блюдомъ, и это мнѣ очень нравилось.

Такъ же во время крестныхъ ходовъ въ Пасхальную недѣлю вокругъ церкви я, Саша-кухмистеръ, какъ мы его звали, и Саша Крупенкинъ каждый день носили зажженные свѣчи передъ образами, а иногда и самые образа, если не было на это желающихъ изъ взрослыхъ. Держать блюдо съ кусочками антидора или святой водой, когда священникъ кропилъ богомольцевъ, подходившихъ ко кресту, считалось для меня также высшимъ удовольствіемъ, а когда меня кто-то изъ нашихъ родственниковъ сводилъ на колокольню, и я увидалъ, какъ тамъ трезвонятъ, я былъ на верху блаженства. Подтягиваніе на клиросѣ заставляло меня учить кондаки, тропари и ирмосы, что я и дѣлалъ по молитвеннику. Два Саши и я, сходясь вмѣстѣ, даже репетировали передъ службами, дѣлая спѣвку.

Вскорѣ я такъ сжился съ церковью, что зналъ всѣхъ нищихъ на паперти, а нищихъ тогда было такое множество, что они покрывали всю паперть. Были хромые и безрукіе отставные солдаты, бабы съ ребятами за пазухами, слѣпые, распѣвающие Лазаря, расслабленные, привозимые въ колясочкахъ, ныли ребятишки въ отрёпьяхъ, протягивая руки и причитая, стонало множество

старухъ въ капорахъ и съ лукошечками для сбора, монахини и сборщики на церковь съ книгами, странники, подвязанныя лица въ замасленныхъ фуражкахъ съ кокардами, которыхъ всѣ звали «чиновниками». Помню, что про одного нищаго въ синихъ круглыхъ очкахъ всѣ говорили, что у него есть «капиталъ», но ему все-таки подавали; про другую старуху нищую рассказывали, что она выдала дочку замужъ за иконописца и дала за ней хорошее приданое. Такое скопище теперь можно видѣть развѣ въ провинціальныхъ монастыряхъ. Полиція нищихъ тогда не разгоняла. Это былъ ея доходъ. Подавали милостыню почти всѣ, такъ какъ благотворительныхъ обществъ почти не было. Милостыня была непремѣнною принадлежностью посѣщенія церкви. Купцы и купчихи являлись въ церковь съ кожаными кисами, наполненными мѣдными деньгами, и раздавали то за упокой, то за здравіе, произнося при каждой подачкѣ по пяти, по шести именъ. Многіе нищіе грубили прихожанамъ, говорили дерзости, плевались, грозили за малую подачку, но ихъ считали юродивыми, и успѣхъ ихъ былъ еще большій въ дѣлѣ сбора милостыни.

Кромѣ нищихъ, около паперти стояли торговцы-разносчики, продававшіе дешевыя иконы, крестики, ладанки, книжки житій святыхъ, освященные стружки, камешки, деревянное масло въ пузырькахъ. Были и разносчики съ квасомъ, сбитнемъ, пряниками. И все это раскупалось охотно. У насъ говорили, что весь нищій, а также и торговый людъ, стоявшій у церкви, дѣлился тогда съ церковными сторожами, и отецъ мой и дяди въ шутку называли сторожей откупщиками.

Занесу первое мое говѣнье. Къ причастію мнѣ сдѣлали новую синюю курточку съ бронзовыми пуговицами и сизосѣрыя брюки. Дѣлалъ дѣтскій портной Альвангъ, и наши домашніе долго потомъ вздыхали, сколько онъ съ нихъ содралъ; это было, впрочемъ, только одинъ разъ. Въ домѣ у насъ привыкли къ экономіи, костюмы для дѣтей шили дома сами, суконныя вещи всегда непременно изъ стараго, изъ отцовскаго, изъ спорковъ съ шубъ. Для суконныхъ вещей призывался портной Николай Алексѣичъ (фамиліи мы его не знали)—старикъ въ длиннополомъ сертукѣ, сѣдой, съ клинистой бородкой и въ круглыхъ оловянныхъ очкахъ. Бралъ онъ очень дешево и считался очень выгоднымъ портнымъ. Про него говорили, что онъ былъ такой искусникъ, что и изъ старой шапки ухитрялся сдѣлать жилетку. Снималъ онъ мѣрку бумажной мѣркой, которую дѣлалъ тутъ же, прося бумажки, и отмѣчалъ на ней нарѣзами. Его всегда просили, чтобы онъ шилъ дѣтямъ платье «на ростъ», то-есть рукава и полы длиннѣе, чѣмъ нужно. Рукава иногда засучали. Дѣлали складки и на штанишкахъ. Фантастическихъ костюмовъ у насъ не было никакихъ. Экономія въ домѣ была во всемъ. Даже и передѣланное изъ спорковъ платье но-

силъ я одинъ, какъ старшій, а братьямъ моимъ почти всегда платъе переходило отъ меня, когда я выросалъ изъ него.

Говѣли мы всегда всѣмъ домоу сразу, и для говѣнья всегда намѣнивалось новое мелкое серебро, преимущественно пяточки и гривенники, чтобы расходовать въ церкви. Исповѣдывались всѣ у отца настоятеля Владимирской церкви, протоіерея Михаила Малейна, дряхлаго старика, совершенно глухого, но все-таки ѣздившаго въ Рождество и Пасху славить и взбиравшася къ намъ въ четвертый этажъ. Онъ вѣнчалъ отца и мать, крестилъ меня и другихъ дѣтей. Помню, что первая моя исповѣдь заключалась въ разспросахъ со стороны священника: чей ты такой, не обманываешь ли родителей, не таскаешь ли украдкой сахаръ изъ сахарницы, не оскормился ли, не грубишь ли родителямъ? Отвѣтовъ моихъ онъ не слыхалъ, да и не интересовался ими. Помню, что, когда я послѣ исповѣди положилъ ему на блюдо блестящій пяточокъ, онъ досталъ его съ блюда и, передавая его мнѣ обратно, сказалъ: «возьми себѣ на пряники». А про него говорили, что онъ былъ очень скупъ, и я помню, что онъ ходилъ всегда въ потертой, выцвѣтшей лиловой рясѣ, совсѣмъ отрепанной, тогда какъ другіе священники нашего прихода одѣвались франтовато и во всю душились розовымъ масломъ.

Прибавлю, что протоіерею Михаилу Малейну въ день его ангела всегда посылали отъ насъ сладкій кондитерскій пирогъ. Это было принято у прихожанъ.

Мать наша была богомольна, молилась дома утромъ и вечеромъ по молитвеннику, равно, какъ и тетка ея, моя мать крестная, которую, когда мнѣ минуло лѣтъ десять, пришлось за старостью лѣтъ взять въ домъ, и у насъ уже стали жить двѣ старухи — мачеха отца и тетка матери. Живя въ одной комнатѣ, эти старухи всегда ссорились. Мачеха отца была не совсѣмъ въ здоровомъ умѣ и дѣлала много чудачествъ. У нея были деньги, до 10.000 рублей, полученные ею по наслѣдству отъ какого-то родственника, были и брильянтовые вещи, какъ ея приданое, но она денегъ не тратила, вещей никому не давала и держала ихъ въ комодѣ, а ключъ отъ комода на крестѣ. Впослѣдствіи эти деньги у нея выманила обманомъ ея сестра, привела ее чуть не къ окончательному умопомѣшательству, и она впала въ дѣтство. Мачеха отца почти никогда не выходила изъ дома, и ее чуть не силой водили въ церковь говѣть и раза три въ годъ возили въ баню. Теткѣ матери она очень часто дѣлала самыя дѣтскія озорничества: то и дѣло гасила «неугасимую» лампаду передъ ея образомъ, умышленно плевала на полъ передъ тѣмъ, какъ той надо молиться и дѣлать земные поклоны, сажала ей въ коробку съ зубнымъ порошкомъ таракановъ и мухъ, а также и въ молитвенникъ ея. Съ этого и начиналась перепалка.

Отецъ и дядя не были богомольны, но соблюдали всѣ церковные обряды и наканунѣ праздниковъ и въ праздники посѣщали церкви. Ходить наканунѣ воскресенья и праздниковъ въ гости и принимать у себя гостей считалось у насъ грѣхомъ. Впослѣдствіи это стало измѣняться, но, когда мы были дѣтьми, было такъ. Насъ, дѣтей, мать заставляла утромъ, когда мы вставали отъ сна, и вечеромъ, ложась спать, читать передъ образомъ «Отче Нашъ», «Богородицу», «Вѣрую», поминать на молитвѣ всѣхъ членовъ семьи, и при этомъ мы дѣлали земные поклоны. Пока мы не знали молитвъ, мы повторяли ихъ за матерью. Будучи уже мальчикомъ лѣтъ 12—13, я безъ угрызенія совѣсти не могъ лечь спать, не прочитавъ всѣхъ этихъ молитвъ, хотя бы наскоро, бормоткомъ; кромѣ того, я молился, чтобы Богъ помогъ мнѣ знать завтра уроки и получить хорошую отмѣтку, при чемъ крестилъ книгу и клалъ ее подъ подушку. Помню, что даже молился, чтобы нашлись потерянные вещи, въ родѣ перочиннаго ножика, чтобы нашлся нашъ большой сѣрый котъ, котораго мы, дѣти, такъ любили, и который часто пропадалъ на два-три дня.

Кстати о котѣ. Съ самаго ранняго дѣтства мы жили среди животныхъ. У насъ всегда были два-три кота, двѣ-три собаки, и я очень любилъ ихъ и мальчикомъ бралъ кота спать въ постель. Кромѣ того, у насъ всегда бывали морскія свинки или кролики. Кошекъ и собакъ мы всѣ очень любили и даже кормили припльхъ бродячихъ кошекъ, которыя всегда во множествѣ сидѣли у насъ на черной лѣстницѣ, около нашихъ дверей. Ихъ мы называли «нищими» и выносили имъ подаваніе.

Въ дѣтствѣ, въ отрочествѣ, въ юности я всегда имѣлъ при себѣ собаку или кошку, спалъ съ ними, и любовь къ этимъ животнымъ у меня сохранилась и понынѣ. Будучи ребенкомъ и отправляясь съ нянькой гулять въ церковную ограду, я всегда захватывалъ съ собой хлѣба, чтобы кормить бѣдныхъ бродячихъ собакъ, которыя ютились тамъ, получая отъ рѣзвящихся дѣтей кусочки пряниковъ, покупаемыхъ у разносчиковъ, расположившихся въ оградѣ.

Въ Благовѣщеніе на этой оградѣ появлялись продавцы птицъ съ садками, и богомольцы усердно раскупали этихъ птицъ на выпускъ. Выпускалъ и я на волю такихъ птичекъ, выпросивъ у матери нѣсколько копеекъ. Помню, когда былъ ребенкомъ, жила у меня галка, выпавшая изъ гнѣзда и привезенная съ кладбища, которую я воспитывалъ, кормя говядиной. Галка эта сдѣлалась ручной, но, вполне окрѣпши, улетѣла и не возвратилась, что меня очень огорчило; я долго плакалъ и на молитвѣ дѣлалъ земные поклоны, чтобы галка вернулась.

Съ особеннымъ удовольствіемъ кормилъ я голубей и воробьевъ, которые прилетали ко мнѣ на подоконникъ. Мы, дѣти, отмѣчали

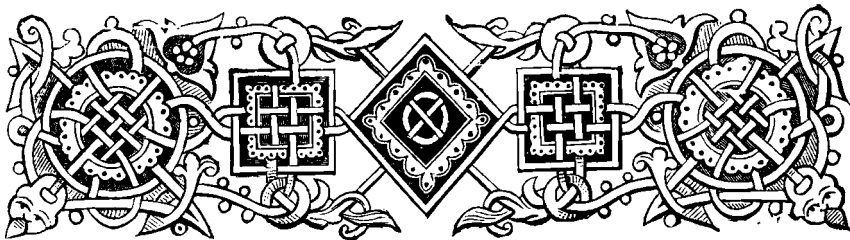
болѣ смѣлыхъ воробьевъ; они носили у насъ названіе знакомыхъ и назывались Кузьма, Матрена и т. п.

Кстати сказать, кормленіе птицъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, было связано съ благочестіемъ. Почти каждый лавочникъ занимался этимъ, вынося поутру изъ лавки зерна или хлѣбъ для голубей и воробьевъ, высыпалъ кормъ и при этомъ крестился. Часто можно было видѣть лавочниковъ, къ которымъ голуби садились на голову, на плечи. Гнѣздо птицы, свитое въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно даже мѣшало, никогда не разорялось взрослыми и считалось благословеніемъ Божиимъ. Въ радоницу, при поминаненіи усопшихъ, кормили птицъ на кладбищахъ. Члены нашей семьи возили на кладбище грачамъ, галкамъ и воронамъ даже говядину. Гостиный дворъ былъ переполненъ голубями. На углахъ Гостиного двора стояли ряды саечниковъ и калачниковъ, выкрикивая «сайки горячи» и прямо всовывая ихъ въ руки прохожихъ. Отъ зазыванія покупателей выкрики висѣли въ воздухѣ, и, невзирая на это, голуби летали надъ головами саечниковъ, садились къ нимъ на плечи, на лотки съ товаромъ. Голубь считался птицей священной. Отецъ мой рассказывалъ, что какой-то англичанинъ, торговавшій внутри Гостиного двора въ кладовой, вздумалъ стрѣлять тамъ изъ духового ружья голубей на жаркое, такъ домовые извозчики, всегда стоявшіе внутри Гостиного двора, до того этимъ возмутились, что чуть не убили англичанина, нанеся ему жестокіе побои.

Н. А. Лейкинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾.

IV.

ВЪ ПРИГOTOBИTEЛЬНОМЪ училищѣ Бѣляева пробылъ я два года, и отецъ отдалъ меня въ Реформатское училище, на Мойкѣ, близъ Полицейскаго моста, которое и понынѣ существуетъ при французской, голландской и нѣмецкой реформатскихъ церквахъ въ Петербургѣ. Нѣмецкой реформатской церкви тогда еще на Мойкѣ, близъ Морской построено не было, она построена въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, и нѣмцы отправляли богослуженіе по реформатскому обряду, вмѣстѣ съ французами-гугенотами въ церкви на Большой Конюшенной улицѣ. Выборъ такого училища, гдѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ происходило на нѣмецкомъ языкѣ, былъ сдѣланъ отцомъ послѣ долгихъ обсужденій и былъ не безъ вліянія со стороны нѣмцевъ и голландцевъ, у которыхъ служили отецъ и дяди, принадлежавшихъ въ реформатскому вѣроисповѣданію. Кромѣ того, въ тѣ времена дѣтей купцовъ принимали не во всѣ гимназіи, и при пріемахъ были большія затрудненія. Для дѣтей купцовъ было коммерческое училище, но это училище въ то время было закрытое, исключительно съ пансіонерами, и тогдашняя плата въ 300 рублей въ годъ была для отца не по средствамъ. Существовалъ на Васильевскомъ острову

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СІІІ, стр. 152.

коммерческій пансіонъ Гирста, но тамъ плата была еще выше. Реформатское же училище брало за ученика только 60 рублей въ годъ. Также отецъ и дяди, служа у иностранныхъ купцовъ, гдѣ обращеніе со служащими было неизмѣримо лучше, чѣмъ у русскихъ купцовъ, и проча и меня на службу въ подобную же контору, — они видѣли, какой недостатокъ представляло имъ по службѣ незнаніе иностранныхъ языковъ, а потому и хотѣли, чтобы я научился нѣмецкому и французскому языкамъ. Отецъ очень часто говорилъ, что товарищъ его бухгалтеръ, знающій по-нѣмецки и по-французски, получаетъ жалованье вдвое больше его, и работы у него менѣе.

И вотъ я въ Реформатскомъ училищѣ. Определенъ я былъ туда почему-то не въ началѣ учебнаго года, а въ октябрѣ. Отецъ привелъ меня рано утромъ къ инспектору Реформатскаго училища Гордаку, жившему при училищѣ. Гордакъ — сѣдой старикъ нѣмецъ, давно небритый, съ щетинистымъ подбородкомъ, небольшого роста, краснолицый, съ длинными волосами, принялъ насъ у себя въ кабинетѣ, но оказался почти неговорящимъ по-русски. Меня поразило костью его. Одѣтъ былъ въ застегнутое на всѣ пуговицы пальто, безъ признаковъ бѣлья и былъ въ резиновыхъ калошахъ. Прибавлю, впрочемъ, что на шеѣ его была намотана косынка. Помню, что отецъ объяснялся съ нимъ чуть не пантомимой. Говорили довольно долго, не понимая другъ друга, Гордакъ по-нѣмецки, вставляя русскія и французскія слова, отецъ — по-русски, перемѣшивая разговоръ съ нѣмецкими и французскими словами, какія зналъ. Гордакъ четверть вѣка прожилъ въ Петербургѣ и не научился по-русски. Онъ развернулъ книгу, далъ мнѣ прочитать по-нѣмецки. Дрожа всѣмъ тѣломъ, чуть не плача и заикаясь (въ дѣтствѣ я сильно заикался), я прочиталъ нѣсколько строкъ. Затѣмъ я прочиталъ по-французски. Гордакъ сталъ спрашивать меня таблицу умноженія по-нѣмецки. Я спутался по-нѣмецки и не могъ отвѣчать. Онъ взялъ грифельную доску и началъ задавать мнѣ вопросы изъ таблицы умноженія, ставя цифры на доскѣ. Я отвѣчалъ также письменно. Онъ покачалъ головой, вынулъ изъ кармана леденецъ и, подавая его мнѣ, сказалъ: «Im ganzen gut. Da hast du». Я былъ принятъ. Отецъ заплатилъ деньги за ученіе, получилъ квитанцію и сталъ прощаться со мной, я заплакалъ. Изъ кабинета мы вышли вмѣстѣ. Гордакъ взялъ меня за руку, повелъ въ коридоръ. Большіе часы въ коридорѣ показывали девять. Около часовъ висѣлъ большой колоколъ. У колокола стоялъ школьный сторожъ (Schuldiener). Гордакъ сдѣлалъ ему знакъ и крикнулъ: «Zum Gebet!» (Къ молитвѣ!). Сторожъ зазвонилъ. Распахнулись двери, выходившія въ коридоръ, и изъ нихъ толпами стали выскакивать ученики всѣхъ возрастовъ и въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Всѣ бѣжали на молитву, куда повелъ и меня Гордакъ.

Молитва происходила въ самомъ большомъ изъ классовъ училища—въ *Secunda*'ѣ, во второмъ этажѣ, куда собирались ученики всѣхъ классовъ. Здѣсь стоялъ большой органъ въ ясномъ чехлѣ. На классной доскѣ были написаны по-нѣмецки стихи псалма. Гордакъ сѣлъ за органъ и сталъ играть мелодію. Ученики запѣли псаломъ. Вотъ псаломъ пропѣтъ. Старичокъ гладкобритый съ крючковатымъ носомъ, въ длиннополомъ черномъ сертукѣ, сталъ читать «Отче нашъ» на нѣмецкомъ языкѣ. Это былъ законоучитель училища для нѣмцевъ лютеранъ и реформатовъ, пасторъ Клиппъ.

Молитва кончилась. Учителя и воспитатели стали разводить учениковъ по классамъ. Я, новичокъ, никогда не видѣвшій такой церемоніи, стоялъ оробѣвшій и не знавшій, что мнѣ дѣлать. Инспекторъ Гордакъ взялъ меня за руку и повелъ въ классъ въ нижнемъ этажѣ. Когда мы туда входили, я прочиталъ надъ дверями надпись «*Quarta*».

Гордакъ остался въ классѣ и началъ преподавать ариметику. Урокъ начался съ того, что онъ заставилъ весь классъ писать въ черновыя тетради, которыя, кстати сказать, назывались почему-то въ училищѣ «олляпотридами» (*ollepotrida*), таблицу умноженія на 11, 12, 15 и 16. Всѣ ученики писали и при этомъ хоромъ пѣли по-нѣмецки, что пишутъ. Самъ Гордакъ ходилъ въ это время по классу, мягко ступая ногами въ резиновыхъ калошахъ и при этомъ усиленно нюхая табакъ. Когда таблица умноженія была написана, онъ вызвалъ одного изъ учениковъ къ доскѣ, велѣлъ писать задачу и затѣмъ рѣшать ее въ слухъ. Остальные ученики молча дѣлали это же у себя въ тетрадяхъ.

Гордакъ стоялъ около доски и при малѣйшей ошибкѣ ученика ругалъ его осломъ, поросенкомъ, обезьяной. Наконецъ, посыпались затрешины, подзатыльники. Нѣсколько разъ дергалъ онъ ученика за вихоръ, за ухо и, когда задача была кончена, уже ласково награждалъ его щелчкомъ въ носъ (*Stiebernase*), при чемъ велѣлъ благодарить. Начался осмотръ тетрадей съ задачами, и здѣсь затрешины, сопровождаемыя ругательствами. Однако, какого-то ученика за замаранную тетрадь онъ выслалъ изъ класса, сказавъ: «*Spazier... Десять на рукъ*». Онъ любилъ вставлять въ нѣмецкую рѣчь русскія слова. Ученикъ заплакалъ, удалился и вернулся, дую въ кулаки. Школьный сторожъ, шульдинеръ, отбарабанилъ его по рукамъ розгой. Былъ высланъ и еще ученикъ съ приказаніемъ получить пять ударовъ по штанамъ.

— *Bekomm fünf auf die Hosen*,—сказалъ Гордакъ спокойно.

Такія наказанія меня поразили. Я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ и при этомъ слышалъ, какъ въ коридорѣ раздалось пять рѣзкихъ ударовъ. Ученикъ вернулся заплаканный. Я и самъ чуть не плакалъ.

Сдѣлавшихъ вѣрно задачу (припоминаю, что это было что-то изъ именованныхъ чиселъ) и подавшихъ ее, чисто написанную,

раньше, чѣмъ ее окончилъ ученикъ на большой доскѣ, Гордакъ записалъ въ классный журналъ въ отдѣлѣ «Lob» (похвала). Потерпѣвшіе тѣлесное наказаніе были записаны въ отдѣлѣ «Tadel» (порицаніе). Урокъ кончился.

Гордакъ преподавалъ ариметику, алгебру и геометрію во всѣхъ классахъ, кромѣ приготовительнаго, а было ихъ всѣхъ пять: квинта, кварта, терція, секунда и прима, а черезъ годъ послѣ моего поступленія сдѣлали шесть, подѣливъ терцію на клейнъ-терцію и гроссъ-терцію.

Гордакъ былъ превосходный преподаватель ариметики съ отличной системой (рѣшеніе большихъ задачъ въ головѣ), но необычайно жестокій даже и для того времени учитель. Затрепцины, удары по затылку, удары по щекамъ, дранье за волосы и за уши, наказанія розгой по рукамъ и «по штанамъ» (ударяли обратной стороной розги, окомелкомъ) отъ него такъ и сыпались. Не освобождались у него отъ этихъ наказаній и ученики старшихъ классовъ, юноши 17—18 и болѣе лѣтъ. Тѣлесное наказаніе тогда существовало во всѣхъ училищахъ духовнаго, гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, даже въ Пажескомъ корпусѣ и Училищѣ Правовѣдѣнія, но оно примѣнялось въ исключительныхъ случаяхъ, Гордакъ же расточалъ наказанія каждый день во время каждого урока, при чемъ онъ и самъ собственноручно билъ и дралъ учениковъ за волосы. Часто за небольшія провинности онъ заставлялъ провинившихся учениковъ самихъ таскать другъ друга за волосы и наслаждался этимъ зрѣлищемъ. Другіе учителя были сдержаннѣе, были такіе, которые совсѣмъ не употребляли тѣлесныхъ наказаній, но онъ, какъ инспекторъ училища (директора училища при моемъ поступленіи не полагалось), являлся въ классъ на урокъ для наблюденій и производилъ отъ себя свою жестокую расправу. Иногда онъ наказывалъ за одну и ту же вину три раза: во время урока, по субботамъ, когда дѣлалась сводка «лобовъ» и «таделей», и при третнихъ отмѣткахъ.

По субботамъ воспитатель представлялъ Гордаку сводку «лобовъ» и «таделей», и онъ самъ надписывалъ и выдавалъ билеты за прилежаніе (für Fleiss) зеленые за три лоба, синіе—за четыре и красные—за пять. Удостоившихся же быть записанными въ теченіе недѣли три раза въ «тадель» приказывалъ отбарабанить шульдинеру десятью ударами розги по штанамъ. Экзекуція эта происходила въ комнатѣ, носившей названіе «конференціи». Въ ней собирались учителя во время перемѣнъ, стояли шкафы съ книгами, съ физическими инструментами и кое-какими предметами по зоологии и минералогіи. Здѣсь же въ отдѣльномъ шкафчикѣ находились и розги въ ведрѣ. При субботнихъ экзекуціяхъ Гордакъ обыкновенно присутствовалъ самъ. По окончаніи классовъ въ субботу сюда сгонялись все ученики, получившіе три «таделя». Ино-

гда ихъ было 10—15. Шульдинеръ Петръ—русскій, отставной солдатъ, или Томасъ, финляндецъ, наказывали ихъ поочередно. Ученикъ ложился животомъ на табуретку, шульдинеръ натягивалъ одной рукой его штаны, а другой производилъ удары розгой по штанамъ. Когда ученикъ уже получилъ опредѣленное число ударовъ, Гордакъ часто глумился и спрашивалъ его:

— Ну, что, сладко (süss)?

Порядки и быть Реформатскаго училища, существовавшіе полѣтка тому назадъ, впоследствии были у меня описаны въ отдѣльномъ очеркѣ, подъ названіемъ «Учебный день въ нѣмецкой школѣ», помѣщенномъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевского, а затѣмъ изданномъ отдѣльно въ сборникѣ разсказовъ «Ребятишки», но тамъ не говорится, какое это было училище, и не называются по фамиліямъ учителя.

Въ кварталъ я просидѣлъ всего два-три дня. Должно быть, знанія мои оказались выше преподаваемаго тамъ. Гордакъ явился въ классъ въ первый урокъ, поманилъ меня пальцемъ, велѣлъ слѣдовать за собой, привелъ въ классъ терцію и посадилъ на заднюю парту.

— Сиди теперь тутъ, и ты будешь терціанеръ, — сказалъ онъ мнѣ по-нѣмецки.

Я былъ переведенъ въ терцію, тогда еще не раздѣленную на два класса — клейнъ-терцію и гроссъ-терцію. Помню, что здѣсь было мнѣ учиться трудно. Программа этого класса была слишкомъ обширная, что создало и школьное начальство, подѣливъ классъ на два класса. Преподавалась физика, физическая географія, зоологія, исторія, кромѣ ариѳметики, алгебра и геометрія — и все на нѣмецкомъ языкѣ, а знанія мои изъ нѣмецкаго языка, при поступленіи моемъ въ это училище, ограничивались только тѣмъ, что я умѣлъ читать и писать и зналъ сотни двѣ словъ.

Первое время приходилось мнѣ въ терціи сидѣть, слушать и хлопать глазами, ничего не понимая. Пробовалъ я учить географію вмѣстѣ и по нѣмецкому учебнику и по русскому Арсеньева, а исторію читалъ по Кайданову, но не могъ отвѣчать уроковъ по-нѣмецки и получалъ худыя отмѣтки, попадалъ въ тадель, хотя мнѣ, какъ русскому и къ тому же заикавшемуся, дѣлали снисхожденіе. Начались наказанія — битье по рукамъ, стеганіе по штанамъ, хотя я подвергался наказаніямъ сравнительно съ другими рѣдко. Кончилось тѣмъ, что въ терціи я провалился на экзаменахъ и долженъ былъ остаться на другой годъ.

Пребываніе мое въ Реформатскомъ училищѣ надо раздѣлить на двѣ эпохи: первую — при инспекторствѣ Гордака и вторую, когда послѣ его смерти былъ приглашенъ инспекторомъ извѣстный преподаватель французскаго языка, составитель знаменитаго учебника французскаго языка, Давидъ Марго, учебника, который въ употребленіи еще и теперь.

Эти эпохи одна на другую совсѣмъ не похожи. Варварство старонѣмецкаго гордаковскаго режима смѣнилось просвѣщенными реформами Марго, уроженца французской Швейцаріи. Марго былъ тогда красивый, высокій, среднихъ лѣтъ брюнетъ съ бакенбардами, очень франтоватый. Находясь у приходовъ на частной службѣ, онъ все-таки любилъ ходить по классамъ въ вицмундирномъ фракѣ, такъ какъ состоялъ въ то же время и преподавателемъ гдѣ-то въ казенномъ училищѣ. Принявъ управленіе училищемъ, инспекторъ Марго, по соглашенію съ церковнымъ совѣтомъ, смѣнилъ почти всѣхъ учителей гордаковской эпохи. Повѣяло новымъ духомъ, свѣжимъ воздухомъ. Началась чистка. Реформы эти застали меня въ секундѣ.

Сдѣлаю, однако, характеристику учителей и преподаванія гордаковской эпохи.

Учитель нѣмецкаго языка, Шульце, былъ докторъ философіи и теологіи, какъ значилось на дверной дощечкѣ его квартиры, находившейся въ домѣ училища. Въ мое время онъ преподавалъ уже лѣтъ пятнадцать въ Петербургѣ, и такъ же, какъ и Гордакъ, нисколько не научился говорить по-русски. Это былъ пожилой человекъ съ зачесанными назадъ длинными волосами, въ очкахъ, съ полнымъ бритымъ лицомъ. Ходилъ въ длинномъ пасторскомъ сюртукѣ и былъ всегда въ бѣломъ галстукѣ съ громадными острыми воротничками сорочки. Преподавая въ трехъ старшихъ классахъ нѣмецкій языкъ и нѣмецкую литературу, увлекался Шиллеромъ и Гете и часто даже на урокъ грамматики заставлялъ насъ декламировать «Валленштейновъ лагерь» и другія драмы, для чего каждому назначалъ роль. На задней скамейкѣ сидѣлъ хоръ-народъ. Декламировалъ онъ иногда и самъ «Фауста» на распѣвъ, съ жестами, съ выкриками, какъ старинные трагики. И изъ насъ, кто сильнѣе кричалъ, вращалъ глазами, подражая ему, тотъ и удостоивался «лоба». Шульце былъ большой комикъ, человекъ не злой и тѣлесныхъ наказаній придерживался только по обычаю, любя при этомъ оправдывать себя фразой:

— У насъ въ Германіи насъ и не такъ еще драли.

Самъ онъ не дрался, хотя ругалъ лѣнтыевъ. Ученики его любили. На урокъ онъ часто упоминалъ, что онъ—бывшій гейдельбергскій студентъ, дрался на дуэляхъ и прибавлялъ:

— Heidelberg! Das ist die Sache!

Онъ любилъ выпить и на уроки иногда являлся выпивши.

Учитель физики и естествознанія—Зееценъ, худой, высокій старикъ съ гладко бритымъ лицомъ. На урокъ всегда являлся въ вицмундирномъ фракѣ, на шею туго наматывалъ черную косынку, изъ-за которой вылѣзали необыкновенно острые воротнички сорочки, торчавшіе впередъ. Табакерка постоянно бывала у него въ рукахъ. Онъ съ присвистомъ нюхалъ табакъ и сморкался въ

громадный красный фуляровый платокъ. Любилъ упоминать, что онъ Hofrath—надворный совѣтникъ. Кромѣ нашего училища, преподавалъ что-то въ гимназіяхъ, но по-русски говорилъ очень плохо. Во время уроковъ физики опытовъ дѣлать не любилъ и всегда говорилъ:

— Когда нибудь въ другой разъ покажу. Ключи отъ шкафа съ машинами у инспектора, а онъ, кажется, спить.

Учитель русскаго языка и литературы—Нувель, совсѣмъ больной старикъ. Иногда приходилъ въ классъ, садился и засыпалъ, и мы затихали, давая ему спать. Часто, придя въ классъ, принималъ порошки, накапывалъ себѣ капель на сахаръ. Онъ былъ почти всегда въ дремотѣ. Грамматику преподавалъ по Гречу «отсюда и досюда» и спрашивалъ въ зубряжку. Книжкой для чтенія была книга «Другъ дѣтей». О Пушкинѣ, Гоголѣ, Грибоѣдовѣ мы ничего отъ него не слышали. Помню, онъ что-то мѣсяца два диктовалъ намъ по частямъ стихотвореніе «Умирающій Тассъ» и заставлялъ его учить. Нувель почти никого не награждалъ ни таделемъ, ни лобомъ, не драся и тѣлесныхъ наказаній не назначалъ. Очевидно, ему было не до нихъ. Тоже являлся въ вицмундирѣ и страшно нюхалъ табакъ. Грудь сорочки его была усыпана имъ.

Преподаватель французскаго языка—Лезгилье, онъ же и классный воспитатель. Тоже больной старикъ, разслабленный на ноги, маленькій, худой, плѣшивый. Ходилъ въ классъ въ пальто съ поднятымъ воротникомъ и въ плисовыхъ сапогахъ. Пансіонеры инспектора Гордака про Лезгилье рассказывали, что онъ ночью спалъ въ мѣховомъ мѣшкѣ и мѣховомъ колпакѣ. Про его преподаваніе у меня въ памяти ничего не осталось, но помню, что, когда преподавать французскій языкъ сталъ Марго, онъ ужаснулся на то, что увидѣлъ. Даже въ терціи нѣкоторые ученики едва умѣли читать по-французски.

Фишеръ—учитель исторіи и географіи. Среднихъ лѣтъ человекъ въ вицмундирѣ, съ бакенбардами, въ золотыхъ очкахъ. Отлично зналъ свой предметъ, умѣлъ заинтересовать учениковъ, у него прекрасно учились и любили его. Преподавалъ по-нѣмецки, но для русскихъ иногда объяснялъ и по-русски. По-русски онъ говорилъ отлично. У него была превосходная манера преподаванія географіи. Онъ заставлялъ на память чертить карты частей свѣта, разставлять на нихъ крестиками главные города, и ученикъ долженъ былъ дѣлать «путешествіе». Такъ, напримѣръ, по картѣ Европы отправляясь изъ Вѣлаго моря въ морское путешествіе вокругъ Европы, ученикъ, указывая палкой, называлъ попутно всѣ моря, заливы, впадающія въ нихъ рѣки, острова и доходилъ до Чернаго моря. Карты государствъ задавалъ онъ чертить на домъ въ особыхъ тетрадяхъ. На это дѣло были замѣчательные

искусники и раскрашивали карты акварелью. У нѣкоторыхъ учениковъ собирался такимъ образомъ географическій атласъ, сдѣланный ими самими. И у меня былъ такой атласъ. Заниматься рисованіемъ картъ я любилъ. Фишеръ былъ врагъ зубряжки, что тогда представлялось особенностью, рѣдкостью между учителей. Исторію онъ преподавалъ, читая по своимъ занискамъ, какъ въ высшемъ заведеніи, читалъ съ интересными подробностями, внятно, останавливаясь и дѣлая комментаріи. Ученики старшихъ классовъ всегда успѣвали записывать, что онъ читалъ, и уже во время урока запоминали, что писали. Спрашивалъ прочитанное онъ очень рѣдко, двухъ, трехъ учениковъ и всегда награждалъ ихъ лобами. Фишера очень любили, называли его справедливымъ человѣкомъ и хорошо у него учились. О немъ я сохранилъ лучшія воспоминанія. Онъ былъ противникъ тѣлесныхъ наказаній, но иногда ему ихъ все-таки приходилось примѣнять вслѣдствіе давленія инспектора Гордака.

Учитель чистописанія, Мессеръ худой и длинный старикъ въ видмундирѣ, въ парикѣ. Прописи чистописанія его были тогда приняты чуть ли не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. На чистописаніе тогда обращалось огромное вниманіе. Онъ также училъ и чинить гусиные перья и ставилъ за это отмѣтки. Часто, написавъ на доскѣ каллиграфически какое либо изреченіе, онъ заставлялъ его списывать, при чемъ ученики писали и при каждомъ утолщеніи буквы пѣли: un, deux, trois, quatre. На урокахъ каллиграфіи во время моего поступленія въ училище у Мессера писали гусиными перьями, хотя стальные перья были уже достаточно распространены и употреблялись нами во время другихъ уроковъ. Стальные перья онъ допускалъ только для писанія готическими буквами, курсивами, буквами съ завитками, что также преподавалъ. Ученики, особенно успѣшные въ каллиграфіи, писали къ экзаменамъ на листахъ ватмановской бумаги различными почерками и буквами «Отче нашъ» на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, «Боже царя храни» и оды Державина. Лучшіе изъ этихъ образцовъ гравировальнаго письма вставлялись въ рамки подъ стекломъ и вѣшались въ классахъ на стѣнахъ, гдѣ висѣли также лучшія географическія карты, сдѣланныя учениками. Мессера любили, хотя онъ, иногда раздраженный неряшливостью учениковъ при чистописаніи, колотилъ особенно неряшливыхъ линейкой по пальцамъ. Зато никто не расточалъ ученикамъ столько лобовъ, какъ Мессеръ. Помню, что у насъ изъ училища выходили замѣчательные каллиграфы.

Пасторы Клиппъ и Иккенъ преподавали по-нѣмецки Законъ Божій для протестантовъ, но и мы, русскіе ученики, а также поляки, нѣмцы и французы-католики сидѣли тутъ же въ классѣ и слушали преподаваніе, хотя и не учили задаваемыхъ ими уроковъ. О пасторѣ Клиппѣ я уже упоминалъ. Онъ былъ лютеранинъ и преподавалъ «Religion» во всѣхъ классахъ, всѣмъ протестантамъ.

Это былъ человѣкъ, мало уступавшій въ жестокости Гордаку. Искенъ преподавалъ только катихизисъ ученикамъ реформатскаго исповѣданія. Онъ состоялъ пасторомъ при нѣмецкой реформатской церкви, былъ человѣкъ молодой, но отличался болѣзненностью, сильно кашлялъ съ страшными приступами и умеръ отъ чахотки.

Законъ Божій для православныхъ преподавалъ священникъ изъ Михайловскаго инженернаго замка, о. Гавріилъ Розовъ, маленькій дряхлый старичокъ, очень неряшливый, въ сильно засаленномъ на груди подрясникѣ и всегда съ отшлепаннымъ подоломъ рясы. Задавалъ онъ священную исторію Ветхаго и Новаго Завета «отсюда и досюда» и требовалъ, чтобы учили въ зубряжку, говоря ученикамъ:

— Что-жъ, книга-то глупѣ тебя, что ты своими словами рассказываешь? Ты говори, какъ въ книжкѣ написано. Ее умные люди писали.

Учились у него очень плохо. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ очень добрый и таделей не расточалъ, зная, что послѣ трехъ таделей въ недѣлю всегда въ субботу слѣдовало тѣлесное наказаніе отъ инспектора. Преподаваніе имъ Закона Божія происходило внѣ класснаго времени, всегда по окончаніи всѣхъ уроковъ. Полагаю, что это было такъ за неимѣніемъ въ училищѣ свободныхъ комнатъ. Очень комичная сцена происходила всегда, когда нашъ законоучитель встрѣчался съ пасторомъ Клиппомъ. Клиппъ не говорилъ по-русски, а Розовъ не зналъ нѣмецкаго языка. Клиппъ при встрѣчѣ всегда подносилъ ему табакерку. Оба они нюхали, улыбались, хлопали другъ друга по плечу, справлялись каждый на своемъ языкѣ о здоровьѣ, при чемъ Клиппъ твердилъ:

— Gesund? Gut?.. Recht gut... Карашо, карашо.

А Розовъ на это ему тоже въ видѣ привѣтствія отвѣчалъ:

— Благодареніе Создателю, не жалуюсь. Да и вы вѣдь не жалуетесь. Вотъ нюхаемъ вмѣстѣ табачокъ. Да, да... дружески нюхаемъ. Хотя вѣроисповѣданія-то у насъ разные, но Богъ-то вѣдь одинъ. Одинъ Богъ-то... указывалъ онъ въ потолокъ.

Въ внѣклассное время преподавались у насъ и private языки—англійскій и латинскій, за ничтожную плату—одинъ рубль въ мѣсяцъ, а учениковъ голландцевъ училъ голландскому языку пасторъ голландской церкви.

Впослѣдствіи, находясь уже въ секундѣ, я сталъ посѣщать классы языковъ латинскаго и англійскаго.

Англійскій языкъ преподавалъ мистеръ Бишопъ, отличавшійся необыкновеннымъ чудачествомъ. То онъ зимой отворялъ въ классѣ форточки для освѣженія своей головы, то сообщалъ, что сегодня у него геморой разыгрался, поэтому онъ долженъ дѣлать гимнастику и начиналъ ее дѣлать тутъ же, во время урока, прыгая, размахивая руками и ногами, заставляя при этомъ дѣлать то же самое и

учениковъ. Являлся онъ всегда въ классъ съ леденцами и во время урока сосалъ ихъ или ѣлъ шоколадъ. Зимой онъ ходилъ въ холодномъ даже не наваченномъ пальто, и только на шеѣ у него были навернуты въ нѣсколько рядовъ бывшіе тогда въ большой модѣ женскіе мѣховые хвосты-боа. Всѣ говорили, что онъ былъ сумасшедшій... Да онъ былъ больной, страдалъ хореемъ. По временамъ все лицо его подергивалось, и онъ дѣлалъ такія гримасы, что ученики часто не могли удержаться отъ смѣха, да не одни ученики, а и шульдинеры. За этотъ смѣхъ онъ записывалъ учениковъ въ тадель, а иногда и шульдинеровъ. Разъ онъ записалъ въ тадель даже пуделя инспектора Гордака, Каро, всегда сидѣвшаго на лѣстницѣ около квартиры Гордака, бросившагося на него съ лаемъ. Невзирая на такія чудачества, онъ преподавалъ тогда англійскій языкъ и въ коммерческомъ училищѣ, а также и въ нѣкоторыхъ аристократическихъ домахъ, о чемъ всегда любилъ повѣствовать намъ, ученикамъ, но повѣствованія эти заключались, главнымъ образомъ, въ перечисленіи тѣхъ роскошныхъ блюдъ, какими его кормили во время обѣда въ домѣ его учениковъ. По-русски онъ говорилъ, хотя и ломанымъ языкомъ, но недурно.

Латинистомъ былъ у насъ нѣмецъ Шуманъ, очень угрюмый, косматый, пожилой человѣкъ, ходившій въ вицмундирномъ фракѣ съ необычайно замасленнымъ бархатнымъ воротникомъ и штопанными локтями, съ какой-то круглой серебряной луковицей въ видѣ часовъ, которую вынималъ изъ жилетнаго кармана и клалъ во время урока передъ собой на столъ. Являлся онъ въ училище съ большой фарфоровой трубкой на выгнутомъ короткомъ чубукѣ, и мы часто видѣли его, какъ онъ курилъ ее, сидя въ ожиданіи урока въ конференціи—комнатѣ, о которой я уже упоминалъ.

Перечисливъ почти всѣхъ учителей, бывшихъ въ училищѣ во время инспекторства Гордана, и ихъ манеру преподаванія, упомяну о преподаваніи исторіи Россіи. Исторія Россіи преподавалась въ то время, какъ это ни странно, на французскомъ языкѣ и учителемъ этого языка. Говорили тогда, что это для практики во французскомъ языкѣ. Помню и учебникъ этой русской исторіи, изданный въ Парижѣ. Это была маленькаго формата книжечка, но довольно объемистая, въ концѣ которой были вырѣзаны странички, описывающія царствованіе Павла I. При плохомъ знаніи французскаго языка, исторію Россіи никто изъ учениковъ такъ и не могъ себѣ усвоить и ничего изъ нея не зналъ. Прибавлю, что французскій учебникъ, по которому проходили исторію Россіи, былъ учебникъ всеобщей исторіи, и изъ него дѣлали выборки, только касающіяся Россіи.

Въ первый разъ, когда я вернулся домой изъ Реформатскаго училища, дома у насъ было буквально торжество. Къ обѣду былъ

испеченъ клѣтчатый пирогъ съ вареньемъ, и вечеромъ пили шоколадъ, а шоколадъ у насъ пили только въ дни семейныхъ торжествъ. Меня старались пичкать самыми лакомыми кусками, засыпали разспросами объ училищѣ, спрашивали, что я ѣлъ въ училищѣ. Дѣло въ томъ, что никто не ожидалъ, когда отецъ мой повелъ меня въ училище, что я въ тотъ же день въ немъ и останусь, а потому и не дали мнѣ съ собой завтрака. Отецъ водилъ меня просто на показъ и для экзамена, но Гордакъ, не отпустивъ меня домой, сейчасъ же и засадилъ въ классъ. Отецъ, прощаясь со мной, сунулъ мнѣ въ руку мелочи и сказалъ, чтобы я послалъ когонибудь купить мнѣ что либо съѣстное. Помню, что въ большую переѣзду въ полдень, когда насъ, учениковъ, выпустили на дворъ гулять и для завтрака, меня, какъ новичка, окружили со всѣхъ сторонъ мальчики-товарищи и просили дать имъ «пожрать». Я отвѣчалъ, что ѣды у меня нѣтъ, но если можно купить, то у меня есть деньги. Сейчасъ же вызвался на это какой-то шустрый мальчикъ, и когда я далъ ему пятиалтынный, онъ сбѣгалъ въ мелочную лавку, находившуюся черезъ домъ отъ училища, и принесъ огромную вотрушку съ брусничнымъ вареньемъ, которую тутъ же всѣ искромсали перочинными ножами, оставивъ мнѣ самый маленькій кусочекъ. Впослѣдствіи я увидалъ, что мелочная лавка эта играла огромную роль въ жизни учениковъ. Тамъ покупались учениками, помимо ѣды и лакомствъ, хлопушки, стальные перья, карандаши, грифеля, бабки и папиросы, кислая щи и квасъ, резиновые мячики и даже извозчичьи кнуты. Кнуты носили при себѣ многіе изъ учениковъ подъ жилетомъ въ защиту отъ учениковъ шведской школы, находившейся вблизи, и съ которыми всегда происходили драки, когда ученики распускались домой послѣ классовъ. Помню, что въ лавкѣ этой нѣкоторые пользовались даже кредитомъ, и были случаи, что неисправныхъ плательщиковъ, когда на нихъ жаловался лавочникъ, наказывали въ училищѣ по «штанамъ».

А драки происходили большія. Ученики ходили въ синякахъ, съ расцарапанными лицами. Отецъ, отправляясь утромъ въ контору на Васильевскій островъ, завозилъ меня въ училище самъ, а къ окончанію классовъ за мной присылали прислугу, которая и сопровождала меня домой, но впослѣдствіи я сталъ одинъ возвращаться, и помню, что былъ изрядно избитъ и до синяковъ учениками шведской школы, хотя я былъ не особенно здоровымъ и самъ въ драки не лѣзъ. Дрались кнутами, твердыми резиновыми мячиками на веревкахъ, линейками, которыя тогда были принадлежностью каждаго ученика, ремнями отъ штановъ. Городовыхъ тогда не было, будочники съ алебардами стояли только около своихъ будокъ на углахъ, и разгонять драчуновъ было некому. А дворники и извозчики такъ даже нарочно подзадоривали маль-

чишекъ на драку. Драка въ то время въ Петербургѣ считалась даже спортомъ. По праздникамъ рабочіе одного изъ заводовъ дрались съ рабочими другого завода. На Калашниковской пристани крючники ходили въ драку партіями на партію или «стѣнка на стѣнку», какъ тогда выражались. Драку начинали мальчишки, которые назывались «задирами». На драки эти являлись зрителями купцы, часто и сами, не утерпѣвъ, вступали въ бой и награждали побѣдившихъ деньгами, дѣлая складчину. Были случаи увѣчья. Полиція знала объ этихъ дракахъ, но не препятствовала, смотрѣла на нихъ сквозь пальцы. Драки происходили и между семинаристами, дрались нескіе пѣвчіе съ пѣвчими исаакіевскими, дрались приказчики-«суровщики» Апраксина двора съ приказчиками Щукина двора, торговавшими съѣстными припасами. Дрались они, возвращаясь домой, послѣ запора лавокъ, на площади, у Чернышова моста, гдѣ тогда не было садика. Въ Ямской также были драки. Молодые парни этой мѣстности ходили драться съ парнями Волковой деревни, и драки эти происходили на Волковомъ кладбищѣ. У насъ были знакомые, которые по праздникамъ ѣздили смотрѣть на эти драки и потомъ съ восторгомъ рассказывали о побѣдителяхъ.

Находясь въ терціи, я скоро сталъ усваивать себѣ нѣмецкій языкъ, хотя въ училище поступилъ, умѣя только читать и писать, но послѣднее съ грѣхомъ пополамъ. Предметы всѣ преподавались по-нѣмецки, учителя говорили по-нѣмецки, ученики тоже, хотя дѣти ремесленниковъ, вертѣвшіеся дома около русскихъ мастеровыхъ, говорили и со вставками въ нѣмецкую рѣчь русскихъ словъ, жаргона, поговорокъ, а часто и русскіе глаголы спрягали на нѣмецкій манеръ. Приведу фразу: «Er wollte mich припека'ен, aber hat eine фи́га съ масломъ aufgegessen». Слова въ родѣ извозчикъ, пожарный, будочникъ, гривенникъ, на водку, булка—перемѣшивались и съ нѣмецкой рѣчью учителей. Просидѣвъ въ училищѣ мѣсяца четыре—пять, я уже довольно сносно усвоилъ себѣ нѣмецкій языкъ и сталъ понимать преподаваніе предметовъ на немъ.

Сидѣлъ я въ первое время въ классѣ на задней скамейкѣ, около стѣны, гдѣ были прибиты вѣшалки, и висѣло верхнее платье учениковъ. Простота тогда была такова, что не было переднихъ для верхняго платья, и оно вѣшалось въ классахъ. Въ дождь и снѣгъ оно было мокрое. Иногда текли съ него потоки воды.

Надо прибавить, что на заднихъ скамейкахъ сидѣли всегда лѣнтяи, а также и русскіе ученики, не усвоившіе себѣ еще нѣмецкаго языка. Сидѣлъ я рядомъ съ русскими учениками. По одну сторону отъ меня былъ В. П. Лукаревъ, по другую — М. И. Пылаевъ, оба сыновья торговцевъ-гостинодворовъ. Впослѣдствіи мы переходили вмѣстѣ изъ класса въ классъ и вмѣстѣ окончили курсъ въ

1859 г. Подружившись въ училищѣ, Лукаревъ, Пыляевъ и я остались большими пріятелями и до зрѣлаго возраста. Съ Пыляевымъ я сохранилъ хорошія отношенія даже до самой его смерти. Михаилъ Ивановичъ Пыляевъ, впослѣдствіи видный писатель, авторъ книгъ — «Старый Петербургъ», «Забытое прошлое окрестностей Петербурга» и друг., былъ, какъ уже я сказалъ, сыномъ купца, имѣвшаго въ то время извѣстный парфюмерный магазинъ въ Гостиномъ дворѣ. Пыляева я впослѣдствіи встрѣчалъ у редакторовъ-издателей журнала «Искра»: карикатуриста Н. А. Степанова и В. С. Курочкина, а также и у брата послѣдняго, Н. С. Курочкина — переводчика итальянскаго поэта Джусты, но во время существованія «Искры» Пыляевъ еще ничего не писалъ литературнаго. На литературное поприще Пыляевъ выступилъ при возникновеніи «Петербургской Газеты», а затѣмъ много писалъ въ газетѣ «Новое Время».

Не привѣтливы въ то время были классы училища. Содержались они грязно, полы были простые, не крашеные, съ выбоинами, съ скрипящими половицами, паутина рѣдко обметалась, въ партахъ, окрашенныхъ когда-то въ зеленый цвѣтъ съ черными верхними досками, глубоко изрѣзанными перочинными ножами, ползали тараканы, питавшіеся отъ крохъ приносимыхъ учениками завтраковъ. Углы были затканы пауками, и, помню, мы кормили ихъ наловленными мухами. Зимой освѣщенія не полагалось, а уроки начинались въ 9 часовъ, когда было еще темно, но приносить свое освѣщеніе не возбранялось, и вотъ мы являлись въ училище съ свѣчными огарками, которые и горѣли у насъ прилѣпленные къ партамъ, пока не сдѣлается свѣтло. Называлось это иллюминаціей, и мы очень любили тѣ дни, когда можно было пользоваться ею. Она служила намъ забавою. Для питья учениковъ, помню, въ одномъ изъ классовъ былъ большой глиняный горшокъ — «машинка», фильтрующая воду, но въ остальныхъ классахъ простыя деревянныя ведра съ водой и привѣшенными къ нимъ желѣзными ковшиками. Въ каждомъ классѣ была довольно высокая каеэдра, но учителя рѣдко на нее влѣзали, предпочитая сидѣть за простыми столами. Каеэдра служила только кустосу — старшему ученику, для чтенія молитвы; по окончаніи классовъ читали всегда «Отче Нашъ» по-нѣмецки.

Здѣсь кстати упомянуть о кличкахъ или прозвищахъ. Добрая половина учениковъ носила прозвища, данныя другъ другу. Были Катька, Машка, Affe (обезьяна), Maultnier (сурокъ). Прозвища эти иногда давалъ учитель нѣмецкаго языка Шульце. Меня онъ прозвалъ Luch (рысь). Кличка эта за мною такъ и осталась.

Первыя лѣтнія мои каникулы совпали съ первымъ переѣздомъ на дачу нашего семейства. Отецъ и дядя получили прибавку и могли позволить себѣ это удовольствіе. Дача была нанята на Карповкѣ, въ большомъ домѣ, стоявшемъ въ запущенномъ саду съ

вѣковыми деревьями, съ множествомъ гнѣздъ грачей и воронъ на берегахъ, со старымъ ягодникомъ, съ парниками и огородамъ, гдѣ я впервые ознакомился съ разнообразными растеніями, птицами, насѣкомыми и полюбилъ природу, слушая рассказы дворника, отставного солдата Степана съ бѣльмомъ на глазу, о народныхъ повѣрьяхъ, примѣтахъ, воззрѣніяхъ простого народа на пчелъ, кукушку, соловья, ворону, муравьевъ и о цѣлебныхъ свойствахъ подорожника, звѣробоя, зари, березовыхъ почекъ и т. п. Степанъ былъ поэтъ въ душѣ и любилъ повѣствовать. Помню, что старый домъ имѣлъ три квартиры: въ одной жили мы, въ другой—семейство К., гостинодвора, за которымъ была замужемъ моя родная тетка, сестра отца, а третья квартира пустовала. Старшій сынъ К., мой двоюродный братъ Александръ, былъ моимъ товарищемъ по прогулкамъ. Мы ловили колюшекъ въ Карповкѣ, катались на лодкѣ, ставили устроенныя дворникомъ Степаномъ западни для чижей. Карповка была рѣчкой, въ которой я впервые искупался. Помню, подоконникъ моей комнаты уставился коробками съ жуками, гусеницами бабочекъ, банками съ лягушечьими головастиками, дождевыми червями. Меня все интересовало, отъ всего этого я приходилъ въ восторгъ, ибо видѣлъ впервые. Появились клѣтки съ чижами, малиновками. Домашніе мои отнеслись ко всему этому неблагосклонно, выливали изъ банокъ головастиковъ, выпускали птицъ, выбрасывали червей, но банки, коробки и клѣтки опять появлялись. Помню, въ какое изумленіе пришелъ я, когда изъ гусеницы (которую я тогда звалъ червякомъ), превратившейся у меня въ коробкѣ въ куколку, черезъ нѣсколько времени вышла бабочка. Это была большая сѣрая ночная бабочка соснового шелкопряда съ крылышками, сложенными салопчикомъ. Я показалъ ее дворнику Степану. Степанъ посмотрѣлъ на нее мрачно и сказалъ:

— Это—овечья смерть. Вотъ ежели въ ухо овцы такая забьется, то овца и помираетъ. Убейте ее. Это—нечисть.

Бесѣды мои съ дворникомъ Степаномъ послужили мнѣ въ послѣдствіи для расцвѣтки нѣсколькихъ моихъ рассказовъ изъ народнаго быта. На слѣдующее лѣто мы жили уже на другой дачѣ, но нѣкоторая связь со Степаномъ все-таки сохранилась. Мать моя взяла его пятнадцатилѣтнюю дочь Оеклу къ намъ въ домъ въ подлѣнку, и Степанъ по временамъ приходилъ навѣщать дочь, угощался чаемъ, и я имѣлъ возможность опять слушать его рассказы.

Случай превращенія гусеницы въ бабочку у меня въ коробкѣ настолько прирастил меня къ этимъ насѣкомымъ, что я сталъ ловить ихъ и собирать и дѣлалъ это и въ послѣдующее лѣто. Собираніе бабочекъ обратилось у меня въ послѣдствіи въ страсть. Годъ три-четыре спустя, когда мы уже жили на дачѣ въ Лѣсномъ, о страсти моей узналъ проживавцій тамъ также на дачѣ преподаватель естественныхъ наукъ въ какомъ-то учебномъ заведеніи,

Э. Гюберъ. Онъ былъ большой любитель-энтомологъ и собиралъ бабочекъ для какого-то правительственнаго музея. Племянникъ его служилъ съ моимъ дядей Василиемъ въ конторѣ Боненблуста, и вотъ этотъ Гюберъ черезъ дядю пригласилъ меня къ себѣ, и я уже подъ его руководствомъ собиралъ бабочекъ цѣлое лѣто въ Лѣсномъ. Научилъ онъ меня умерщвлять ихъ, чтобы не попортить крылышекъ, расправлять, сохранять, опредѣлять, для чего у него было много книгъ по этому предмету. Это былъ очень милый и добрый пожилой, уже обрусѣвшій нѣмецъ. Одна его нога была значительно короче другой, и хотъ онъ и ходилъ въ сапогѣ съ двумя большими каблуками, но изрядно хромалъ. Вооруженные кисейными сачками на палкахъ, коробками съ пробкой черезъ плечо для накалыванія насѣкомыхъ, съ зонтиками для стряхиванія на нихъ съ кустовъ гусеницъ, много мы обошли съ нимъ въ Лѣсномъ и его окрестностяхъ лужаекъ, лѣсныхъ опушекъ, заборовъ, отыскивая подъ послѣдними спрятавшихся отъ солнца nocturnal бабочекъ. Отъ Гюбера я научился и названіямъ бабочекъ на русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ: Впослѣдствіи у меня образовалась хорошая коллекція этихъ насѣкомыхъ.

V.

Теперь перейду къ описанію переворота, совершившагося въ Реформатскомъ училищѣ. Переворотъ этотъ совершился, спустя два года послѣ моего поступленія въ училище. Умеръ инспекторъ Гордакъ, умеръ онъ весной послѣ кратковременной болѣзни. Стыдно признаться, но торжество среди учениковъ было большое: такъ его не любили, такъ онъ былъ страшенъ по своимъ жестокостямъ. Помню, что отпѣвали его въ Реформатской церкви, на отпѣваніе было приведено все училище, и псалмы подъ органъ пѣли всѣ ученики. Наскоро были произведены въ училищѣ экзамены, и ученики были распущены на каникулы ранѣе обыкновеннаго.

Въ то время ученіе послѣ каникулъ начиналось всегда въ началѣ августа, 2-го, 3-го числа. И вотъ, когда въ августѣ мы явились въ училище, былъ новый инспекторъ. Церковный совѣтъ еще въ началѣ лѣта пригласилъ Давида Марго. Помню, классы въ училищѣ были отремонтированы заново, прибавились шкафы съ физическими инструментами и другими наглядными учебными пособиями, въ классахъ висѣли новыя, неободранныя и не закопченныя географическія карты, на стѣнахъ появились картины по зоології и ботаникѣ, и нѣкоторыхъ учителей уже не было. Исчезли учителя русскаго языка Нувель и французскаго языка Лезгилье. Наступила эпоха реформъ. Русскій языкъ и литературу въ трехъ старшихъ классахъ преподавалъ Н. С. Васильевъ — человѣкъ не старшій, сердечный, умный, любящій свое дѣло. Онъ тотчасъ же

началъ насъ знакомить съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Жуковскимъ. Гордака, какъ учителя математики, замѣнили въ старшихъ классахъ молодой учитель Э. Колинсъ. Онъ же преподавалъ и физику. Преподаваніе французскаго языка взялъ на себя самъ инспекторъ, Давидъ Марго. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокій, красивый брюнетъ съ бакенбардами. Манера его преподаванія была настолько прекрасна и умѣла, что мы, ученики, въ какой нибудь мѣсяцъ подвинулись впередъ больше, чѣмъ при его предшественникѣ въ цѣлый годъ. Оставшіеся отъ гордаковской эпохи учителя подтянулись, стали сдержаннѣе. Тѣлесныя наказанія сдѣлались рѣже. Совершенно исчезли «лобъ» и «тадель», какъ похвала и порицаніе за успѣхи и поведеніе, и явилась пятибальная система отнѣтокъ. Помню, что передъ первымъ урокомъ Марго произнесъ намъ нѣчто въ родѣ рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ (говорилъ онъ одинаково хорошо и на французскомъ, и на нѣмецкомъ языкахъ и очень плохо по-русски), въ которой упомянулъ, что онъ не сторонникъ тѣлесныхъ наказаній и на лѣнивыхъ будетъ дѣйствовать добрыми совѣтами и лаской, надѣясь, что они перестанутъ лѣниться и быть небрежными. Онъ взывалъ къ совѣсти, къ нравственному чувству учениковъ. Съ подобными же словами обратились къ намъ и Колинсъ съ Васильевымъ. Очевидно, они сговорились съ Марго.

Но что произошло въ первое время послѣ этого? Самые лѣнивые, не опасаясь уже тѣлесныхъ наказаній, окончательно перестали учить уроки, шалости удвоились.

Инспекторъ Марго сталъ исключать изъ училища особенно закоренѣлыхъ, чего прежде не было. Чистка подняла училище.

Во время директорства Марго совершились перемѣны и въ нашемъ семействѣ. Отецъ потерялъ мѣсто въ конторѣ. Его замѣнили кончившіе учиться и взятые къ дѣлу сыновья его патрона. Сначала это обстоятельство привело въ уныніе и отца и все наше семейство. Я помню горькія слезы матери. Сбереженій не было никакихъ, но были долги. Семейство поддерживалъ только живущій съ нами дядя Василій. Кое-какія крохи давалъ другой холостой дядя Николай, но это были гроши. Вопіющей бѣдности не было, но пришлось сократиться во всемъ. Начались лишенія. Ходили въ дырявыхъ сапогахъ. Стали поговаривать объ отдачѣ меня въ торговую науку, въ лавку въ мальчики, къ голландцамъ, въ Гостинный дворъ, гдѣ служилъ дядя Николай, чтобы сбыть меня съ хлѣбовъ долой и освободиться отъ платы за мое ученіе, но пріятели отца нѣмцы внесли за меня плату въ училище. Отецъ искалъ мѣсто, бѣгая по иностраннымъ конторамъ, и не находилъ. Русскіе торговцы тогда почти не брали семейныхъ приказчиковъ. Если и были у кого женатые приказчики, то семьи ихъ жили въ своемъ мѣстѣ, какъ тогда выражались купцы, то-есть въ деревнѣ, откуда приказчикъ былъ родомъ. Вдругъ отца осѣнила мысль открыть свою

торговлю, выпросивъ на открытіе ея деньги у живой въѣстѣ съ нами бабушки, его мачехи, державшей деньги зашитыми въ перинѣ. Но она была тронута въ разсудкѣ и до того жадна, что безъ ссоры не разставалась и съ рублемъ на свои нужды, хотя отецъ и дяди мои содержали ее. Приступили къ просьбамъ. Она тряслась, бормотала безсвязныя слова и отказывала. Мать плакала и умоляла ее, кланяясь ей въ ноги, заставляя и насъ, дѣтей, дѣлать земные поклоны, но тщетно. Такъ длилось долго. Дяди мои и отецъ, очень добрые люди, рѣшили выселить ее къ ея сестрѣ. Угроза помогла. Старуха заболѣла отъ этой угрозы и кое-какъ дала отцу три тысячи рублей на открытіе торговли.

Помню, что уныніе смѣнилось торжествомъ. Служили молебень. Мать ходила по церквамъ и ставила свѣчи особенно чтимымъ иконамъ. Отецъ поѣхалъ въ Москву, накупилъ суровскихъ товаровъ и открылъ въ Гостинѣмъ дворѣ на верхней галлерей свою кладовую. Нѣмцы-пріатели отца доставили ему небольшой кредитъ и за границей. Торговля была оптовая, продавали различнымъ торговцамъ Гостинаго двора, Апраксина рынка и тоже въ кредитъ на векселя или на субботній платежъ по частямъ. Дѣла пошли недурно. Начался разсвѣтъ въ семьѣ. Отецъ поднялъ голову. Явился притокъ нѣкоторой роскоши. Помню, что даже обилие мебели новой матеріей, освѣжили квартиру. Я сталъ ѣздить въ училище и обратно на извозчикахъ. Стали находить, что учить дома заданныя уроки для меня трудно. Репетиторовъ тогда не было въ обычаѣ, но были такъ называемые полупансіонеры въ училищахъ. Послѣ классовъ ученики оставались въ училищѣ обѣдать, послѣ обѣда приготавливали уроки подъ наблюденіемъ воспитателей и ужъ вечеромъ возвращались домой. И вотъ я—полупансіонеръ у инспектора Марго.

Марго, имѣвшій пансіонъ при училищѣ, держалъ у себя до десятка пансіонеровъ. Занимался онъ съ ними самъ, помимо воспитателя француза Безюше. Иногда на помощь къ Марго являлась даже супруга его и проходила уроки особенно усердно съ учениками младшихъ классахъ. Занятія вечернія шли въ тѣхъ же классахъ по окончаніи дневныхъ уроковъ. Жилось семейно. За обѣдъ ученики садились вмѣстѣ съ семействомъ Марго, состоящимъ изъ жены и трехъ дочерей-подростковъ. Мадамъ Марго разливала супъ, самъ Марго рѣзалъ говядину. За обѣдомъ разговоры происходили всегда на французскомъ языкѣ. Кормили хорошо, сытно, но помню, что супы и соуса къ мясу припахивали всегда какими-то духами. Говорили у насъ, что это—швейцарская манера стряпни. Послѣ обѣда давалось всегда часа полтора на игры. Игры происходили подъ наблюденіемъ воспитателя, но помню, что онъ при этомъ почти всегда спалъ, облокотившись на столъ и положивъ на руки голову, спалъ, не взирая настрашныя шумъ,

производимый учениками. Разъ въ недѣлю послѣ обѣда приходилъ учитель танцевъ, балетный актеръ Вороновъ, со скрипачемъ и обучалъ танцамъ, чего для приходящихъ учениковъ въ училищѣ не полагалось. Но, Боже, что это были за танцы! Ученики захватывали себѣ отъ обѣда картофель и разбрасывали его по полу во время танцевъ, а потомъ при полькѣ, вальсѣ, галопѣ нарочно падали, при чемъ валились нѣсколько паръ одна на другую, а если являлось взысканіе, то жаловались на валявшійся картофель. Иногда въ эту кучу сталкивали и самого учителя. Марго и урокъ танцевъ старался сдѣлать семейнымъ, для чего въ первое время приводилъ танцовать и своихъ дочерей, но это оказалось невозможнымъ. Впрочемъ, паденія бывали иногда такъ комичны, что онъ и самъ отъ души смѣялся, смотря на нихъ.

Иногда въ часы игръ ученики устраивали нѣчто въ родѣ спектаклей, показывали фокусы съ платками, монетами, картами, даже аппаратами изъ папки, и однимъ изъ такихъ особенныхъ искусниковъ былъ М. И. Пыляевъ, тоже находившійся среди полупансионеровъ Марго. Разыгрывали мы подчасъ и пьесы, которыя сами сочиняли. Помню, что и я написалъ, уже будучи въ примѣ, какую-то пьесу на нѣмецкомъ языкѣ, которая игралась у насъ. Декорациями служили крышки отъ складныхъ обѣденныхъ столовъ, составленные вмѣстѣ, какъ ширмы. На крышки эти мы вѣшали бумажные обои, разрисованные нами большіе листы бумаги, изображавшіе окна, двери, садъ. Явились даже откуда-то драпировки для оконъ, приносились костюмы для женскихъ ролей, а то и мадамъ Марго давала иногда надѣвать кое-какія принадлежности женскаго гардероба. Марго не возбранялъ этихъ представленій и иногда самъ присутствовалъ на нихъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ.

О самомъ Марго и его семействѣ сохранились у меня лучшія воспоминанія. Онъ былъ настоящій педагогъ и добрый человѣкъ, любившій дѣтей и свое дѣло.

При Марго я успѣлъ усвоить себѣ основательно нѣмецкій языкъ и ужъ въ секундѣ и примѣ учился хорошо. Я любилъ географію, исторію, но всего усерднѣе занимался зоологіей, хотя проходила она у насъ довольно кратко. Въ подспорье къ нѣмецкому учебнику по зоологіи я имѣлъ зоологію на русскомъ языкѣ Семашко, въ трехъ частяхъ. Средства отца съ открытіемъ своей кладовой улучшились, и я могъ уже приобретать сравнительно дорогія книги. Помню, что я отлично зналъ остеологію человѣка, которая для чего-то преподавалась подробно. Старикъ учитель Зееценъ ставилъ меня въ примѣръ моимъ товарищамъ, заставлялъ чертить передъ ними на доскѣ части скелета, и я на славу переименовывалъ кости его по-нѣмецки и по-латыни. Отъ знанія же моего энтомологіи и въ особенности отрядовъ бабочекъ и жуковъ, которыхъ я изучалъ на практикѣ подъ руководствомъ Гюбера, старикъ Зееценъ при-

ходилъ въ полное умиленіе. Не любилъ я физику, алгебру и геометрію и получалъ изъ этихъ предметовъ всегда плохія отмѣтки. Неособенно хорошо занимался я и по части русской грамматики. Ученическія тетради мои и тетрадка дневника, сохранившіяся у меня отъ времени, когда я былъ уже въ примѣ, поражаютъ меня теперь своими ошибками въ правописанія и въ особенности по постановкѣ буквъ «ѣ» и «е». Я получилъ свидѣтельство объ окончаніи курса съ правомъ при поступленіи на государственную службу на первый классный чинъ. Это послѣднее моихъ домашнихъ очень радовало, хотя меня и не готовили для казенной службы.

Въ 1859 г. я кончилъ курсъ. Торжество въ домѣ было велие. Мнѣ было всего только 18 лѣтъ. Отецъ водилъ меня по Гостиному двору, заходилъ въ лавки, показывая меня своимъ знакомымъ купцамъ, и хвастался мной, торжествуяще говоря:

— Вотъ поздравьте... Окончилъ курсъ въ Реформатскомъ училищѣ и кандидатъ на чинъ. Теперь у меня свой нѣмецъ и французъ. Корреспонденцію съ иностранными домами будетъ ужъ онъ вести.

Пріятели отца, нѣмцы, кладовщики, заговаривали со мной по нѣмецки и одобрительно кивали головами.

— Надо отдать его въ большую иностранную купеческую контору для практики—человѣкомъ будетъ. Хорошо бы послать за границу въ контору, въ Гамбургъ,—совѣтовали они.—Въ торговлѣ у папаша не наука.

Но отецъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ и оставилъ у себя при дѣлѣ, въ кладовой на верхней галлерей Гостинаго двора, гдѣ ему и самому-то нечего было дѣлать, а онъ еще имѣлъ на жалованьѣ приказчика, артельщика, булгалтера и корреспондента. Расходы были громадныя, а торговля приходила въ упадокъ. Она у отца какъ быстро расцвѣла, такъ же быстро и отцвѣла. Его подвела война, Крымская кампанія, и довѣрчивость къ людямъ. Торгуя въ кредитъ, онъ распустилъ и самъ много товару въ кредитъ, а ему не платили. Должники его то и дѣло заключали сдѣлки, платя по 20 и 30 копеекъ за рубль. Банкъ былъ всего одинъ. Векселя отецъ учитывалъ у дисконтеровъ, которые драли неимоверныя проценты. Онъ потерялъ на курсѣ. Купленный за границей товаръ во время войны обходился въ рубль, а по заключеніи мира онъ уже стоилъ едва полтинникъ. Когда я сталъ ходить въ кладовую отца, я увидалъ, что отцу уже грозило быстрое разореніе. То и дѣло были протесты векселей. За неплатежъ пошлины выписанные изъ-за границы товары были остановлены въ тамождѣ. Наступали платежи, а денегъ не было. Артельщики осаждали кладовую съ предъявленіемъ разныхъ обязательствъ отца. Отецъ сталъ прятаться въ кладовой, уходя въ верхній этажъ, а приказчикъ говорилъ, что отецъ въ отъѣздѣ. Что упрековъ, что брани приходилось намъ

выслушивать въ кладовой отъ кредиторовъ и ихъ артельщиковъ! Началась продажа товара, почему попало, только бы на наличныя деньги. Стали являться еврей-комиссіонеры. Вырученными деньгами тотчасъ же затыкали необходимыя долговыя дыры, но долговъ было такъ много, что отецъ принужденъ былъ пригласить къ себѣ кредиторовъ и просить скидки. Онъ предложилъ за рубль 40⁰/₀ уплаты, хотя всѣ пріятели-нѣмцы ему говорили, что если ужъ дѣлать мировую сдѣлку съ кредиторами, то надо предлагать только 15—20⁰/₀, иначе ничего не останется для продолженія торговли. Такъ и вышло впоследствии.

Помню дисконтеровъ, у которыхъ отецъ учитывалъ векселя. Одинъ былъ отставной комиссаріатскій чиновникъ (по нынѣшнему нинтендантскій) въ засаленномъ на груди мундирѣ, въ фуражкѣ, красный околышекъ которой превратился по краямъ въ черныя цвѣтъ отъ сальныхъ волосъ. Про него говорили, что онъ очень богатъ. Другой дисконтеръ былъ бывшій квартальный надзиратель. Про него говорили, что ему «за его дѣла» было запрещено жить въ Петербургѣ, и онъ наѣзжалъ изъ Колпина. Затѣмъ былъ еще дисконтеръ купецъ-гостинодворъ, торговавшій лентами и кружевами, въ разговорѣ то и дѣло употреблявшій восклицанія: «Мать Пресвятая Богородица, спаси насъ», «Никола, Угодникъ Божій, помилуй насъ!». Это былъ старикъ, ходившій всегда въ мятомъ цилиндрѣ, съ совершенно отвисшими у него отъ времени полями, такъ что, кланаясь, онъ всегда снималъ шляпу обѣими руками. Про этого дисконтера говорили, что онъ такъ жаденъ, что даже сайку, покупаемую имъ у гостинодворскаго саечника себѣ на обѣдъ, никогда не съѣдалъ сразу, хотъ и чувствовалъ аппетитъ, а дѣлил на два раза, чтобы потомъ не покупать второй. Онъ ходилъ съ бритымъ лицомъ, но подбородокъ его всегда былъ въ щетинѣ изъ экономіи, чтобы рѣже платить цырюльнику по три копейки за бритье, а самъ онъ бриться не могъ, потому что у него руки тряслись. Бралъ онъ за учетъ векселей страшныя проценты, сдѣлки съ нимъ происходили въ трактирѣ. Онъ требовалъ себѣ отъ должника всегда угощеніе, выбиралъ лучшія блюда, наѣдался всласть и, что не могъ съѣсть, завертывалъ въ бумагу и уносилъ въ лавку. Былъ еще дисконтеромъ содержатель извозчичьяго двора, старикъ купецъ, ходившій въ сибиркѣ и въ картузѣ, съ бородой по поясъ и съ прической въ скобку.

Эти и подобные дисконтеры замѣняли тогда частныя банки, которыхъ еще не существовало. Евреевъ-дисконтеровъ я не помню. Евреи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ петербургской торговлѣ не играли почти никакой роли. Въ Гостиномъ дворѣ не было ни одного еврея. Въ Апраксиномъ рынокѣ (нынѣ Александровскій) они торговали только старымъ платьемъ и на развалѣ предметами самой ничтожной цѣнности, и главнымъ образомъ

еврейки въ шелковыхъ парикахъ, безобразно нахлобученныхъ на брови. Да и вообще евреевъ въ Петербургѣ было очень мало, хотя Большая Подъяческая улица (ихъ было тогда три — Большая, Средняя и Малая) и считалась еврейской улицей. Были купцы — еврей-выкресты, кантонистскаго происхожденія, какъ тогда говорили, но и такіе не были особенно замѣтны. И другихъ профессій, занимаемыхъ евреями, я не помню. Только развѣ зубные врачи. Часовыхъ дѣлъ мастера были нѣмцы, аптеки находились въ нѣмецкихъ рукахъ, хорошіе сапожники и портные — нѣмцы, булочники — поголовно нѣмцы, и послѣдніе были настолько сильны, что русскій человѣкъ, вздумавшій открыть булочную, сейчасъ же вытѣснялся ими и погибалъ. Зато нѣмцы-булочники совсѣмъ не умѣли дѣлать сакъ и калачей, и это дѣло исключительно сосредоточивалось въ рукахъ русскихъ, равно какъ пряничное и пирожное дѣло. Чернышовъ и Лештуковъ переулки были переполнены пряничными и пирожными куренями. Пряники были въ большомъ ходу, пироги продавались на всѣхъ перекресткахъ, не исключая и Невскаго проспекта. Пирожники, сачники и пряничники заплотняли углы Гостинаго двора и Аничкинъ мостъ, выкрикивая и выхвадая на всѣ лады свои товары. Кондитерскихъ было очень мало, онѣ находились въ рукахъ швейцарцевъ, и сладкіе кондитерскіе пирожки стоили дорого.

Но я уклонился.

Отецъ долженъ былъ созвать своихъ кредиторовъ, открыть имъ свои торговыя книги, показать балансъ и просить скинуть ему съ долговыхъ обязательствъ. Обыкновенно тутъ всегда выставляются дутые, подставные кредиторы изъ родственниковъ, но отецъ ничего этого не сдѣлалъ. Собраніе было у насъ въ квартирѣ. Помню это торжественное засѣданіе въ нашей столовой, гдѣ во время чаепитія разсматривались аршинныя торговыя книги. Иностранные агенты первые согласились взять по 40 копеекъ за рубль и переписать векселя на двѣнадцать мѣсяцевъ. Русскіе не соглашались и поносили отца. Нѣмецъ, агентъ какого-то иностраннаго торговаго дома, говорилъ на ломаномъ русскомъ языкѣ рѣчь въ защиту отца и кое-какъ уладилъ дѣло.

Векселя переписали. Отецъ расцвѣлъ, отслужилъ молебенъ, но расцвѣлъ не надолго. У него не было сорока копеекъ за рубль. Новый кредитъ ему хотъ и обѣщали, но такового не сдѣлали. По первымъ векселямъ отецъ уплачивалъ, продавая по пониженной цѣнѣ имѣвшійся въ кладовой товаръ, а потомъ опять прекратилъ платежи. Начались дѣла съ коммерческимъ судомъ. Стали появляться стряпчіе того времени, изъ отставныхъ чиновниковъ управы благочинія, и учили отца, какъ спастись. Это были все грязные полупьяные люди. Они угощались въ кладовой водкой и пирогами, брали съ отца мзду за совѣты и все-таки ничѣмъ не могли помочь.

VI.

Я сидѣлъ въ кладовой съ приказчикомъ отца, по фамиліи Поляковымъ. Дѣлать было рѣшительно нечего, и мы читали книги. Нахожденіе мое въ кладовой отца въ теченіе около года пристрастило меня къ чтенію. Книги доставлялъ мнѣ Поляковъ. Это былъ среднихъ лѣтъ человѣкъ, не получившій никакого образованія, едва научившійся читать и писать, но замѣчательный любитель чтенія, собиравшій за безцѣнокъ книги по букинистамъ и успѣвшій собрать себѣ изрядную библіотеку беллетристическихъ произведеній. Онъ покупалъ за безцѣнокъ старые толстые журналы, вырѣзалъ изъ нихъ романы и переплеталъ вмѣстѣ. Читалъ много, безъ разбора, и обладалъ замѣчательной памятью, цитировалъ Шекспира, Пушкина, Державина, Коляпова, Грибоѣдова, пѣлъ пѣсни Цыганова, подыгрывая себѣ на гитарѣ, и былъ самымъ усерднымъ почитателемъ галлерей Александринскаго театра. Вальтера Скотта, Александра Дюма-отца, Поль-де-Кока, Евгенія Сю, Лажечникова, Рафаила Жюльова, Марлинскаго онъ прочелъ отъ доски до доски и, давая мнѣ ихъ въ чтеніе, часто впередъ рассказывалъ содержаніе романовъ. Очень онъ увлекался Барономъ Брамбеусомъ (Сенковскимъ) и тоже подчасъ цитировалъ его «Большой выходъ у Сатаны».

До знакомства съ Поляковымъ, въ дни посѣщенія училища, мнѣ приходилось читать очень мало—книгъ не было. Помню, что первый романъ, который попался мнѣ въ руки отъ одного изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, былъ «Таинственный монахъ» Жюльова, а затѣмъ романъ Поль-де-Кока «Монфермельская молочница», считавшійся почему-то очень скабрёзнымъ, книга «Письмовникъ» Курганова. Книги эти принадлежали дядѣ моему Василию. Онъ ихъ тщательно пряталъ отъ всѣхъ, но я ихъ похитилъ и прочиталъ. Прочиталъ я тогда и скучнѣйшій романъ Калашникова «Дочь купца Жолобова», не помню откуда мнѣ доставшійся—вотъ и все. Но Поляковъ посадилъ меня на романы Дюма-отца и Евгенія Сю. Помню, что «Вѣчный Жидъ» произвелъ на меня громадное впечатлѣніе. Читалъ я его днемъ, вечеромъ и по ночамъ. Герои его снились мнѣ во снѣ, и я даже бредилъ ими, вскакивая съ постели. Не меньшее впечатлѣніе произвелъ на меня и романъ «Монте-Кристо», который я проглотилъ, также почти не отрываясь отъ него. Читая его, я задавалъ себѣ вопросы, отчего же это у насъ въ Петербургѣ нѣтъ такихъ людей, какіе описаны въ романѣ. Романъ этотъ я тогда не считалъ вымысломъ. Поляковъ мнѣ отвѣчалъ, что были и у насъ подобные люди въ царствованіе Павла и Александра Павловича, но ихъ тотчасъ же съ казаками высылали за границу, и при этомъ рассказывалъ о какомъ-то магнатѣ-итальянцѣ, которому государь Павелъ приказалъ въ 24 часа выѣхать изъ Петербурга, и тотъ, будто бы, выѣхалъ въ одно и то же

время, въ одинъ и тотъ же часъ черезъ три заставы, вездѣ расписавшись въ заставныхъ книгахъ. «Парижскія тайны» приближили меня уже къ дѣйствительности. Я сталъ находить подобные типы и въ нашемъ петербургскомъ быту.

Страсть къ чтенію поглотила меня. Пополамъ съ Поляковымъ мы записались въ единственную тогда библіотеку Крашенинникова и стали брать для чтенія помимо книгъ и толстые журналы; ходили по букинистамъ и у нихъ покупали книги. Поляковъ познакомилъ меня съ букинистомъ, старикомъ Терскимъ, имѣвшимъ лавку съ старыми книгами въ Чернышевомъ переулкѣ, въ домѣ Пажескаго корпуса. Терскій былъ больной, разбитый параличомъ и въ лавкѣ бывалъ рѣдко. Лавкой завѣдывалъ, покупая и продавая старыя книги, приказчикъ его, В. И. Рыкушинъ. Это былъ ходячій каталогъ книгъ. Чего, чего онъ не зналъ, чего не помнилъ по части отечественной литературы! Тощій, высокій, скуластый, съ бритымъ подбородкомъ, съ сѣдиной въ бѣлокурыхъ волосахъ, съ прихрамывающими, простуженными въ холодной лавкѣ ногами, онъ сидѣлъ на табуреткѣ у входа въ лавку и встрѣчалъ покупателей. Какъ сейчасъ помню этого добродушнаго, свѣдущаго по книжной части человѣка. Про него говорили, что всѣ, даже неизданныя отдѣльно сочиненія онъ помнилъ и могъ указать, въ какомъ журналѣ и въ какомъ году они были помѣщены. У него было множество знакомыхъ студентовъ, которые ходили къ нему покупать и мѣнять учебники, по часамъ засиживались у него въ лавкѣ, разсматривая книги, и угощались чаемъ въ прикуску, заходили и профессора за книгами, и я помню сидѣвшаго у Рыкушина въ лавкѣ Н. И. Костомарова, пившаго чай и перебиравшаго книги. Костомаровъ въ эти времена гремѣлъ среди учащейся молодежи.

Ходили къ Рыкушину въ лавку и молодые начинавшіе писатели. Бывали у него также драматургъ Иванъ Егоровичъ Чернышевъ, авторъ комедій: «Отецъ семейства», «Испорченная жизнь», «Женихъ изъ долговаго отдѣленія», и поэтъ-юмористъ Гавріилъ Николаевичъ Жулевъ, писавшій въ «Искрѣ» В. С. Курочкина подъ псевдонимами Скорбный Поэтъ и Дебютантъ,—оба молодые актеры Александринскаго театра, они тогда жили вмѣстѣ, въ одной квартирѣ въ Троицкомъ переулкѣ, были большими пріятелями и ходили неразлучно. Рыкушинъ познакомилъ меня съ ними, отрекомендовавъ сыномъ купца-гостинодвора. Смотрѣли они на меня свысока, какъ на мальчика, да я и казался тогда мальчикомъ, хотя было мнѣ уже 19-тъ лѣтъ: маленькаго роста, тѣдешный. Жулевъ — стройный, рыжеватый, румяный, въ усахъ, съ веснушками, смотрѣлъ франтомъ, былъ въ красномъ галстукѣ. Чернышевъ поражалъ своей болѣзненностью и сильно кашлялъ. Впослѣдствіи онъ умеръ отъ чахотки. Я уже зналъ ихъ по ихъ произведеніямъ и

по сценѣ. Они были актеры на вторыхъ роли. Помню, что Жулевъ превосходно игралъ прогорѣлаго купеческаго сына Перетычкина въ комедіи Красовскаго «Женихъ изъ Ножовой линіи». Онъ подавалъ надежды по сценѣ, но его затеръ режиссеръ Е. И. Вороновъ, долго властвовавшій въ Александринскомъ театрѣ. Какъ драматургъ, Чернышевъ уже входилъ тогда въ славу. Была только что поставлена его пьеса «Отецъ семейства», гдѣ Мартыновъ, впервые выступивъ въ сильно драматической роли, потрясалъ Александринскій театръ художественностью и правдивостью своей игры, доказывая, что въ сильно драматическихъ мѣстахъ можно потрясать зрителей и безъ обычныхъ въ то время у трагиковъ завышаній, которыхъ все-таки придерживался и такой крупный актеръ, какъ Каратыгинъ 1-й. Въ «Отцѣ семейства» Мартыновъ дѣлалъ переворотъ на русской драматической сценѣ.

— Ну, что же... помогаете паленькѣ надуть покупателей?— шутливо спросилъ меня Жулевъ.

Я сконфузился и сталъ доказывать, что у отца торговля оптовая, что покупателями являются купцы-торговцы, лавочники, что ихъ, если бы кто и хотѣлъ надуть товаромъ, то этого сдѣлать невозможно.

— Такъ вы оптовикъ? Прекрасно...—прибавилъ Жулевъ, обращаясь къ Чернышеву.—Стало быть, теперь у насъ есть трое знакомыхъ купцовъ-гостинодворовъ: парфюмеръ Михаилъ Ивановичъ Пылаевъ, суконщикъ Алексѣй Ѳеодорычъ Ивановъ и оптовикъ Лейкинъ, помимо книжника Рыкушина.

— Пылаевъ мой товарищъ по Реформатскому училищу,—отвѣчалъ я.

— Ахъ, вы тоже, стало быть, нѣмецъ? Ну, а мы у Пылаева покупаемъ духи, помаду и фиксатуаръ, а у Иванова трико на брюки. Суконщикъ и поэтъ. Стихи пишетъ. Познакомьтесь.

Познакомилъ меня Рыкушинъ и съ Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ Ивановымъ (впослѣдствіи поэтъ, писавшій подъ псевдонимами «А. Ивановскій» и «Классикъ»), торговавшимъ сукнами въ томъ же Чернышевскомъ переулкѣ, какъ разъ противъ книжной лавки Терскаго, въ лицевой линіи Щукина двора, а нынѣ Маринскаго рынка. Тогда у Иванова только что умеръ отецъ, и онъ, принявъ дѣло, торговалъ ужъ самолично. Это былъ добрый, чрезвычайно отзывчивый на все хорошее молодой человекъ, только что вырвавшійся изъ суровой торговой школы отца, сѣраго, темнаго купца, не даваго ему никакого образованія, кромѣ начальной грамотности. Но А. Ѳ. Ивановъ жаждалъ свѣта и приобрѣлъ его самообразованіемъ, тайкомъ отъ отца, путемъ чтенія, иногда по ночамъ, къ которому его пристрастилъ тотъ же приказчикъ-букинистъ, даваи ему для чтенія книги изъ лавки. Судьба такъ устроила, что отецъ Иванова не только что торговалъ противъ книжной

лавки Терскаго, но даже и жить въ домѣ Терскаго въ Ямской. Книгами было пользоваться удобно. Ивановъ былъ старше меня года на два, близорукій, небольшого роста, ходилъ въ то время въ купеческой фуражкѣ и франтоватостью не отличался, хотя сукно и трико продавалъ главнымъ образомъ портнымъ, которыхъ у него всегда въ лавкѣ было много. Это былъ замѣчательно симпатичный человѣкъ. Когда онъ говорилъ, восторгаясь, а онъ очень часто восторгался, то закатывалъ глаза, и Жулевъ прозвалъ его за это «Авророй». Название «Аврора» осталось за нимъ до гробовой доски.

Въ лавкѣ Иванова всегда была толпа. Кромѣ портныхъ, было всегда много студентовъ и мелкихъ актеровъ. Побывавъ въ книжной лавкѣ Терскаго, они переходили къ нему. Приходили они не покупать что либо, а просто посидѣть, поболтать. Одни приводили другихъ. Все это пило чай, водку и закусывало рыночными пирогами и продуктами отъ саечника, предлагаемыми радушнымъ хозяиномъ. А Ивановъ былъ замѣчательно радушенъ. Счета отъ саечника подавались ему каждый день почтенные. Нигдѣ нельзя было такъ легко перехватить два-три рубля, какъ у Иванова. Отецъ оставилъ ему приличное состояніе и стѣны лавки, помимо товара въ ней, но впоследствии громадный пожаръ, истребившій въ 1862 г. весь Апраксинъ и Щукинъ дворы, разорилъ и его. Да и добродушіе Иванова много способствовало разоренію. Сгорѣла въ этотъ ужасный пожаръ и лавка Терскаго со многими книжными и антикварными рѣдкостями. Спасено было изъ книгъ очень немного.

Въ лавкѣ Иванова на меня вѣяло чѣмъ-то новымъ, свѣтлымъ. Я подружился съ нимъ и сталъ заходить къ нему очень часто, послѣ того, какъ мы запирали кладовую отца, и я возвращался по Чернышеву переулку домой. Ивановъ въ то время пописывалъ стихи только для себя, подражая въ нихъ Кольцову и Никитину, но иногда вдаваясь и въ юмористику, «продергивалъ» въ эпиграммахъ лицъ изъ кружка посѣщавшихъ его въ лавкѣ, и читалъ намъ свои стихи во время чаепитія. Въ лавкѣ Иванова я впервые встрѣтился и познакомился съ Василиемъ Ивановичемъ Немировичемъ-Данченкомъ. Онъ тогда былъ студентомъ. Захаживалъ къ Иванову выпить водки и Николай Ивановичъ Кроль, поэтъ, переводчикъ стиховъ Анакреона, котораго, кажется, познакомилъ съ нимъ Жулевъ. Кроль былъ тщедушный, маленькій человѣкъ съ рѣдкой бородкой клинышкомъ, сгорбившійся, красноносый, неряшливо одѣтый, въ фетровой шляпѣ съ широкими полями, какія тогда носило только духовенство. Кроль всегда былъ полупьянъ и по временамъ сильно кашлялъ долгимъ раскатистымъ кашлемъ, при чемъ на глазахъ у него выступали слезы. Говорилъ онъ хриплымъ голосомъ и пучилъ глаза.

Вся молодежь, посѣщавшая лавку Иванова, много читала, увлеклась литературой, слѣдила за ней, поклонялась Некрасову, Салтыкову, зачитывалась Добролюбовымъ и Чернышевскимъ. Ходилъ по рукамъ секретно и запретный тогда «Колоколь» Герцена. Въ лавкѣ Иванова только и говорили, что о литературѣ, такъ что присутствовавшіе при этомъ портные-покупатели и тѣ просвѣщались.

Знакомство мое съ Ивановымъ подвинуло меня на писательство. Много читая, я и самъ попробовалъ писать. Какъ и большинство начинавшихъ писать въ тѣ времена, я началъ со стиховъ, хотя помню, что не особенно и любилъ стихи. Стихи выходили плохи. Я подражалъ поэтамъ, проводившимъ въ стихахъ гражданскую скорбь, потому что было такое вѣяніе. Никому не рассказывая объ этомъ, стихи я послалъ въ мелкіе еженедѣльные журналы, которые тогда нарождались, какъ грибы, но стиховъ не печатали. О своемъ писаніи я хранилъ тайну даже передъ Поляковымъ и Ивановымъ и продолжалъ посылать стихи по редакціямъ. И вдругъ въ 1860 г., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, я узрѣлъ напечатаннымъ въ еженедѣльномъ журналѣ «Русскій Міръ», издаваемомъ тогда братьями Лермонтовыми, мое стихотвореніе «Кольцо». Торжество было велие. Я словно окрылился, бѣгалъ по знакомымъ и показывалъ номеръ журнала съ моими стихами, не спалъ даже ночь отъ захватившаго меня волненія. Я былъ счастливъ, безмѣрно счастливъ, но на моихъ домашнихъ—отца, мать, дядей, помню, фактъ появленія моего стихотворенія въ печати съ полною подписью моей фамиліи никакого впечатлѣнія не произвелъ. Они оказали полное равнодушіе къ этому, тогда какъ я вмѣстѣ съ Поляковымъ зашелъ даже въ два-три рыночныхъ трактира и приглядывался, не читаютъ ли «Русскій Міръ», не будутъ ли читающіе что нибудь говорить о моемъ стихотвореніи, но журналъ этотъ былъ такъ мало распространенъ, что его и въ трактирахъ не было. Не помню, получилъ ли я гонораръ за мое стихотвореніе «Кольцо». Кажется, нѣтъ. Но въ конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ Лермонтовыхъ, въ Караванной улицѣ мнѣ выдали нѣсколько оттисковъ моего стихотворенія и даже въ красной обложкѣ. Одинъ изъ этихъ оттисковъ хранится у меня и теперь. Подъ стихами стоитъ: «13 апрѣля 1860 г.», почему этотъ день я и считаю началомъ моей литературной дѣятельности. Прибавлю, что стихотвореніе «Кольцо» преплохое. Рiemы въ немъ чередуются черезъ строку, никакихъ яркихъ выраженій въ стихахъ нѣтъ.

Когда я показалъ Иванову свои напечатанные стихи, онъ весь вспыхнулъ и сказалъ:

— Тогда я пошлю нѣсколько твоихъ стиховъ въ журналъ.

Послалъ онъ свои произведенія въ нѣсколько журналовъ разомъ, и помню, что черезъ двѣ-три недѣли показалъ мнѣ свое напеча-

танное стихотвореніе за подписью А. Ивановскій, кажется, въ «Иллюстрированной Газетѣ» В. Р. Зотова. Затѣмъ стали появляться его стихи и въ другихъ изданіяхъ.

Послалъ и я стихи для напечатанія, посылалъ ихъ въ журналы, какіе только зналъ, но, кромѣ «Кольца», ничего напечатано не было. Я пріунылъ, оставилъ писать стихи, стыдился заходить къ Иванову вслѣдствіе моего неупѣха и принялся за писаніе прозы. Въ то время я былъ подъ вліяніемъ прочитанныхъ разсказовъ Гребенки. Разказы его мнѣ нравились. Я сталъ подражать Гребенкѣ. Писалъ довольно много, но ничего не кончалъ, охлаждѣвалъ на половинѣ и бросалъ. Причиной, можетъ быть, были невзгоды, которыя разразились надъ моимъ отцомъ, а вмѣстѣ съ этимъ и надъ всѣмъ нашимъ семействомъ.

Открывъ свою торговлю, отецъ расширился въ житьѣ-бытьѣ, а тутъ пришлось во всемъ сжаться, во всемъ необходимомъ до послѣдняго. Онъ условился уплатить своимъ кредиторамъ по 40 копеекъ за рубль и переписалъ векселя, скинувъ съ нихъ 60%, но когда стали наступать сроки платежа, онъ могъ уплатить едва половину своихъ обязательствъ. Ни денегъ, ни товару въ кладовой не оказалось, и пришлось снова прекратить платежи. На этотъ разъ кредиторы его уже не помиловали, подали на него въ коммерческой судъ, и кладовая была опечатана.

Помню, что въ кладовую пришли власти, выпроводили меня и приказчика Полякова изъ кладовой и наложили на дверь казенныя печати. Отецъ не присутствовалъ при этомъ, онъ боялся ареста. Да ему и грозило долговое отдѣленіе для неисправныхъ должниковъ. Такія же печати были наложены и на мебель и на все имущество нашей квартиры. Съ Поляковымъ мнѣ пришлось разстаться. Грозила сильная бѣдность, достатковъ у отца не было ниоткуда, но дядя Василій пришелъ на помощь, и мы стали жить на его счетъ. Но многого онъ давать не могъ, а семейство было огромное. Помню горе матери и ея слезы. Пришлось убавить у расширенной квартиры три-четыре комнаты, и пришлось сжаться во всемъ. Мать моя взяла даже трехъ жильцовъ къ намъ въ квартиру, которые сдѣлались также нашими нахлѣбниками. Это были два мелкихъ чиновника—одинъ малороссъ Ш., другой уроженецъ Олонецкой губерніи К. При малороссѣ былъ еще братъ студентъ-медикъ. Платили они очень мало, люди были нетребовательные, занимали всѣ трое двѣ комнаты, и одинъ изъ нихъ К. согласился даже, чтобы я спалъ вмѣстѣ съ нимъ въ небольшой комнатѣ, едва достаточной и для одного. У насъ былъ даже одинъ письменный столъ, а чиновнику К. приходилось по вечерамъ заниматься перепиской бумагъ. Писали мы двое за однимъ столомъ, присаживаясь съ разныхъ концовъ. У меня не было даже кровати, и я спалъ на клеенчатомъ диванѣ. Братъ мой Василій, который былъ мо

ложе меня пятью годами, учился въ Реформатскомъ училищѣ и былъ въ квартѣ. Платить за него въ училище было трудно. Его тотчасъ же взяли изъ училища и отдали мальчикомъ въ лавку, въ голландскій магазинъ, сбывъ съ содержанія, такъ какъ онъ долженъ былъ уже жить у хозяевъ-голландцевъ на всемъ готовомъ, и тѣ общали одѣвать и обувать его.

Долженъ былъ и я искать себѣ служебнаго мѣста. Имѣя училищный аттестатъ объ окончаніи курса съ правомъ на первый классный чинъ при поступленіи на государственную службу, я могъ бы искать себѣ мѣста въ какой либо канцеляріи, но домашніе мои непремѣнно хотѣли, чтобы я былъ въ какой нибудь конторѣ при торговомъ дѣлѣ, а пока такого мѣста не представлялось, то дядя мой Василій, до пріисканія мѣста, дабы я не болтался безъ дѣла, и опредѣлилъ меня въ кладовую Франца Боненблюста, гдѣ самъ служилъ, и я поступилъ на службу безъ какихъ либо условій.

— Чего стоитъ будетъ... Тамъ увидимъ... А пока долженъ учиться дѣлу... сказалъ моему дядѣ и мнѣ хозяинъ Ф. П. Боненблюстъ, обрусѣвшій нѣмецкій швейцарецъ, худой и длинный, съ маленькими полусѣдыми бачками на скулахъ, всегда солидно одѣтый въ длинный сюртукъ и высокій цилиндръ.

И вотъ я опять въ кладовой на верхней галлереѣ Гостиного двора. Торговля въ кладовой происходила, какъ и раньше въ кладовой моего отца, только отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ вечера, а зимой кончалась и въ 4 часа, съ огнемъ не сидѣли, но я для чего-то долженъ былъ приходить вмѣстѣ съ дядей къ 9 часамъ утра въ контору кладовой, при которой былъ хозяинъ, на Невскомъ проспектѣ, за Полицейскимъ местомъ, сидѣть съ полчаса въ артельщицкой комнатѣ и ужъ оттуда отправляться въ Гостиный дворъ въ кладовую вмѣстѣ съ двумя артельщиками и двумя младшими приказчиками и ждать около запертыхъ дверей кладовой, пока явится дядя съ ключами, полученными имъ отъ Боненблюста, осмотритъ, цѣлы ли восковыя печати на дверяхъ, и прикажетъ артельщикамъ отворить кладовую. Таковъ былъ нѣмецко-швейцарскій порядокъ. Боненблюстъ былъ великій педантъ, да и дядя мой Василій, воспитанный въ его школѣ, рабски придерживался хозяйскаго педантизма, за что хозяинъ его очень любилъ и цѣнилъ. Рыночники-торговцы, покупавшіе въ кладовой товаръ, называли Боненблюста нѣмцемъ стараго лѣса, и очень уважали его.

Боненблюстъ торговалъ оптомъ, выписывая изъ-за границы и продавая торговцамъ швейцарскіе товары — шелковыя ленты, блонды, кружева, тюль, вышивки, соломенные шляпы и соломку въ кускахъ для сшиванія ихъ, а также имѣлъ на комиссіи для продажи ситцы Царевской мануфактуры, которые получались изъ Москвы. Приказчиковъ, кромѣ меня, было трое — дядя Василій,

Романовъ, пожилой человѣкъ, уроженецъ Риги, отлично говорящій по-нѣмецки, и мой двоюродный братъ, старше меня двумя годами, Д. Аноповъ. Кромѣ того, были два артельщика Ярославской артели, которые, рассказывая мнѣ о своемъ артельномъ строѣ и бытѣ, и послужили матеріаломъ для написанія разсказа «Биржевые артельщики», который въ 1864 г. былъ напечатанъ въ «Современникѣ» Некрасова.

Въ кладовой у Боненблуста служили приказчиками только русскіе, но въ конторѣ царилъ нѣмецкій элементъ, и конторщиками были почти только племянники Боненблуста. Первое время, служа у Боненблуста, я не могъ опредѣлить, что я именно такое — приказчикъ или мальчикъ, то-есть торговый ученикъ. Жалованья мнѣ не было положено, хотя уже имѣлъ нѣкоторую торговую намѣтку, пробывъ мѣсяцевъ восемь въ кладовой отца, и былъ окончившій курсъ въ Реформатскомъ училищѣ двадцатилѣтній уже молодой человѣкъ съ атестатомъ въ карманѣ. Впрочемъ, мѣсяца черезъ два послѣ моего поступленія въ кладовую, при раздачѣ перваго числа жалованья приказчикамъ и артельщикамъ, Боненблустъ сунулъ мнѣ въ руку пачку рублевыхъ бумажекъ и сказалъ:

— Это ваше жалованье. Будете получать каждое первое число. А тамъ видно будетъ...

Я поблагодарилъ и потомъ сосчиталъ пачку. Было пятнадцать рублей. Кажется, и дядя мой не ожидалъ такой скудости назначеннаго мнѣ содержанія и сталъ утѣшать меня, говоря:

— Ну, впослѣдствіи онъ тебѣ прибавитъ. Вотъ Новый годъ наступитъ. Навѣрное дастъ награду.

А мнѣ нужно было обуваться и одѣваться на эти деньги, платить въ бібліотеку за чтеніе книгъ и журналовъ, безъ которыхъ я жить не могъ. Дома я прежде получалъ помѣщеніе и кушанье, но предполагалось, что и я въ домъ долженъ былъ что нибудь платить за мое содержаніе.

Дѣла въ кладовой не особенно много. Занятія наши заключались въ приѣмъ и разборкѣ пришедшаго изъ-за границы товара, продажѣ его торговцамъ-рыночникамъ, записи въ книгу, уборкѣ товара послѣ покупателей и вообще въ содержаніи его въ порядкѣ. Также должны были мы слѣдить, какой товаръ и подобрался, дабы доложить хозяину, что надо пополнить выборъ. Купленный товаръ разносили по лавкамъ артельщики, но намъ приходилось бѣгать въ рынкахъ по лавкамъ съ образцами какихъ либо новыхъ товаровъ, которые получались, и предлагать ихъ. Ни веденія какихъ либо торговыхъ книгъ, ни писанія торговыхъ писемъ или счетовъ для меня не полагалось, и я часто задавалъ себѣ вопросы: для чего я въ примѣ учился бухгалтеріи, для чего преподаватель знакомилъ меня съ образцами торговыхъ писемъ, счетовъ, повѣ-

ствовали о биржевыхъ курсахъ и заставлялъ переводить франки и талеры въ рубли и обратно? Боненблюстъ, какъ именитый прихожанинъ-реформатъ, состоялъ членомъ училищнаго совѣта Реформатскаго училища и зналъ, что я проходилъ эти предметы. Отчего онъ не далъ мнѣ мѣста конторщика у себя въ конторѣ, а держалъ въ кладовой?

Отпускъ товаровъ обыкновенно затихалъ къ часу дня, и я тотчасъ же удалялся въ заднюю кладовую (ихъ было двѣ) и принимался за мое любимое занятіе — чтеніе, гдѣ тюки съ кусками ситцевъ служили мнѣ и стуломъ и столомъ. Читали и другіе приказчики, кромѣ дяди. Но читать нужно было украдкой. Дядя мой не любилъ, когда читали на дѣлѣ, и тотчасъ же заставлялъ перебирать товаръ, говоря:

— Разсматривайте товаръ. Приводите въ порядокъ — записывайте, чего не хватаетъ. Чтеніемъ заниматься можно дома. Торговлю кончаемъ рано. Вечеръ великъ.

При Боненблюстѣ, разумѣется, никто не смѣлъ и книги держать въ рукахъ. Книги при его приходѣ въ кладовую прятались. Заставъ кого либо съ книгой, онъ прямо вырывалъ ее изъ рукъ со словами:

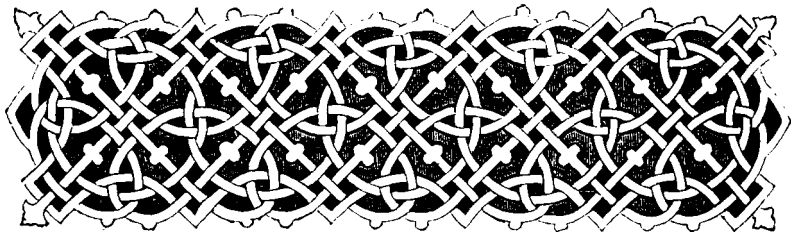
— Кладовая для торговаго дѣла, а не для забавы и развлеченій. Перебирайте товаръ, приводите въ порядокъ. Не можетъ быть, чтобы не нашлось дѣла. Обновляйте ярлыки съ цѣнами, обметайте пыль.

Въ кладовой, впрочемъ, онъ сидѣлъ недолго, приходя въ нее часа на полтора, послѣ полудня. Завѣдываніе продажей всецѣло лежало на моемъ дядѣ.

Н. А. Лейкинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾.

VII.

ОТЯ жизнь въ 1861 г. была болѣе, чѣмъ на половину дешевле нынѣшней, но все-таки пятнадцати рублей, которые я тогда получалъ въ мѣсяцъ, было очень мало, и я сталъ искать себѣ какихъ нибудь вечернихъ платныхъ занятій. Заработокъ нашелся, но тоже грошовый. Пріятели моихъ дядей, Шутовъ и Кольцовы, нанявшіе суровскій магазинъ въ Гостиномъ дворѣ, люди, посѣщавшіе наше семейство, предложили мнѣ вести торговую переписку съ иностранными фирмами, отъ которыхъ они выписывали товары, за восемь рублей въ мѣсяцъ. Я долженъ былъ являться къ нимъ на квартиру (компаніоны тогда были холостые и жили всѣ вмѣстѣ) на Садовую, близъ Сѣнной, каждый вторникъ вечеромъ и заниматься писаніемъ писемъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Работать приходилось по три—четыре часа въ вечеръ. Сначала я читалъ полученные хозяевами письма, потомъ со словъ ихъ писалъ отвѣты, запросы, и заказы на русскомъ языкѣ, переводилъ письма на иностранные языки и потомъ уже переписывалъ ихъ набѣло. Но работалъ я у фирмы Шутова и Кольцовыхъ очень недолго. Мои черновики Шутовъ показалъ иностраннымъ торговымъ агентамъ;

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СIII, стр. 493.

тѣ сказали, что я плохо владѣю коммерческимъ стилемъ, и мнѣ отказали отъ мѣста.

Вечера были свободны, я опять ухватился за литературу и, хотя писать было очень трудно при житьѣ въ такомъ многочленномъ семействѣ, какъ наше, къ тому же еще съ жильцами и не имѣя для себя отдѣльной комнаты, но я сталъ писать и дѣлалъ это, главнымъ образомъ ночью, когда всѣ ложились спать. Я писалъ очерки «Апраксинцы», повѣствованіе о торговомъ и домашнемъ бытѣ того времени тѣхъ торговцевъ-рыночниковъ, которые были покупателями въ кладовой моего отца и кладовой Ф. Боненблюста, въ которой я служилъ. Впослѣдствіи очерки эти были напечатаны въ 1863 г. въ «Библіотекѣ для Чтенія» П. Д. Боборыкина. Писалъ я «Апраксинцевъ» долго, очень часто отрываясь отъ работы на недѣлю, иногда передѣлывалъ написанное, вставлялъ новыя черты и эпизоды, которые приходилось наблюдать, а иногда, охладѣвъ къ этимъ очеркамъ, начиналъ и другіе рассказы. И вотъ помню, что написалъ маленькій рассказецъ «Гробовщикъ», который показалъ Иванову и даже прочиталъ его ему. Иванову рассказъ понравился.

— Отчего бы вамъ не отдать его въ «Петербургскій Вѣстникъ»? — сказалъ онъ мнѣ. — Его издаетъ Левъ Камбекъ. Тамъ есть и мои стихи. Это—мой знакомый. Онъ еще на-дняхъ былъ у меня въ лавкѣ и взялъ сукна себѣ на однорядку. Онъ одѣвается по-русски, какъ простой крестьянинъ, и носитъ коломенскую шляпу гречневиномъ.

— Фамилія-то его, однако, не русская,—замѣтилъ я.

— Да, онъ смахиваетъ немного на еврея, но говоритъ, что чистый русскій дворянинъ. Да вамъ что же?.. Только бы напечатали. Пойдемте къ нему въ воскресенье.

И мы отправились къ Льву Александровичу Камбеку. Онъ жилъ тогда въ Колокольной улицѣ. Камбекъ открылъ намъ самъ дверь. Это былъ среднихъ лѣтъ брюнетъ въ красной кумачевой рубахѣ, въ широкихъ шароварахъ и въ высокихъ сапогахъ, длинноволосый, бородатый. Ивановъ отрекомендовалъ меня. Камбекъ, узнавъ, что я принадлежу къ купеческому сословію и состою при торговлѣ, воскликнулъ:

— Теперь ваша будущность! Ваша звѣзда занялась. А мы, дворяне и разночинцы, на смарку. Да и пора намъ, пора. Намозолили мы всѣмъ глаза. Надо слиться съ народомъ и помогать вамъ.

Это было сейчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, ранней весной 1861 г., когда еще на всѣхъ дворахъ, на всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ харчевняхъ продолжалъ читаться знаменитый манифестъ 19 февраля и толковался на всѣ лады грамотеями изъ простонародья.

Жилъ Камбекъ бѣдно, мебель была убогая, и ея было очень мало въ комнатахъ, окна были безъ шторъ, безъ занавѣсокъ, и одно изъ нихъ въ его кабинетѣ было позанавѣшено суконнымъ платкомъ, на диванѣ и на подоконникахъ лежали растрепанныя книги. Я передалъ Камбеку свой рассказъ. Переписанъ онъ былъ мною тщательно, каллиграфически. Я красиво писалъ и всегда отличался аккуратностью въ своихъ рукописяхъ. Рукопись была маленькая. Камбекъ взялъ ее и сейчасъ же принялся читать, а намъ приказалъ подать чаю.

— «Гробовщикъ»... Я думалъ, что вы Пушкину подражаете... Но нѣтъ, свое, самобытное, — сказалъ онъ, отрываясь отъ чтенія. — Оригинально, очень оригинально... Что же, напечатаемъ. Но напередъ скажу... гонорара я вамъ заплатить не могу... Развѣ что въ будущемъ... А теперь мени тѣснятъ, со всѣхъ сторонъ тѣснятъ кредиторы. Буду съ вами откровененъ. У меня даже мебель за долги описана и съ казенными печатями. Я — простой русскій человекъ и люблю говорить правду. Вотъ и Иванову я долженъ, даже помимо стиховъ, за сукно долженъ. Но я вынырну и заплачу. Я вѣрю въ свою звѣзду. А теперь для печати заря занимается, — прибавилъ онъ.

Я не возражалъ. Я былъ радъ уже и тому, что рассказъ мой узрѣть свѣтъ. Да и вообще тогда начинающая писать молодежь, даже если и бѣдствовала, не гналась при первыхъ своихъ литературныхъ шагахъ за гонораромъ. Эта молодежь поклонялась литературѣ, и если попадала въ печать, то ужъ гордилась одной принадлежностью къ ней, ища заработокъ въ другихъ профессіяхъ.

Недѣли черезъ двѣ «Гробовщикъ» былъ напечатанъ. Я ликовалъ. Получивъ отъ Камбека полсотни номеровъ «Петербургскаго Вѣстника» съ моимъ рассказомъ, я раздавалъ ихъ знакомымъ, приказчикамъ и артельщикамъ, съ которыми служилъ въ кладовой. Дядѣ это, однако, не понравилось, и онъ сдѣлалъ мнѣ упрекъ, хотя и въ мягкой формѣ.

— Зачѣмъ ты это такъ разсовываешь свой рассказъ?.. Не хорошо. Чтонибудь одно: торговля или писаніе. Но если уже напечатали чтонибудь, то и знай про себя. Дойдетъ до хозяина, то неизвѣстно еще, какъ онъ на это посмотритъ. Можетъ, и не потерпитъ.

Но я успѣлъ уже изготovitъ второй рассказъ для Камбека, понесъ его къ нему въ редакцію, но узналъ, что «Петербургскій Вѣстникъ» приостановился выходомъ. И на этотъ разъ я былъ у Камбека вмѣстѣ съ Ивановымъ. Мы стали допытываться, отчего не вышелъ послѣдній номеръ. Камбекъ сталъ ссылаться на цензуру, но потомъ, когда мы уходили, признался намъ о причинѣ невыхода журнала.

— Бумаги нигдѣ не могу достать, а въ долгъ не вѣрятъ. Вотъ вы, Алексѣй Федорычъ, возвращаетесь въ торговомъ мірѣ, — обратился

онъ къ Иванову: — не можете ли мнѣ доставить хоть маленькій кредитъ на бумагу? Я заплачу, я вынырну, только бы журналъ на ноги поставить. Подписка будетъ. И посейчасъ приходятъ подписчики. Да я имѣю получить нѣкоторую сумму на журналъ. Мнѣ общали. Одинъ откупщикъ общалъ.

Кажется, добрыйшій Ивановъ, никому не отказывавшій, добылъ Камбеку немного бумаги для журнала, но журналъ все-таки не выходилъ, потому что типографія въ долгъ не печатала.

Камбека мы, я и Ивановъ, продолжали посѣщать, ожидая появленія номеровъ журнала, но совершенно безъ денегъ невозможно было издавать журналъ. Камбекъ бился, какъ рыба объ ледъ, изыскивая средства для продолженія «Петербургскаго Вѣстника», мѣсяца черезъ два выпустилъ номеръ его съ небывалымъ до того времени прибавленіемъ подъ заглавіемъ «Ерунда», наполненнымъ безграмотными замѣтками, состоявшими изъ рекламы о торговыхъ заведеніяхъ, бессмысленными стихами безъ размѣра и рима, и объявилъ, что въ этомъ прибавленіи будетъ печатать отъ желающихъ печататься что угодно за плату по соглашенію съ редакціей. Журналы и газеты подняли Камбека на зубокъ и стали травить. Онъ оправдывался, что завелъ «Ерунду» во имя широкой гласности, дабы дать возможность высказаться о чемъ либо всякому желающему, даже и безграмотному, какъ онъ умѣетъ, какъ онъ чувствуетъ. Начались разсужденія въ печати, что такое значитъ слово «ерунда», разбирали слово этимологически, въ юмористическихъ журналахъ продергивали Камбека въ стихахъ, фамилія его появлялась съ прибавленіемъ слова «ерунда». Камбекъ сдѣлался притчей во языцѣхъ. Отъ «Петербургскаго Вѣстника» пришлось сторониться. Но и при введеніи «Ерунды» журналъ не могъ существовать. Выйдя еще двумя-тремя номерами, онъ прекратился навсегда.

Имя Камбека пропало съ страницъ газетъ и журналовъ, но черезъ годъ оно снова вынырнуло, и о Камбекѣ опять заговорили въ печати. Случилось это въ 1862 г. въ дни празднованія тысячелѣтія Россіи. На пароходѣ, отправлявшемся на открытіе памятника въ Новгородъ, переполненномъ пассажирами, случился на Волховѣ какой-то скандалъ по винѣ капитана и пароходной прислуги. Камбекъ, ѣхавшій среди другихъ пассажировъ, является протестантомъ и грозой пароходныхъ властей, завладѣваетъ браздами правленія, становится къ рулю и торжественно приводитъ пароходъ въ Новгородъ. О случаѣ этомъ долго писали и дебатировали. Одни обвиняли Камбека, другіе оправдывали его. Еще годъ спустя, Камбекъ, совсѣмъ уже покончившій съ печатью, является въ качествѣ распорядителя увеселительнаго заведенія «Хуторокъ» на Каменно-островскомъ проспектѣ, гдѣ теперь громадная богадѣльня Садовникова и Герасимова, разгуливая по саду въ красной рубахѣ и шляпѣ гречневикомъ, а затѣмъ исчезаетъ съ горизонта Петербурга

Кстати уномяну, что у Камбека я познакомился съ писателемъ В. П. Череванскимъ, впоследствии товарищемъ государственнаго контролера, помѣщавшимъ свои рассказы въ самый распространенный тогда и дешевый журналъ «Сынъ Отечества» подъ редакціей Старчевскаго. Рассказы В. П. Череванскаго сильно читались и въ столицахъ и въ провинціи. Онъ писалъ много. Рассказы его помѣщались почти въ каждомъ номерѣ. В. П. Череванскій тогда только начиналъ свою служебную карьеру, былъ въ малыхъ чинахъ и жилъ въ квартирѣ Камбека, нанимая у него двѣ комнаты. В. П. Череванскій былъ первымъ писателемъ-прозаикомъ, съ которымъ я познакомился, и помню, что я читалъ ему выдержки изъ моихъ очерковъ «Апраксинцы», которые тогда писалъ. Онъ отнесся къ нимъ одобрительно и совѣтовалъ помѣстить ихъ у Старчевскаго, но впоследствии я отдалъ ихъ въ «Библіотеку для Чтенія» П. Д. Боборыкина.

Годъ, о которомъ я вспоминаю, былъ чреватъ великимъ событіемъ въ жизни Россіи. 19 февраля свершилось освобожденіе крестьянъ. Я помню этотъ день, помню чтеніе манифеста. Мать моя и старуха-мать крестная ходили въ церковь хотѣли служить молебенъ, но вернулись ни съ чѣмъ, сказавъ, что до очереди не доберешься: до того много заказныхъ молебновъ. Въ то время мы жили на Владимирской, какъ и прежде. Домашніе мои и наши знакомые ждали безпорядковъ въ Петербургѣ; говорили, что навѣрное освобожденный крѣпостной народъ разобьетъ кабаки, но уличныхъ безпорядковъ не было. Убѣжденіе, что кабаки будутъ разбиты, было настолько велико, что мать упрашивала меня, чтобы я въ этотъ день не ходилъ къ А. Ѳ. Иванову, который жилъ въ Ямской, недалеко отъ такъ называемаго Глазова кабака, а также держался бы подальше отъ кабака подъ названіемъ «Широкая Лѣстница», находившагося на углу Щербакова переулка. Кабаки остались цѣлы, хотя пьяныхъ въ этотъ день было дѣйствительно много. И молились, и пили, собирались на улицахъ группами, читали манифестъ, и полиція не разгоняла толпы. Помню, что простой народъ кричалъ на углу Невскаго и Владимирской «ура», хотя по улицѣ въ это время никто изъ царской фамиліи не ѣхалъ. Читали манифестъ и у насъ на дворѣ дворники и водовозы, а прислуга наша бѣгала слушать. Водопровода тогда еще не существовало, и воды у водовозовъ нельзя было допроситься. Съ нами въ домъ по одной лѣстницѣ жилъ чиновникъ, полякъ К., и у него были крѣпостные поваръ и кучеръ. Тотчасъ же послѣ прочтенія манифеста они отъ него убѣжали, и онъ долго не могъ ихъ найти. Замѣчательно, что купцы-рыночники, хозяева, бывшіе когда-то и сами крѣпостными, не отмѣтили этого дня празднествомъ, и лавки были открыты. Ознаменованіе этого дня ограничилось въ рынкахъ складчинами на иконы, на лампы. У насъ въ домѣ праздника также никакого не было,

хотя половина родни матери моей до 19 февраля оставались крѣпостными. Отецъ и мать ея были выкуплены нашими знакомыми, но три брата ея и двѣ сестры жили на оброкѣ. Никакихъ демонстрацій не было и въ Гостиномъ дворѣ, хотя торговцы его были несравненно развитѣе торговцевъ другихъ рынковъ. Впрочемъ, можетъ быть, это произошло потому, что къ этому не успѣли приготовиться. Слухи объ освобожденіи ходили давно, но мало кто вѣрилъ въ купечествѣ, что эта реформа произойдетъ. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что торговые приказчики, бывшіе крѣпостными на оброкахъ, до послѣдняго момента откупались у помѣщиковъ, и помѣщики, зная, что для нихъ все уже потеряно, отпускали этихъ крѣпостныхъ на волю все дешевле и дешевле.

Впрочемъ, нѣсколько гостинодворовъ по инициативѣ суконщика Лапотникова въ ознаменованіе 19 февраля основали Русское купеческое общество для взаимнаго вспоможенія, существующее и понынѣ, и открыли свои собранія, нанявъ помѣщеніе въ домѣ Руадзе на Мойкѣ, близъ Полицейскаго моста. Первымъ председателемъ былъ Лапотниковъ. Лѣтнее помѣщеніе общество имѣло у Строганова моста, на дачѣ Строганова и вначалѣ посѣщалось цвѣтомъ гостинодворской аристократіи. До того времени купеческія семьи, сидѣвшія у себя дома взаперти и выѣзжавшія только на свадьбы и именины къ своимъ же знакомымъ купцамъ, впервые начали выѣзжать въ этотъ клубъ, который, надо отдать справедливость, въ первое время отличался строгостью нравовъ и приличіемъ своихъ посѣтителей. Въ члены принимали съ большимъ разборомъ, гостями записывали только такихъ лицъ, которыхъ члены хорошо знали. Хорошо было поставлено тогда тамъ и дѣло вспоможенія разорившимся торговцамъ. Я довольно часто посѣщалъ этотъ клубъ, такъ какъ старшинами его въ то время были мой отецъ и дядя Василій. Впослѣдствіи я выступилъ тамъ (въ 1865 г.) актеромъ любителемъ въ любительской труппѣ майора В. Д. Квадри подъ фамиліей Водянова и игралъ комическія роли. Сами купцы, однако, не играли. Не помню, чтобы участвовалъ въ спектакляхъ кто либо и изъ купеческой молодежи.

Не забыто было въ этомъ клубѣ въ первое время и самообразование. Тогда начиналась мода на публичныя лекціи, и вотъ въ этотъ клубъ былъ приглашенъ читать популярныя лекціи элементарной физики и химіи профессоръ Петрушевскій. Какъ сейчасъ, помню этого красиваго ученаго штабъ-офицера, въ густыхъ золотыхъ эполетахъ, за столомъ, заставленнымъ физическими аппаратами и химическими препаратами въ банкахъ, показывающаго дѣйствіе электрической машины на субъекта, стоящаго на стеклянной скамейкѣ. Въ опытахъ по химіи, соединяя газы, Петрушевскій дѣлалъ выстрѣлы, что всегда производило особенный эффектъ среди слушателей, при чемъ дамы вскрикивали и затыкали уши.

По окончаніи лекціи члены клуба долго потомъ говорили о кислородѣ, водородѣ, вольтовомъ столбѣ, лейденской банкѣ и т. п. и въ шутку называли этими именами настойки въ буфетѣ и закуски.

Къ клубу этому относились симпатично въ началѣ шестидесятыхъ годовъ не одни купцы. Посѣщался онъ и интеллигенціей. Помню, что книгопродавецъ Кожанчиковъ, имѣвшій книжный магазинъ на Невскомъ и бывшій въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ гремѣвшимъ тогда среди молодежи и въ литературѣ Н. И. Костомаровымъ, привелъ его въ клубъ, и Костомарову была устроена овація. Когда Костомаровъ пилъ чай вмѣстѣ съ Кожанчиковымъ, ихъ окружила толпа членовъ и долго аплодировала Костомарову, а Костомаровъ стоялъ и раскланивался. Костомаровъ тогда только что прочелъ нѣсколько публичныхъ лекцій въ Петербургѣ по исторіи. Публичныя лекціи были новостью. Раньше онѣ не разрѣшались. Помню среди посѣтителей клуба и профессоровъ А. Н. Энгельгардта, П. Л. Лаврова, писавшаго подъ псевдонимомъ П. Миртова, и впослѣдствіи прославившагося въ Средней Азіи М. Г. Черняева.

У клуба была большая читальня, гдѣ на длинномъ столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, были разложены всѣ издававшіеся тогда въ Петербургѣ и въ Москвѣ журналы и газеты. Для купеческой публики все это было тогда новостью, да и не для одной купеческой, и читальня по вечерамъ всегда была переполнена читающими. Среди купечества путемъ этого клуба совершался какой-то нравственный подъемъ. Сидѣвшіе до этого времени въ рутинной затхали и полупотемкахъ, люди средняго торговаго класса стали искать просвѣтлѣнія. Изъ библіотеки клуба, которая быстро образовалась и расширялась, благодаря тому, что почти всѣ петербургскіе книгопродавцы были тогда членами его, книги брались для чтенія на домъ нарасхватъ.

Но были и противники этого клуба среди гостинодворскаго купечества. Десятки хозяевъ-гостинодворовъ, «людей стараго лѣса», какъ ихъ тогда называли, отрекивались и отплевывались отъ этого клуба, видѣли въ немъ ядъ и не только сами не записались туда членами, но строжайше запретили своимъ сыновьямъ и своимъ приказчикамъ посѣщать его, грозя послѣднимъ отказомъ отъ мѣста. Запрещалось ими приказчикамъ записываться членами и въ образовавшееся тогда одновременно въ память освобожденія крестьянъ Общество для пособія приказчикамъ и сидѣльцамъ, которое ужъ никакихъ цѣлей развлеченія не имѣло.

И образовались двѣ партіи среди средняго купечества. Одни ожили, искали свѣта, то и дѣло употребляли модное тогда слово «прогрессъ», узнавъ его со столбцовъ газетъ, увлекались и проливали слезы, когда на литературно-музыкальныхъ вечерахъ клуба

читалось стихотвореніе А. Майкова «Поля», а другіе, видя, что начала закипать жизнь и среди ихъ сословія, еще больше сузили свободу своихъ сыновей и приказчиковъ.

А въ какомъ рабскомъ состояніи находились тогда лавочные приказчики у своихъ хозяевъ, подробно рассказано у меня въ моихъ очеркахъ «Апраксинцы». Это было второе крѣпостное право. Не у всѣхъ хозяевъ для приказчиковъ были отдѣльныя койки. Спали подвое на одной кровати, а то въ повалку на нарахъ, а мальчики, торговые ученики, стлали себѣ войлоки на полу. Въ большинствѣ случаевъ приказчикъ не зналъ, за какое жалованье онъ живетъ у хозяина. «Чего стоитъ будешь»,— вотъ былъ хозяйскій отвѣтъ. Приказчикъ не долженъ былъ имѣть при себѣ никакихъ денегъ и всякій разъ спрашивалъ ихъ себѣ у хозяина, объявляя ту нужду, для которой онъ проситъ: на сапоги, на покупку картуза, послать въ деревню домашнимъ и т. п. Бывали обыски по сундукамъ приказчиковъ у особенно строгихъ хозяевъ. Приказчики должны были быть или холостые, или такіе, у которыхъ семьи жили внѣ Петербурга: въ деревнѣ или въ провинціи. Жить на своей квартирѣ, отдѣльно отъ хозяевъ, не дозволялось. Объясненіе этому: таскать изъ лавки товаръ будешь, и за тобой не услѣдишь. Даже заводить свои кровати для себя приказчику не дозволялось и называлось «барствомъ». Свободы никакой. Торговля каждый день. Лавки не отворялись только въ первый день Пасхи и въ первый день Рождества да до обѣда въ Троицу и въ Новый годъ. Въ эти дни они и отпускались со двора и ужъ задавали же трезвону! Въ баню и въ церковь, къ ранней обѣднѣ и заутренѣ, разрѣшалось ходить, но при этомъ хозяева слѣдили, чтобы на это не было употреблено времени больше, чѣмъ слѣдуетъ. Только въ день счета лавки, когда хозяинъ сводилъ балансъ по торговлѣ (обыкновенно бывало это на Юминой недѣлѣ), приказчикъ узнавалъ, «чего онъ стоилъ» и сколько получилъ за истекшій торговый годъ, но и тогда ему деньги его наруки не выдавались, а записывались хозяиномъ въ свою книгу, что такой-то имѣетъ получить столько-то. Приказчикъ, обыкновенно, не видалъ, записывалось это или нѣтъ, и хозяинъ всегда могъ отпереться, что приказчику ничего не долженъ, если бы тотъ вздумалъ уволиться и потребовать свои зажитыя деньги. Доказательствъ у него не было никакихъ.

Замѣчательно, что обычая, что лавочный приказчикъ долженъ быть непременно холостой и жить въ квартирѣ хозяевъ, придерживались и гостинодворы-голландцы, которые въ концѣ пятидесятихъ годовъ имѣли въ Гостиномъ дворѣ до десяти лавокъ. Съ бытомъ этихъ голландцевъ я имѣлъ возможность познакомиться, потому что у фирмы Смальтъ Энтгберта и К^о служилъ тогда мой дядя Николай, а у фирмы Эмбертсъ и К^о—мой братъ Василій, проходившій торговую науку съ 14-ти-лѣтняго возраста. Женатыхъ

приказчиковъ въ описываемое мной время не держали. Какъ только приказчикъ задумывалъ жениться, и бракосочетаніе совершалось, онъ терялъ мѣсто. Таковъ былъ обычай, хотя содержаніе приказчиковъ у голландцевъ стояло неизмѣримо выше самыхъ просвѣщенныхъ русскихъ торговцевъ того времени. Они хотя и жили въ хозяйской квартирѣ, но по вечерамъ, послѣ закрытія лавокъ, бывали свободны, могли располагать своимъ временемъ и по воскресеньямъ, такъ какъ голландцы по воскреснымъ днямъ лавокъ не отворяли. Сголъ у нихъ, по отзывамъ служащихъ, былъ всегда хорошій, обильный, и, даже мало того, по праздникамъ приказчикамъ предлагались компанейскіе ужины, пиво, сигары и трубочный табакъ.

Здѣсь кстати сказать о голландцахъ-гостинодворахъ того времени. Сами они въ своемъ петербургскомъ быту представляли собою нѣчто въ родѣ особой секты съ своими обычаями. Голландцевъ было пять—шесть фирмъ въ Петербургѣ, и каждая состояла изъ нѣсколькихъ хозяевъ-компаньоновъ. Почти всѣ они были родомъ изъ мѣстечка Альмелоо. Пріѣзжали въ Петербургъ холостыми, а женатые безъ женъ, и только по пропествіи нѣсколькихъ лѣтъ женатымъ позволялось выписывать въ Петербургъ женъ. Холостые, по обычаю фирмъ, не смѣли жениться на русскихъ, нѣмкахъ или вообще на женщинѣ какой либо другой національности, кромѣ голландки, а такъ какъ въ Петербургѣ голландокъ не было, то ѣздили для женитьбы къ себѣ въ Голландію. Два года голландецъ былъ въ Петербургѣ, и на третій годъ ему дозволялось съѣздить на компанейскій счетъ къ себѣ на родину. Всѣ голландцы были голландскими подданными, и не было случая въ тѣ времена перехода ихъ въ русское подданство, хотя нѣкоторые изъ нихъ, проживъ долго въ Петербургѣ, и русѣли. Вообще большинство ихъ и до старости оставались холостяками. Состарѣвшіеся выдѣлялись фирмами и отправлялись съ капиталомъ на родину на покой, а на свое мѣсто присылали какихъ либо своихъ родичей, которые дѣлались компаньонами. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ изъ двадцати-тридцати голландцевъ-гостинодворовъ только трое жили въ Петербургѣ съ женами и семьями. Я потому это знаю и пишу такъ утвердительно, что былъ знакомъ почти со всѣми ими, и съ сыновьями одного изъ нихъ Э. учился вмѣстѣ въ Реформатскомъ училищѣ, и они были моими пріятелями. Проживая въ Петербургѣ, родившись даже въ Петербургѣ, имѣя всѣ симпатіи здѣсь, они такъ и остались холостыми, такъ какъ послѣ смерти своего отца, вступивъ компаньонами въ фирму, по обычаю ея, не смѣли жениться на петербургскихъ невѣстахъ, а на своихъ заграничныхъ голландкахъ не хотѣли, не чувствуя къ нимъ симпатіи.

Во всякомъ случаѣ въ тѣ времена среди голландцевъ-гостинодворовъ много было добрыхъ людей. Приказчиковъ они держали

у себя только русскихъ, и когда кто либо изъ ихъ приказчиковъ, послѣ долгой службы задумавъ быть самостоятельнымъ, открывалъ свою торговлю, они не мѣшали имъ, не старались имъ подставить ногу, а напротивъ были случаи, что помогали деньгами или кредитомъ.

VIII.

1862 годъ засталъ меня попрежнему служащимъ въ кладовой Ф. Боненблуста, но я уже былъ повышенъ, и получалъ жалованья 25 рублей въ мѣсяцъ. Попрежнему—отпускъ товара гостинодворамъ хозяевамъ Апраксина и Щукина дворовъ, ихъ приказчикамъ и лавочнымъ мальчикамъ, а въ антрактахъ—чтеніе романовъ на кипахъ ситцевъ. Приказчики, освѣдомясь, что я пописываю въ газетахъ (въ популярной тогда «Сѣверной Пчелѣ» была помѣщена моя замѣтка о тяжеломъ положеніи торговаго мальчика-ученика), рассказывали мнѣ о своемъ безотрадномъ житьѣ-бытьѣ у хозяевъ. Я выслушивалъ ихъ и вносилъ все это въ черновикъ моихъ очерковъ «Апраксинцы», которые тогда все еще продолжалъ писать. Хозяева-апраксинцы, зная, что я пописываю, косились на меня и говорили дядѣ:

— Не для торговли у васъ этотъ молодецъ. Когда въ головѣ всякое воображеніе, пути не будетъ. Да и зачѣмъ онъ у васъ здѣсь? Онъ ученый. Ему бы поискать другого мѣста.

Дядя отмалчивался.

Разумѣется, замѣчанія эти доходили и до моего хозяина Боненблуста.

По вечерамъ, дома, въ свободное время я продолжалъ писать. Было это подчасъ довольно трудно при тѣснотѣ нашего житья, но жилецъ-чиновникъ К., съ которымъ я жилъ въ одной комнатѣ, иногда уходилъ со двора, и комната оставалась для меня свободной. Въ началѣ 1862 г. я написалъ рассказъ изъ чиновничьяго быта: «Неожиданная карьера». Явился онъ опять подъ вліяніемъ повѣстей Гребенки, которыя мнѣ очень нравились. Захотѣлось тогда рассказъ напечатать. Я вспомнилъ о еженедѣльномъ «Русскомъ Мірѣ». Онъ тогда, послѣ долгаго неоявленія въ свѣтъ, перешелъ отъ Лермонтовыхъ въ другія руки и издавался нотнымъ торговцемъ Стелловскимъ подъ редакціей А. С. Героглифова. Я передалъ рукопись рассказа въ нотный магазинъ Стелловскаго. Мнѣ сказали, что за отвѣтомъ надо прійти недѣли черезъ двѣ къ Героглифову, и дали его адресъ. Помню, что разъ пять-шесть ходилъ къ Героглифову въ его пріемные часы и не заставалъ его дома. Героглифовъ жилъ тогда на Вознесенскомъ проспектѣ, конокъ тогда не было, и мнѣ приходилось довольно долго пѣшеходствовать съ Владимирской улицы. Наконецъ Героглифова я засталъ. Встрѣтилъ онъ меня въ совершенно пустой квартирѣ. Какъ я узналъ

впослѣдствіи, всю мебель его продали за долги. Въ большой комнатѣ стоялъ только простой некрашенный кухонный столъ и два еловые табурета. На подоконникахъ лежали рукописи, книги, газеты. На столѣ стояли бутылки пива и два стакана. На табуретахъ у стола сидѣли Гіероглифовъ и довольно полный студентъ въ сюртукѣ съ синимъ воротникомъ и со стеклышкомъ въ глазу на черномъ шнуркѣ. Студентъ читалъ Гіероглифову нараспѣвъ, покачиваясь на табуретѣ, стихи. Это былъ Всеволодъ Владимировичъ Крестовскій, впослѣдствіи авторъ знаменитаго романа «Петербургскія трущобы», извѣстное стихотвореніе котораго «Гитана» тогда было уже напечатано, очень понравилось публикѣ, и его заучивали даже наизусть. Я сказалъ свою фамилію и названіе моего разсказа. Гіероглифовъ, тощій и высокій средннхъ лѣтъ чело-вѣкъ съ бѣлокурыми цвѣта пакли волосами и такой же маленькой бородкой, всталъ съ табурета, направился къ подоконнику и заговорилъ:

— Есть такой разсказъ, есть и будетъ напечатанъ. Разсказъ не блещетъ перлами, но не дуренъ.

Отыскавъ на подоконникѣ мою рукопись, онъ перенесъ ее на столъ и познакомилъ меня съ Крестовскимъ, сказавъ мягкимъ, тихимъ, вялымъ голосомъ:

— Фамилію нашего поэта, я думаю, уже слышали. Нельзя не слышать, если пишете. А вотъ совсѣмъ еще начинающій писатель,— указалъ онъ Крестовскому на меня.—Пива не хотите ли?—спросилъ онъ меня.—Вотъ только сѣсть-то вамъ гдѣ?.. Садитесь на мой табуретъ, а я на подоконникъ сяду.

Я былъ наверху блаженства, узнавъ, что разсказъ мой будетъ напечатанъ, и что я знакомлюсь съ извѣстнымъ поэтомъ В. В. Крестовскимъ. Помню, что Крестовскій сталъ просить у Гіероглифова денегъ, сообщивъ ему, что собирается въ Новую Деревню на «Минерашки», т.-е. въ увеселительный садъ.

— Нищъ я,—отвѣчалъ ему Гіероглифовъ, разводя руками.— Вы знаете, что гонорара сотрудникамъ не выдаю. Это дѣло не моего департамента. А, если хотите, къ Стелловскому могу дать записку рублей на пятнадцать.

И онъ написалъ для Крестовскаго записку къ Стелловскому.

Недѣли черезъ двѣ разсказъ мой былъ напечатанъ въ «Русскомъ Мірѣ», и я получилъ изъ нотнаго магазина Стелловскаго гонораръ по три копейки за строку. Нарочно упоминаю объ этомъ, чтобы показать, какъ ничтожно мало тогда платили за литературныя произведенія начинающимъ авторамъ, да и не однимъ начинающимъ.

Здѣсь кстати сказать объ Александрѣ Степановичѣ Гіероглифовѣ. Онъ печатался въ разныхъ журналахъ, подписываясь своей полной фамиліей, но многіе думали, что Гіероглифовъ—это псевдонимъ.

писателя, въ томъ числѣ и я помню, что при послѣдующей встрѣчѣ съ нимъ даже спросилъ его, какъ его настоящая фамилія, и очень удивился, когда онъ мнѣ объявилъ, что Пьероглифовъ его настоящая фамилія и есть.

Помѣщеніе моего разсказа въ «Русскомъ Мірѣ» послѣ долгой паузы по напечатаніи моего разсказа въ «Петербургскомъ Вѣстникѣ» дало сильный толчокъ моему писательству. Я оставилъ писаніе «Апраксинцевъ» и принялся готовить мелкіе разсказы, ожидая ихъ сбыта въ «Русскомъ Мірѣ», но «Русскій Міръ» вскорѣ прекратился выходомъ и при новомъ издателѣ. Маленькіе журналы тогда возникали, быстро пріостанавливались, переходили изъ рукъ въ руки и также быстро погибали въ новыхъ рукахъ. Издатели почему-то думали, что начать издавать журналъ можно безъ затраты, что подписчики на него тотчасъ такъ и посыплются, и журналъ сейчасъ же будетъ окупать себя, но на дѣлѣ это было не такъ. Стелловскій, наживавшій на нотахъ, сунулся въ журналистику и книгоиздательство и, тотчасъ же потернѣвъ убытки на «Русскомъ Мірѣ», прекратилъ его.

Пришлось искать новый журналъ для помѣщенія моихъ разсказовъ, и вотъ А. (Ф.) Ивановъ, всегда бывшій безсребренникомъ при помѣщеніи своихъ стиховъ, указалъ мнѣ на В. Р. Зотова, издававшего и редактировавшего тогда еженедѣльный журналъ «Иллюстрированный Листокъ», гдѣ онъ время отъ времени помѣщалъ свои стихи. Толстыхъ журналовъ я боялся. Попасть въ нихъ тогда сотрудникомъ казалось мнѣ недостижимымъ для меня. Да, кажется, что и Ивановъ по присущей ему скромности точно такъ же полагалъ относительно своихъ произведеній.

И вотъ мы оба отправились къ В. Р. Зотову, жившему на Литейной, на углу Бассейной въ домѣ Краевскаго. Домъ этотъ въ то время былъ литературнымъ гнѣздомъ. Здѣсь жили, кромѣ домовладѣльца, издателя «Отечественныхъ Записокъ» и газеты «Голосъ», А. А. Краевскаго, издатель «Современника» Н. А. Некрасовъ, его сотрудники-критики: А. Ф. Голвачовъ и Г. З. Елисѣевъ, и наконецъ В. Р. Зотовъ. Зотовъ жилъ въ надворномъ строеніи.

Зотовъ, какъ сейчасъ помню, принялъ насъ въ мѣховомъ на бѣлкахъ сѣромъ халатѣ, хотя мы пришли къ нему въ пріемные часы. У него была какая-то дама съ рукописью въ рукѣ. Она сидѣла въ маленькомъ довольно темномъ кабинетѣ, окна котораго выходили въ стѣну.

Подслѣповатый, близорукій Зотовъ, разговаривая, то и дѣло откидывалъ свои рѣдкіе черные волосы за уши, говорилъ съ какими-то ужимками и пощипывалъ нѣсколько волосковъ на бородѣ, которая у него совсѣмъ не росла. Лицо было худое, сѣро-желтоватое, самъ онъ тщедушенъ. Съ перваго раза онъ мнѣ показался большимъ или изнуреннымъ послѣ тяжелой болѣзни. Костюмъ его тоже

говорилъ за это. Но при послѣдующихъ посѣщеніяхъ его я убѣдился, что у него былъ только такой видъ, да и мѣховой халатъ не сходилъ съ него, когда я заставалъ его дома. Зотовъ всегда пользовался здоровьемъ и умеръ въ глубокой старости.

Когда дама ушла, Зотовъ заговорилъ съ нами. Ивановъ представилъ меня. Зотовъ взялъ отъ меня рукопись. Узнавъ, что я изъ купеческаго званія, и рассказъ мой изъ купеческаго быта, Зотовъ заговорилъ:

— Да-съ... Теперь такіе рассказы желательны-съ... Повѣяло народнымъ духомъ. Прочитаю, и если подходящъ будетъ вашъ рассказецъ, напечатаю, непременно напечатаю. Но напередъ вамъ скажу, что въ данное время журналъ очень стѣсненъ-съ, и гонорара я вамъ заплатить не могу. Потомъ-съ, когда журналъ встанетъ на ноги, съ удовольствіемъ, но теперь не могу. Никто не получаетъ. Вотъ Алексѣй Ѳеодорычъ ужъ знаетъ, -- указалъ онъ на Иванова. — Знаетъ и помѣщаетъ свои стихи ради будущихъ благъ.

Я согласился на его условія.

Впослѣдствіи я узналъ, что Зотовъ дѣйствительно никому не платилъ. Да и сотрудниковъ постороннихъ у него не было. Для «Иллюстрированнаго Листка» онъ писалъ самъ, писали его жена и сынъ. Журналъ, впрочемъ, и просуществовалъ недолго и погибъ. Это былъ маленькій, сѣренькій журнальчикъ, очень скудный иллюстраціями, которыя заготавливались тогда только на деревѣ и стоили очень дорого.

Рассказъ мой появился въ слѣдующемъ же номерѣ. Очевидно, что Зотовъ очень нуждался въ матеріалѣ. Помню, что, невзирая на отказъ въ гонорарѣ, я помѣстилъ въ журнальчикъ Зотова еще небольшой рассказецъ и даже написалъ два-три обзорѣнія петербургской жизни, въ родѣ фельетоновъ. Гонорара отъ Зотова я такъ и не получилъ.

Въ 1862 г. семья наша за скудостью средствъ не выѣзжала на дачу. Отецъ мой, потерявъ все, что имѣлъ, ничего не зарабатывалъ, и мы жили на средства дяди. Отецъ искалъ мѣста, но его никто не бралъ приказчикомъ, какъ бывшаго хозяина, привыкшаго къ самостоятельной жизни, къ тому же неудачника, пожилого человѣка и обремененнаго семьей. О тогдашнемъ взглядѣ на приказчиковъ вообще я уже упоминалъ. Естественно, что меня, молодого человѣка, тянуло на воздухъ, на лоно природы, и наканунѣ праздниковъ я ѣздилъ гостить въ семейство моего двоюроднаго брата, Анопова, съ которымъ я вмѣстѣ служилъ въ кладовой Гоненблуста. Аноповы тогда жили на дачѣ въ Полюстровѣ, около Безбородкинскаго парка. Мѣсто это было тогда очень любимо петербуржцами. До десятка дворовъ съ полусотней деревянныхъ небольшихъ дачъ въ Александровской улицѣ примыкали къ парку и имѣли даже выходъ въ паркъ. Паркъ былъ большой

съ прекрасными липовыми тѣнистыми аллеями, и въ немъ дачники проводили время. Графъ Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко, хотя и жилъ въ тотъ годъ въ своемъ дѣдовскомъ дворцѣ, выходящемъ и на Неву, и въ паркъ, не стѣснялъ дачниковъ, часто приглашалъ военный оркестръ, который игралъ по вечерамъ въ паркѣ передъ дачниками, и любилъ бродить среди нихъ. Любезность его по отношенію къ дачникамъ простиралась до того, что онъ иногда даже высылалъ въ толпу лакеевъ съ подносами блюдецекъ мороженаго и чашекъ шоколада, которые и предлагались дачникамъ. Графъ жилъ широко, проживалъ кучу денегъ, имѣлъ множество прислуги, совершенно не зналъ цѣны деньгамъ, и тогда рассказывали, что управляющій его ставилъ ему въ счетъ по содержанию дома и парка только за однѣ метлы около 5.000 рублей. Выносилось прохладительное питье въ видѣ лимонада, оршада и клюквеннаго морса. Графъ, какъ сейчасъ помню, въ свѣтломъ фланелевомъ костюмѣ и въ мягкой фуражкѣ англійскаго образца, надвинутой на лобъ, всегда показывался въ сопровожденіи своихъ сотрудниковъ. Онъ тогда издавалъ ежемѣсячный журналъ «Русское Слово». Графъ былъ высокій, стройный, холеный человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ небольшою русою бородкою и добрыми голубыми глазами. Двигался онъ всегда усталой походкой. Среди сотрудниковъ, окружавшихъ его, выделялся всегда Л. А. Мей въ красной рубахѣ, высокихъ русскихъ сапогахъ и въ накинутой на плечи однорядкѣ, высокій, красивый, съ черной бородой. Затѣмъ неизмѣннымъ его спутникомъ бывалъ секретарь редакціи, Г. А. Благосвѣтловъ, невзрачный, сутуловатый, съ желтымъ, безбородымъ, тщательно выбритымъ лицомъ, въ золотыхъ очкахъ и въ калабрійской шляпѣ съ широкими полями, а также и Всеволодъ Крестовскій и Н. И. Кроль, который ему приходился родственникомъ по женѣ. Кроль и Благосвѣтловъ даже жили въ домѣ графа, отчего впоследствии, при возникшей журнальной полемикѣ и нападкахъ на Благосвѣтлова, его и упрекали печатно, что онъ спалъ въ графской прихожей на шинеляхъ. Выходилъ графъ съ своими гостями-сотрудниками въ публику всегда подъ вечеръ, послѣ лукулловскихъ обѣдовъ, которыми кормилъ ихъ. Иногда на террасѣ еще продолжались возліянія, и я помню, какъ однажды Л. А. Мей, разгоряченный виномъ, читалъ съ террасы передъ дачниками какое-то свое стихотвореніе со стаканомъ вина въ рукѣ, и Мею восторженно аплодировали.

Въ паркѣ графа Г. А. Кушелева-Безбородка былъ небольшой деревянный театръ, и въ этомъ-то театрѣ въ одно изъ воскресеній былъ любительскій спектакль, въ которомъ игралась поэма А. Н. Майкова «Три Смерти», при чемъ всѣ роли исполнялись писателями, и Сенеку, помню, игралъ самъ авторъ, а раба—Всеволодъ Крестовскій. Спектакль былъ поставленъ съ рѣдкой роскошью.

На писателей въ то время мы, читающая молодежь, да и вообще многіе интеллигентные люди смотрѣли съ благоговѣніемъ, какъ на людей, выдвинувшихся изъ толпы, отмѣченныхъ перстомъ свыше, какъ на полубоговъ. Передъ писателемъ преклонялись, писатель былъ желаннымъ гостемъ въ каждой интеллигентной семьѣ, не исключая и аристократическихъ, хотя бы онъ былъ угловатъ, со странностями. Даже эти-то его угловатости и странности иногда и нравились въ немъ. Я говорю о началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда все перерождалось, и явился у всѣхъ подъемъ духа. Естественно, что примѣръ былъ заразителенъ, спектакль съ писателями далъ толчекъ и дачной молодежи, и вотъ я, мои двоюродные братья и проживавшіе вмѣстѣ съ моими двоюродными братьями на дачѣ студенты-технологи задумали также устроить спектакль въ этомъ театрѣ. Разрѣшеніе графомъ на театръ было дано, мы подали на высочайшее имя прошеніе объ устройствѣ спектакля (это тогда было непремѣнное условіе, потому что существовала монополія императорскихъ театровъ), и спектакль былъ разрѣшенъ. Устроили мы его съ благотворительной цѣлью. Были поставлены: «Не сошлись характерами» Островскаго и водевилъ «Что имѣемъ, не хранимъ», и я игралъ въ пьесѣ Островскаго роль купца Толстого-раздова, а роль купчихи, моей жены, художникъ-фотографъ Е. И. Берестовъ, человекъ маленькаго роста, имѣвшій чуть ли не первую по открытію фотографію вмѣстѣ съ художникомъ Н. Н. Щетиннымъ, знаменитымъ мозаистомъ, сдѣлавшимъ нѣсколько иконъ для Исакиевскаго собора. Это былъ мой первый выходъ на сцену. Берестовъ сыгралъ роль забитой купчихи прекрасно. Впослѣдствіи онъ вообще игралъ только такія роли.

Въ описываемый мной годъ публичные спектакли любителей только зарождались. Писатели участвовали въ нихъ зачастую, и зимой въ театрѣ Пассажа былъ поставленъ «Ревизоръ» Гоголя, гдѣ всѣ роли играли писатели, и даже въ толпѣ купцовъ, подносившихъ Хлестакову хлѣбъ-соль, исполняли безсловесныя роли Тургеневъ и Краевскій. Спектакль былъ устроенъ съ благотворительной цѣлью. Билеты на спектакль брались съ боя.

Вообще въ этотъ годъ (1862) нарождались въ Петербургѣ всѣ частныя зрѣлища, публичныя лекціи и диспуты, которыхъ раньше не было. Да и негдѣ было ихъ устраивать. А къ этому времени откупщикъ Руадзе выстроилъ великолѣпный домъ съ громаднымъ заломъ на Мойкѣ, архитекторъ Реймерсъ построилъ первый частный театръ въ Измайловскомъ полку.

Въ этомъ театрѣ я и мои двоюродные братья зимой также устроили спектакль, въ которомъ игралъ я.

На ряду съ просвѣтительными развлеченіями открываются и многочисленные танцклассы въ городѣ и за городомъ, съ бѣшеннымъ канканомъ, съ наемными специалистами по части канкана (Фокинъ,

Катка Ригольботъ), возникаютъ первые кафе-шантаны. Танц-классы даже покровительствуются полиціей въ видахъ сыска. Разсказывали, что даже сами сыщики открывали танцклассы. Сыщики были даже среди дамъ легкаго поведенія, наполнявшихъ танцклассы. Молодежь все это знала и все-таки наполняла танцклассы. Нѣкоторыя дамы эти, или камеліи, какъ ихъ тогда принято было называть печатно, иногда поражали своими разговорами о Некрасовѣ, Щедринѣ, Добролюбовѣ, Чернышевскомѣ, Аполлонѣ Майковѣ и называли ихъ произведенія. Иногда цитировали стихи извѣстныхъ поэтовъ и въ особенности изъ «Гитаны» Всеволода Крестовскаго:

«Не кори меня въ развратѣ,
«Но цѣлуй звончѣй, звончѣй!
«Поздно думать объ уtratѣ
«Презнихъ отроческихъ дней».

Знали онѣ наизусть и куплеты Беранже въ переводѣ В. С. Курочкина, произносили строчки изъ стихотвореній М. П. Розенгейма, говорили о женской эмансипаціи. Молодежи это нравилось, и она увлекалась ими.

1862-й годъ былъ обилень громадными пожарами. Петербургъ горѣлъ каждый день. Приписывали ихъ поджогамъ. Простой народъ говорилъ, что это—поляки. На поляковъ тогда валились всѣ невзгоды. Въ маѣ мѣсяцѣ, въ Духовъ день, былъ ужасающій пожаръ двухъ рынковъ. Сгорѣли Апраксинъ и Щукинъ дворы съ тысячами лавокъ. Горѣло нѣсколько дней подъ рядъ. Пожарная команда и войска безсильны были остановить пожаръ. Кромѣ рынковъ, сгорѣли торговыя заведенія въ домѣ Пажескаго корпуса, въ Чернышевомъ переулкѣ отъ Садовой до площади, сгорѣло зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ у Чернышева моста. Огонь перекинуло черезъ Фонтанку, горѣли барки на Фонтанкѣ съ вынесенными изъ рынковъ въ началѣ пожара товарами, пылали костры съ привезенными изъ рынка товарами даже на углу Щербакова переулка, на дворѣ государственнаго банка на Садовой горѣлъ вынесенный изъ рынковъ товаръ, и угрожала опасность загорѣться даже самому банку. Горѣли лавки въ Мучномъ переулкѣ. Въ народѣ была неописуемая паника. Были и народныя звѣрскія расправы съ будто бы словленными поджигателями. Пожаръ на всѣхъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Онъ разорилъ тысячи торговцевъ.

Я помню этотъ пожаръ. Начался онъ въ Духовъ день, подъ вечеръ. Когда загорѣлось, то добрая половина хозяевъ-рыночниковъ была на гулянь въ Лѣтнемъ саду, гдѣ въ тѣ времена ежегодно устраивалось гулянье въ Духовъ день съ нѣсколькими оркестрами военной музыки. Гулянье это тогда въ просторѣчьи звалось смотромъ купеческихъ певѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ низшее

и среднее купечество вывозило и выводило на гулянье въ Лѣтній садъ невѣсты—дочерей, племянницъ, въ лѣтнихъ модныхъ обновкахъ. Расфранченные женихи изъ купечества стояли шпалерами по бокамъ главной аллеи сада и смотрѣли на цѣлый потокъ двигавшихся по аллеѣ купеческихъ невѣстъ. Да двигались въ этомъ потокѣ невѣсты и не изъ однѣхъ купеческихъ семей, а и изъ чиновничьихъ. Мелкое чиновничество жило почти той же жизнью, что и купцы. Стояли въ шеренгахъ и женихи-чиновники. Свахи, которыхъ тогда было въ Петербургѣ множество, шныряли отъ жениховъ къ невѣстамъ и обратно, и сообщали о приданомъ невѣстъ, о положеніи жениховъ. Островскій съ фотографической точностью въ своихъ пьесахъ изобразилъ бытъ и сватовство и этого купечества и этого чиновничества, хотя и писалъ изъ московскихъ и провинціальныхъ нравовъ, а Петербургъ того времени очень мало въ этой жизни разнился отъ Москвы и провинціи.

Гулянье въ этотъ день въ Лѣтнемъ саду было особенно многолюдно. Я былъ на немъ. Погода была прекрасная, солнечная, жаркая. На аллеяхъ было тѣсно. Двигались буквально плечо въ плечо. Вдругъ въ самый разгаръ гулянья пришло извѣстіе, что Апраксинъ дворъ горитъ, лавки горятъ. Трудно описать, какая свалка произошла въ это время въ Лѣтнемъ саду. Пожары тогда были повальные и не ограничивались малыми жертвами. Передъ этимъ пожаромъ только что выгорѣла треть улицъ въ Семеновскомъ полку, которая тогда такъ же звалась ротами, какъ нынѣ въ Измайловскомъ полку, былъ громадный пожаръ на Пескахъ, уничтожена половина построекъ на Черной рѣчкѣ. «Рынокъ горитъ! Апраксинъ горитъ!»—повторялось повсюду, и одни бросились къ выходамъ изъ сада, другіе къ Лебяжьему каналу, какъ къ открытому мѣсту, чтобы посмотреть на дымъ, который валилъ тремя столбами, ибо загорѣлось сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Бѣжавшіе сшибали другъ друга съ ногъ, перескакивали черезъ нихъ, сами падали, давили другъ друга. Тѣ, которые старались подняться, ухватывались за чужую одежду, рвали ее. Раздавались стоны, крики, вопли. Многія женщины лежали въ обморокѣ. Я находился во время извѣстія о пожарѣ съ моимъ двоюроднымъ братомъ на аллеѣ на берегу Лебяжьего канала. Въ неогражденный ничѣмъ каналъ съ крутыми берегами напиравшая толпа стала сталкивать публику. Люди скатывались по крутому берегу. Мой двоюродный братъ полетѣлъ въ воду однимъ изъ первыхъ. Къ счастью, что вода была не глубока. Упавшіе поднимались и ходили въ водѣ по поясъ, перебираясь на противоположный берегъ къ Царицыну лугу. Я какимъ-то чудомъ удержался на берегу и, ужъ спустя добрыхъ полъ-часа, вышелъ въ ворота къ Инженерному замку. Помню, что на аллеяхъ сада продолжали еще лежать женщины. Около нихъ суетились мужчины, приводя ихъ въ чувство. Разсказывали, что во время па-

ники и свалки появились злоумышленники, которые срывали часы, брильянтовые украшенія съ купеческихъ дамъ, браслеты, рвали даже серьги изъ ушей. Помню, полиціи, которой тогда было вообще мало, совсѣмъ отсутствовала. Очень можетъ быть, что она вся бросилась на пожаръ. Извозчиковъ у выхода сада не было никакихъ, да и на Фонтанкѣ, по которой я шелъ, направляясь къ себѣ домой на Владимирскую. Ихъ всѣхъ расхватили. Помню бѣгущихъ раскраснѣвшихся дамъ и дѣвицъ въ помятыхъ разорванныхъ нарядахъ. Нѣкоторыхъ женщинъ вели мужчины въ исковерканныхъ шляпахъ, цилиндрахъ. И на Невскомъ не было извозчиковъ. Оказалось, что они всѣ бросились къ горѣвшему рынку, чтобы вывозить изъ огня товаръ. Потомъ говорили, что извозчики брали по три и по пяти рублей за конецъ. На Фонтанкѣ, близъ Аничкина моста, уже увидѣлъ перевозчицкіе ялики и ялботы, везущіе грузы вытасценнаго изъ горѣвшихъ лавокъ товара. Столбы дыма, носившагося надъ рынкомъ, уже слились. Леталъ пепелъ крупными хлопьями отъ горѣвшаго товара и черными пятнами покрывалъ тротуаръ и улицу. На углу Графскаго переулка, сворачивая къ себѣ на Владимирскую, я увидѣлъ барки съ дровами, а сверху дровъ были набросаны куски товаровъ, готовое платье, шубы. Барки волокли канатами по направленію къ Аничкину мосту. Тутъ же я услышалъ страшный взрывъ, и густой столпъ чернаго дыма высоко взвился въ воздухъ, выдѣляясь отъ общаго дыма. Это взорвало порохъ: въ Апраксиномъ рынокѣ вмѣстѣ съ оружіемъ торговали и порохомъ. Когда я явился домой, на дворѣ разгружались двѣ четырехмѣстныя кареты, привезшія съ пожара ситцы, шелковую и шерстяную матеріи, куски полотна. Въ нашемъ домѣ жилъ рыночный торговецъ Петровъ, и это былъ его товаръ. Даже на крышахъ каретъ были привязаны куски товара.

Когда я явился домой, обо мнѣ страшно беспокоились. Мать плакала. Хотя и довольно далеко мы жили отъ горѣвшаго рынка, но на открытомъ окнѣ, обращенномъ къ пожару, мать выставила образъ Неопалимой купины. Хлопья пепла горѣвшей матеріи, впрочемъ, летѣли и къ намъ на дворъ, наносимые вѣтромъ. Домой къ намъ кто-то принесъ извѣстіе, что на улицахъ около горѣвшихъ рынковъ, кромѣ того, бунтъ, что ужъ даже стрѣляютъ изъ пушекъ. Прислуга на всякій случай связывала въ узлы свои пожитки, приготавливаясь съ ними бѣжать. Дядя Василій отправился въ Гостиный дворъ охранять кладовую. Велѣно было и мнѣ итти туда же, какъ служащему, но мать не пускала. Я ушелъ, невзирая на всѣ ея просьбы. Путь я избралъ ближайшій по Графскому, Троицкому Чернышеву переулкамъ, но по Чернышеву дойти можно было только до моста, и то лавируя мимо грудъ всевозможныхъ товаровъ. Навстрѣчу мнѣ бѣжали ларьковые торговцы и торговки, съ головы до ногъ нагруженные товарами изъ своихъ ларьковъ. Женщины при

Этомъ плакали и вопили: «бѣда! погибаемъ!» У моста стоялъ взводъ солдатъ, и черезъ мостъ никого не пускали. Въ домахъ у моста на окнахъ вездѣ видѣлись иконы. Мнѣ хотѣлось пробраться на уголъ Садовой и Чернышева къ лавкѣ А. О. Иванова, дабы узнать, въ какомъ положеніи находится онъ, но пришлось повернуть по Фонтанкѣ къ Невскому. На мѣстѣ рынка за мостомъ среди дыма видѣлись сотни огненныхъ языковъ, но огонь еще не перекинуло черезъ Фонтанку, не горѣло еще и зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ. На набережной Фонтанки вплоть до Графскаго переулка лежалъ въ грудахъ и валялся утерянный товаръ. Я хотѣлъ переѣхать отъ Графскаго переулка къ существовавшему тогда Толмазову переулку, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находятся хозяйственныя постройки Аничкова дворца, но перевоза уже не было. Каменные спуски и деревянные плоты съ обѣихъ сторонъ были завалены товаромъ, привезеннымъ на лодкахъ. Я направился къ Невскому проспекту. По Невскому дилижансы Щапина, ходившіе отъ Гостиного двора въ Лѣсной и въ Новую деревню, также везли товаръ, направляясь къ Литейной.

Вотъ и Гостиный дворъ. По случаю Духова дня половина торговцевъ не отворяли лавокъ, а кто отворялъ ихъ, тѣ, какъ только начался пожаръ въ Апраксиномъ дворѣ, сейчасъ же заперли свои лавки. Но всѣ торговцы были въ сборѣ, стояли на галлереяхъ около запертыхъ лавокъ вмѣстѣ съ своими приказчиками и гостинодворскими сторожами и охраняли, боясь, что можетъ загорѣться и Гостиный дворъ. Рассказывали ужасы. Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что это—поджогъ, такъ какъ загорѣлось сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что подожгли поляки, говорили, что поймали даже кого-то съ бутылкой жидкости, которой онъ брызгалъ на деревянный заборъ лѣснаго склада на Фонтанкѣ, говорили, что въ Апраксиномъ переулкѣ разбиты кабаки, что и подтверждалось тѣмъ, что вечеромъ на Садовой было много пьяныхъ. Да пьяныхъ и вообще по случаю праздника было много.

Спустилась майская сѣрая ночь, а пожаръ не только не прекращался, но свирѣпствовалъ еще съ большей силой. Потухая въ одномъ мѣстѣ, огонь шелъ дальше и захватывалъ новую пищу. Громадное зарево висѣло надъ всѣмъ городомъ. Горѣло ужъ то, что было вытащено и вывезено на улицы. Пожарные выбились изъ силъ и отступали, уступая на жертву огню захваченныя и не захваченныя еще имъ постройки. Да и не вездѣ можно было приступить. Два горѣвшіе рынка представляли собою лабиринтъ лавокъ, лавченокъ и ларьковъ. Проѣзды были такъ узки, что бочки и пожарные насосы не могли въѣхать въ лабиринтъ, да было это и опасно. Огонь быстро окружалъ со всѣхъ сторонъ негорѣвшія еще площадки. Были случаи, когда приходилось бросать на жертву ввезенные пожарные инструменты и только самымъ

спасаться и спасать лошадей. Гостинодворы остались ночевать у своихъ лавокъ. Нѣкоторые вошли въ свои торговьи заведенія и разлеглись на прилавкахъ. Дядя и я ушли ночевать домой, оставивъ артельщиковъ у запертыхъ кладовыхъ на караулѣ.

На другой день пожаръ продолжался, продолжался онъ и на третій день и догоралъ цѣлую недѣлю. На улицахъ, прилегающихъ къ пожарищу, стояла цѣпь солдатъ, ѣздили конные патрульные казаки. Торговцы отыскивали и разбирали на улицахъ свой товаръ, который не успѣлъ сгорѣть. Все, что было вынесено изъ каменныхъ корпусовъ на Садовую улицу въ предѣлахъ отъ Апраксина до Чернышева переулка, сгорѣло. Огонь былъ настолько силенъ, что желѣзная рѣшетка государственнаго банка на Садовой согнулась, а каменный цоколь далъ трещины и обсыпался. Испорчена была вся набережная на Фонтанкѣ противъ рынковъ, а булыжная мостовая, накалившаяся и поливаемая водой, превратилась въ дресву. На площади у Чернышева моста лежали груды дѣлъ, выброшенныхъ изъ оконъ обгорѣвшаго дома министерства внутреннихъ дѣлъ. На той сторонѣ Фонтанки выгорѣлъ лѣсной дворъ и прилегающее къ нему большое каменное зданіе. Много товару было въ дворахъ полицейскихъ зданій. Квартальные, производя допросы, возвращали торговцамъ товаръ. Они же были посредниками при дѣлежѣ товара съ улицъ. Доказать, что дѣйствительно свое, что чужое, было трудно. Еще труднѣе было это рѣшить постороннему человѣку, хотя бы и полицейскому. Двѣ трети торговцевъ потеряли все, что имѣли, но были и такіе ловкіе, которые захватили послѣ пожара то, чего у нихъ и на половину не было. Разумѣется, такихъ было немного. Ничего не успѣли спасти посудники, мебельщики, бакалейщики, книжники, торговцы металлическими издѣліями. Впрочемъ торговцы мѣдной посудой, когда пожаръ окончательно потухъ, отрывали кое-что изъ своего товара въ угольяхъ и пеплѣ, но металлъ былъ въ слиткахъ. Огонь до того былъ силенъ, что расплавилъ металлическія издѣлія. Расплавилась даже мѣдные золоченные кресты часовенъ, находившихся внутри рынковъ. Нѣкоторыя большія иконы отъ вѣздовъ въ рынки были спасены и еще на третій и четвертый день послѣ пожара стояли на тротуарѣ на Чернышевой площади, прислоненныя къ стѣнѣ дома, рядомъ съ строеніями театральной дирекціи.

А сколько драгоценныхъ старинныхъ рѣдкихъ книгъ погибло у рыночныхъ букинистовъ! Были въ рынкѣ торговцы старинными рѣдкими книгами, какъ, на примѣръ, Оедоровъ, которые нѣкоторыми экземплярами въ своихъ книгохранилищахъ могли похвастаться передъ казенными бібліотеками. Какая масса была тамъ рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ, столь цѣнныхъ нашими старообрядцами, и погибла притомъ, сдѣлавшись жертвою огня! Погибла и добрая половина старинныхъ книгъ склада Терскаго въ Чернышевомъ переулкѣ. Такъ какъ

Чернышевъ переулочъ сталъ горѣть во второй день пожара, и его все еще надѣялись отстоять, то нѣкоторыя книги были перенесены во дворъ Пажескаго корпуса, но и тамъ при переноскѣ онѣ были растеряны, многотомныя сочиненія разрознены. Терскаго приказчикъ В. И. Рыкушинъ былъ ушибленъ пожарными и лежалъ больной. Сгорѣла суконная лавка поэта А. Ѳ. Иванова (Классика) въ Чернышевомъ переулкѣ; кое-какой суконный товаръ успѣли спасти, вынеся его тоже на дворъ Пажескаго корпуса, но спасеннаго было немного, да и это немного подверглось ресхищенію во время переноски. Поэтъ-безсребренникъ, однако, не упалъ духомъ въ конецъ и написалъ нѣсколько стихотвореній по поводу этого небывалаго въ лѣтописяхъ Петербурга пожара.

Товара сгорѣло на многіе миллионы. Образовавшійся послѣ пожара комитетъ собиралъ свѣдѣнія, старался подвести настоящую цифру потерь, но, кажется, такъ и не смогъ. Официально ничего опубликовано не было. Застраховано не было и сотой доли. Страховыя общества не принимали на страхъ товаръ въ лабиринтахъ деревянныхъ лавочъ внутри Апраксина и Щукина дворовъ. Почти всѣ погорѣвшіе торговцы были разорены. Былъ крупный торговецъ, В. К. Вантуринъ, имѣвшій нѣсколько лавочъ, у котораго однихъ ситцевъ погибло болѣе, чѣмъ на полмилліона. Говорили, что болѣе чѣмъ на такую же сумму сгорѣло у крупнаго торговца галантерейными товарами, Аверьянова. На огромную сумму сгорѣло шелковаго товара у Коровина, фирма котораго существуетъ и понынѣ. Я зналъ ихъ, потому что контора Боненблуста вела съ ними дѣла.

Весь рынокъ пересталъ платить по торговымъ обязательствамъ. Векселя протестовались, но ни у кого изъ кредиторовъ, дѣлавшихъ съ погорѣвшими торговцами дѣла, не хватало на первое время духа подавать векселя ко взысканію. Напротивъ, торговцы, оптовики, въ особенности иностранцы, измышляли средства какъ нибудь скорѣе прійти на помощь къ погорѣвшимъ своимъ кліентамъ, соглашались взять по стольку копеекъ за рубль долга, по сколько тѣ предлагали, и сулили имъ дальнѣйшій кредитъ товаромъ, только бы тѣ скорѣе открывали гдѣ нибудь торговлю. Вѣдь въ Петербургѣ въ этотъ пожаръ погорѣло болѣе половины петербургскихъ торговцевъ. Кому же было продавать кладовщикамъ-оптовикамъ, если бы они поступили иначе? Первое время послѣ пожара почти не было несостоятельности торговцевъ-погорѣльцевъ, объявленныхъ черезъ коммерческій судъ.

И вотъ погорѣвшіе торговцы, ободренные своими кредиторами, стали открывать лавки въ домахъ, строить временныя торговые балаганы на Семеновскомъ плацу.

На не расчищенныхъ еще отъ мелкаго угля пепелищахъ рынковъ также начали строить шалаши для торговли. Первыми за-

торговали торговки старымъ платьемъ, торговки-еврейки въ шелковыхъ парикахъ, затѣмъ лоскутники, и мало-по-малу образовался такъ называемый «развалъ». Къ развалу примкнули мелкіе бакалейщики и торговцы фруктами, башмачники и сапожники, и ужъ послѣ нихъ стали возникать шалаши съ суровскими, и галантерейными товарами. Помню, что экономные люди сейчасъ же пошли къ нимъ покупать за безцѣнокъ обгорѣлые и залитые водой каленкоръ, ситцы и другія матеріи. А вокругъ шли раскопки въ пеплѣ. Вынимали слившійся металлъ, монеты.

Собирались пожертвованія для погорѣльцевъ, устраивались въ пользу ихъ гулянья, зимой музыкальные и литературные вечера, спектакли, но все это дало въ послѣдствіи пустяки. Погорѣльцевъ въ ихъ временныхъ шалашахъ посѣтилъ государь Александръ II, принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль, говорилъ рѣчь со словами утѣшенія и повелѣлъ образовать комитетъ для постройки каменнаго рынка на мѣстѣ Ицкина двора, гдѣ каждый погорѣвшій торговецъ могъ подъ постройку лавки занять то мѣсто, на которомъ онъ торговалъ до пожара. Въ послѣдствіи это опредѣленіе мѣсть, гдѣ кто торговалъ, повело къ великимъ спорамъ и раздорамъ среди торговцевъ. Да и комитетъ по постройкѣ упрекали въ халатности расходованія суммъ по постройкѣ. А. Ѳ. Ивановъ и я обличали въ 1863 г. комитетъ этотъ въ «Искрѣ» въ написанныхъ нами сообщая замѣткахъ въ формѣ фельетона, гдѣ проза принадлежала мнѣ, а стихи Иванову. Не помню—почему, но мы набрасывались и на купола, существующіе и понынѣ надъ зданіемъ рынка, и Ивановъ восклицалъ въ стихахъ про комитетъ:

«Сломивъ гордыню вѣроломства,
«Сокрывъ отчетомъ бездну зла,
«На память вѣчному потомству
«Воздвигли эти купола».

IX.

Въ 1863 г. моей семьѣ, а слѣдовательно и мнѣ, такъ какъ я не выѣзжалъ изъ нея, жилось лучше. Отецъ мой, какъ купецъ стариннаго рода и не менѣе старинный бывший гостинодворъ, получилъ отъ общества торговцевъ Гостиного двора мѣсто старосты или смотрителя двора съ жалованьемъ 100 р. въ мѣсяцъ. Я былъ повышенъ, получалъ отъ Боненбюста 25 р. въ мѣсяцъ и къ Новому году былъ награжденъ пятьюдесятью рублями. Кромѣ того, я сталъ зарабатывать кое-что и литературнымъ трудомъ. Въ Купеческомъ клубѣ, о которомъ я упоминалъ, и гдѣ отецъ и дядя мои были выбраны старшинами, я познакомился съ поэтомъ, полковникомъ М. П. Розенгеймомъ, обличавшимъ тогда откупа въ очень бойкихъ стихахъ, и далъ ему разсказъ для «Занозы». Разсказъ

былъ напечатанъ безъ подписи моеѣ фамилии, такъ какъ тогда въ этомъ юмористическомъ журналѣ вся проза и всѣ стихи помѣщались безъ подписей. Сдѣлано это было, какъ тогда говорили, потому, что въ «Занозѣ» и въ «Гудкѣ», тоже юмористическомъ журналѣ, издававшемся (телловскимъ, были одни и тѣ же сотрудники, писавшіе на однѣ и тѣ же злобы дня въ обоихъ журналахъ. Дабы не было у публики сравненія, гдѣ одинъ и тотъ же авторъ откликнулся удачнѣе, и было принято помѣщать статьи безъ подписей. Кромѣ того, къ редакціи «Занозы» примкнули и такіе поэты и прозаики, которыхъ принято было громить въ либеральной печати при появленіи ихъ статей за ихъ подписями. Такъ тогда рассказывали. Самъ я въ редакціи «Занозы» никогда не бывалъ и помѣстилъ въ этомъ журналѣ всего только одинъ рассказъ. «Заноза», во главѣ которой стоялъ Розенгеймъ, существовала недолго. Она пробовала конкурировать съ «Гудкомъ» и «Искрой», пережила «Гудокъ» и погибла сама.

Здѣсь кстати сказать о «Гудкѣ», которому была запрещена виньетка въ заголовкѣ, съ которой онъ выходилъ вначалѣ. Виньетка эта изображала толпу, состоявшую изъ множества лицъ разныхъ классовъ общества. Говорили, что все это—портреты разныхъ дѣятелей того времени. Между прочими фигурами былъ изображенъ бородатый мужчина въ шляпѣ-цилиндрѣ и длинномъ по тогдашней модѣ пальто съ широкими рукавами, идущій подъ руку съ дамою въ широчайшемъ кринолинѣ. Такъ эта виньетка и выходила въ заголовкѣ номера, и цензура, неохотно разрѣшившая ее, на нее больше ужъ вниманія не обращала. Но вдругъ у бородатаго мужчины на виньеткѣ съ цилиндра исчезли поля, и на головѣ отросли волосы, и образовалась фигура духовнаго лица. Въ такомъ видѣ виньетка по недосмотру цензуры появилась на двухъ-трехъ номерахъ, но публика замѣтила. Начались толки. Номера журнала переходили изъ рукъ въ руки, перепродавались за большіе деньги. Въ цензурѣ произошелъ переполохъ, Цензоръ, кажется, слетѣлъ съ мѣста или былъ куда-то переведенъ. Журналъ хотѣли совсѣмъ запретить. Онъ не выходилъ двѣ недѣли, но потомъ по чьему-то ходатайству появился, но ужъ безъ виньетки.

Въ шестидесятыхъ годахъ такіе случаи были не въ одномъ «Гудкѣ», научали цензоровъ разсматривать мелкіе рисунки въ лупу, но и при лупѣ, случалось, прозѣвывали то, что по цензурнымъ обычаямъ слѣдовало бы закрестить красными чернилами. И въ концѣ концовъ болѣе осторожные цензора, сомнѣваясь въ самомъ себѣ, начали закрепщивать все, что имъ казалось мало-мальски подозрительнымъ. И въ статьяхъ иногда отыскивали какой-то особый смыслъ между строкъ, котораго иногда вовсе не было, а статья невиннѣйшая погибала къ немалому изумленію автора и редактора.

Въ томъ же году я помѣстилъ мой первый разсказъ въ «Искрѣ». Къ В. С. Курочкину привелъ меня опять таки А. Θ. Ивановъ, съ которымъ онъ былъ уже знакомъ и помѣщалъ въ «Искрѣ» свои стихи. Было это въ воскресенье, въ пріемные часы у Курочкина для сотрудниковъ. Курочкинъ тогда жилъ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Максимовича, второмъ домѣ отъ угла Литейной, противъ существовавшей и тогда гостиницы «Москва». Квартиру онъ занималъ налицо въ верхнемъ этажѣ. Лѣстница была по-тогдашнему роскошная, съ ковромъ и уставлена растеніями, и на стѣнахъ висѣли даже картины библейскаго содержанія. Признаюсь, не безъ нѣкотораго трепета взбирался я по этой лѣстницѣ. Курочкинъ былъ тогда въ славѣ. Его переводъ пѣсенъ Беранже разошелся въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Книжка встрѣчалась повсюду, отъ модной гостины до молодцовской комнаты апраксинскихъ приказчиковъ, читалась и въ солидныхъ купеческихъ семьяхъ и даже среди погибшихъ, но милыхъ созданій, какъ тогда назывались въ литературѣ жертвы общественнаго темперамента. «Искра» Курочкина была единственнымъ популярнымъ журналомъ, и главное такимъ журналомъ, который читали и друзья, и враги.

Въ прихожей, когда мы вошли, я слышалъ уже громкій говоръ многихъ голосовъ. Оказалось, что это завтракали у Курочкина сотрудники «Искры». Въ гостиной, гдѣ, впрочемъ, стоялъ письменный столъ, насъ принялъ секретарь редакціи, А. Боргелли, черный длинноволосый, бородатый человекъ средняго роста, рисовальщикъ-карикатуристъ, подписывавшійся подъ рисунками Аполлономъ Б. Я передалъ ему разсказъ, Ивановъ—стихи. Курочкина мы въ этотъ визитъ не видали, что меня очень опечалило. Я рассчитывалъ видѣть знаменитаго писателя и познакомиться съ нимъ и не видѣлъ. Когда мы уходили изъ редакціи, Ивановъ сказалъ мнѣ:

— Пирушка сегодня у Курочкина. Почти каждое воскресенье бываетъ. Надо раньше приходить, чтобъ видѣть Курочкина, но мы опоздали.

Черезъ двѣ недѣли разсказъ былъ напечатанъ въ «Искрѣ». Я торжествовалъ, въ ближайшее же воскресенье опять отправился къ Курочкину и понесъ ему второй мой разсказъ. На этотъ разъ мнѣ не только удалось видѣть В. С. Курочкина, но даже попасть и на пирушку его, на которую онъ меня пригласилъ.

— Очень, очень недуренъ разсказецъ,—проговорилъ Курочкинъ, картавя, когда я назвалъ свою фамилію.—Вашъ разсказъ похвалилъ даже Елисеѣвъ, а онъ рѣдко что хвалить. Знаете Елисеѣва? Читали его статьи? Я думаю, нѣтъ. Вѣдь вы—изъ купцовъ? Ивановъ мнѣ говорилъ, что вы—изъ купцовъ. А купцы рѣдко выносятъ Елисеѣва. Онъ для нихъ тяжелъ, не по нутру. Впрочемъ, можетъ быть, вы другого сорта. А? другого сорта?

Я былъ смущенъ и ничего не отвѣтилъ. Курочкинъ смотрѣлъ на меня своими ясными и добрыми глазами, то откидывая за уши свои длинные черные волосы, то поглаживая свою густую черную бороду.

— Ну-съ, присаживайтесь, курите, знакомьтесь... весело прибавилъ онъ, указывая на пять-шесть человѣкъ, сидѣвшихъ и стоявшихъ въ гостиной и разговаривавшихъ другъ съ другомъ.—Вотъ семья «Искры»! Господа! Новый сотрудникъ журнала—Лейкинъ, пріятель Иванова, тоже изъ купцовъ.

Мы познакомились. Мы протянули руки, называя свои фамилии. Тутъ были Жулевъ, съ которымъ я уже раньше встрѣчался у букиниста Терскаго, М. М. Стопановскій, Д. Д. Минаевъ, карикатуристъ Н. В. Іевлевъ, В. И. Богдановъ (Власъ Точечкинъ), Боргелли, В. В. Толбинъ—бывшій фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» и авторъ повѣсти «Любенька», и еще кто-то. Я не помню, что писалъ Толбинъ въ «Искрѣ», но у Курочкина я его впоследствии встрѣчалъ часто. Присутствовалъ онъ на пирушкахъ Курочкина, гдѣ его въ шутку называли «виночерпиемъ». Онъ былъ старше всѣхъ бывшихъ въ тотъ день въ редакціи. Ему на видъ было около пятидесяти лѣтъ. Онъ былъ въ усахъ, съ сильно помятымъ лицомъ, съ сѣдиной въ головѣ, по виду и осанкѣ онъ напоминалъ отставного кавалериста. Меня онъ поразилъ своимъ моднымъ, пестрымъ, но неряшливымъ костюмомъ. Когда-то онъ, какъ рассказывали, былъ первымъ петербургскимъ франтомъ. Остальные присутствующіе были молодые люди. Неряшливо былъ одѣтъ и карикатуристъ Іевлевъ. Это былъ совсѣмъ алкоголикъ, съ трясущимися руками, худой, съ блѣднымъ матовымъ лицомъ и маленькой русой бородкой. Онъ сильно кашлялъ. Стопановскій и Жулевъ отличались франтовствомъ. Наружность Жулева я уже описывалъ выше. Стопановскому, который велъ въ «Искрѣ» знаменитый обличительный отдѣлъ «Намъ пишутъ», державшій въ трепетѣ всю провинцію, было тогда лѣтъ тридцать. Это былъ худой высокій человѣкъ съ маленькой черненькой бородкой. Минаевъ былъ полонъ, лысоватъ, въ очкахъ, говорилъ, посапывая носомъ. Поэтъ В. Н. Богдановъ, подписывавшійся подъ стихами Власомъ Точечкинымъ, былъ въ формѣ флотскаго врача, высокаго роста, въ очкахъ и носилъ усы. Вотъ портреты сотрудниковъ «Искры», которыхъ мы въ тотъ день пришлось встрѣтить впервые.

Постороннихъ приходило въ пріемные часы редактора немного. Объяснялся съ ними самъ Курочкинъ. Отъ однихъ онъ принималъ рукописи, другимъ возвращалъ. Обличительныя статьи онъ сейчасъ же передавалъ Стопановскому. Помню, что одинъ сѣдовласый старецъ, статья котораго была передана Стопановскому, схватилъ его за обѣ руки и, потрясая, восклицалъ въ восторгѣ:

— Вы—Стопановскій? Михайлъ Михайлычъ? Гроза нашей провинціи? Вотъ привелъ Богъ свидѣться! Очень радъ, душевно радъ! Въ одинъ день и самого Курочкина видѣлъ и знаменитаго Стопановскаго. Жаль только, рассказывать-то объ этомъ у насъ нельзя, когда вернусь къ себѣ въ волчью нору. Со свѣта сживутъ, если узнаютъ, съѣдятъ, проглотятъ! Такъ уже вы, пожалуйста, если что изъ моей рукописочки возьмете, чтобъ относительно меня ничего не было извѣстно. Вѣдь даже дѣтямъ мстить будутъ, если узнаютъ.

Эта сцена осталась у меня въ памяти, и я воспроизвожу ее приблизительно тѣми же словами.

Стопановскій успокоивалъ корреспондента, что все останется въ тайнѣ.

И при дальнѣйшемъ моемъ знакомствѣ съ редакціей «Искры» я помню, что корреспондентовъ и намеками не выдавали, хотя бывали попытки къ ихъ разоблаченію. Курочкинъ все принималъ на себя. Сообщалось многое ему для обличенія и устно. Сообщали иногда лица, занимающія видные посты на службѣ. У него было много враговъ, онъ получалъ множество ругательныхъ писемъ, но въ каждомъ вѣдомствѣ и учрежденіи были и друзья, люди новаго вѣянія, доводившіе до свѣдѣнія его о разныхъ злоупотребленіяхъ и безобразіяхъ. Этимъ объясняется та отзывчивость «Искры», то, что обличительныя стрѣлы ея язвили повсюду. Часто въ замаскированной формѣ обличались такіе безобразія, которыя, какъ казалось виновникамъ ихъ, происходили въ четырехъ стѣнахъ. Но въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ» всегда все сообщали въ замаскированной формѣ, не называя ни настоящій фамиліи и обличаемаго лица, ни мѣстности, гдѣ злоупотребленіе или безобразіе происходило, хотя такъ искусно, что обличаемый сейчасъ былъ узнаваемъ. Города и губерніи имѣли свои прозвища, обличаемому также придумывали такую характерную кличку, что онъ подъ ней надолго такъ и оставался среди обывателей своего города. Дѣлалось это замаскированіе также и въ виду цензурныхъ условій, такъ какъ цензура, опасаясь ответственности, не пропускала ни настоящаго названія города, ни настоящихъ фамилій. Исключенія дѣлались только для нападковъ на лицъ изъ журналистики и актерскаго міра. Театральные же чиновники попадали въ «Искру» подъ всевдонимами. Такъ, тогдашній начальникъ репертуарной части, П. С. Ѳедоровъ, звался Губошлепомъ (прозвище, данное ему среди актеровъ), и читатели одинъ отъ другого знали, о комъ идетъ рѣчь. О театральныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ давали свѣдѣнія актеры Ф. А. Бурдинъ, Н. Ѳ. Горбуновъ, Н. Е. Чернышевъ (авторъ пьесы «Испорченная жизнь» и др.), П. А. Каратыгинъ, который при объявленіи о подпискѣ на «Искру» былъ даже упомянутъ въ числѣ сотрудниковъ, а также и Г. Н. Жулевъ (Скорбный поэтъ). Артистъ В. В. Самоиловъ за-

рисовывалъ даже портреты для воспроизведенія въ карикатурахъ, такъ какъ фотографіи тогда были еще довольно рѣдки.

П. А. Каратыгинъ былъ замѣчательнымъ каламбуристомъ. Относительно участія его въ «Искрѣ» ничего не помню, но каламбуры, сказанные имъ въ разговорахъ, попадались въ «Искрѣ». Каламбуръ на фамилію Игнатьева — «и гнать его», появившійся въ «Искрѣ» подъ одной изъ карикатуръ, — каламбуръ П. А. Каратыгина. Помню, что за знакомство съ В. С. Курочкинымъ актеровъ, однако, преслѣдовало театральное начальство. П. С. Ѳедоровъ прямо даже дѣлалъ нѣкоторымъ актерамъ выговоры. Ф. А. Бурдинъ вывертывался, потому что на него самого появлялись нападки въ «Искрѣ», но Жулевъ, подававшій тогда надежды, какъ актеръ, былъ затертъ Ѳедоровымъ и режиссеромъ Е. И. Вороновымъ, любимцемъ Ѳедорова.

Изъ оперныхъ пѣвцовъ Курочкина посѣщали и сообщали «театральныя тайны» теноръ Ф. К. Никольскій и басъ В. И. Васильевъ (оба поступившіе на сцену изъ Невскихъ пѣвчихъ) и контральто Д. М. Леонова.

Помню, что въ первый день моего знакомства съ В. С. Курочкинымъ, когда я сталъ съ нимъ прощаться, чтобы уйти, онъ мнѣ вдругъ, улыбаясь, задалъ вопросъ:

— Водку пьете?

— Пью, — отвѣчалъ я.

— Ну, то-то. Курица и та пьетъ. А я Курочкинъ — сынъ, стало быть, и подавно пью. Не хотите ли сейчасъ червячка заморить? — предложилъ онъ мнѣ и вмѣстѣ съ другимъ сотрудникомъ повелъ въ свою столовую.

Обстановка квартиры Курочкина не гармонировала съ роскошной лѣстницей, по которой я къ нему взбирался. Онъ жилъ очень скромно. Мебель была вездѣ простенькая, потертая. Въ столовой стоялъ гладкій, безъ рѣзьбы буфетъ и овальный раздвижной столъ со множествомъ ножекъ. На столѣ на простыхъ тарелкахъ стояли соленыя закуски, криночка страсбургскаго пирога, графинъ водки и красное вино. Курочкинъ очень любилъ жирный страсбургскій пирогъ, и криночка съ этой закуской всегда находилась у него на столѣ, какъ мнѣ впоследствии и пришлось замѣтить.

Это «замореніе червячка», послѣ пріемныхъ часовъ редактора, происходило у В. С. Курочкина каждое воскресенье. Закуска не убиралась со стола вплоть до обѣда, до 5 часовъ. Знакомые приходили и уходили. Водки тогда всѣ сотрудники «Искры» пили много. Исключеніе представляли Стопановскій и Г. З. Елисѣевъ. Да я не помню, чтобы Елисѣевъ и оставался закусывать. Онъ всегда жаловался на желудокъ, даже и въ послѣдніе дни своей жизни.

Курочкинъ былъ очень гостепріименъ и любилъ компанію. Иные сотрудники оставались у него въ воскресенье обѣдать. Пили

и послѣ обѣда. Я не скажу, чтобы это было голое пьянство, велись оживленныя бесѣды, поэты говорили экспромты, сыпались приемы, остроты, но все-таки при этомъ много пили. Иногда, впрочемъ, затянувшуюся пирушку нарушала Наталья Романовна. Она появлялась и объявляла, что пора кончать пирушку, что Курочкину надо отдохнуть. Онъ протестовалъ, спорилъ, но въ концѣ концовъ она его уводила и укладывала спать. Случалось, что и кто нибудь изъ гостей оставался также отдыхать на диванахъ. Дозволялось это, впрочемъ, Наталіей Романовной только тогда, когда она была въ хорошемъ расположеніи духа.

Но бывало такъ, что Курочкина и нельзя было увести отъ гостей. Когда же его хозяйка отказывалась давать вина ему и гостямъ, что также случалось, онъ, возмущенный, уѣзжалъ съ гостями изъ дома и кончалъ съ ними вечеръ гдѣ нибудь въ трактирѣ, по большей части, въ Палкиномъ, или въ одномъ изъ загородныхъ кабачковъ. Но бывали случаи, что она и туда являлась за нимъ и увозила его домой.

Наталья Романовна была совсѣмъ простая женщина, неграмотная, едва умѣвшая только читать и часто приводившая Курочкина въ смущеніе вставкой въ разговоръ совсѣмъ не подходившихъ иностранныхъ словъ, которыя она слышала отъ другихъ, но не понимала ихъ значенія. Красотой и ловкостью она также не отличалась. Это была брюнетка довольно высокаго роста съ овальнымъ лицомъ, и у ней были не дурны только развѣ глаза, но Курочкинъ ее очень любилъ и былъ настолько ей покоренъ, что въ большинствѣ случаевъ стоило ей только что нибудь захотѣть и настаивать, онъ непремѣнно исполнять.

Здѣсь кстати упомянуть, что по воскресеньямъ въ пріемные часы редактора секретарь «Искры», рисовальщикъ А. Боргелли, подавалъ Курочкину расчетный листъ гонорара за статьи, напечатанныя въ послѣднемъ номерѣ журнала. Листокъ этотъ въ четверку писчей бумаги всегда имѣлъ на лѣвомъ углу виньетку, сдѣланную перомъ самимъ Боргелли, всякій разъ непохожую на другія. Виньетка эта была всегда съ карикатурнымъ портретомъ кого либо изъ сотрудниковъ «Искры», при чемъ фигура его изображала и цифру, т.-е. номеръ журнала. Такъ, напримѣръ, я помню, нарисованъ былъ П. И. Якушкинъ въ русской рубахѣ, замахнувшійся топоромъ, при чемъ топоръ изображалъ цифру 7. Помню изображеніе Н. И. Кроля, пляшущаго въ присядку съ приподнятыми надъ головой двумя полунтофами, такъ что фигура его представляла цифру 8. Виньетка эта по воскресеньямъ всегда всѣми разсматривалась. Кажется, винюетки эти потомъ поступали ко второму издателю «Искры», Н. А. Степанову, и по нимъ выплачивался сотрудникамъ гонораръ. Вообще это были очень остроумныя рисунки.

Самъ Курочкинъ денежною частью журнала не распоряжался. Онъ только назначалъ гонораръ и помѣчалъ о немъ на листкѣ Боргелли, а за полученіемъ гонорара ходили въ квартиру Степанова по вторникамъ, гдѣ супруга Степанова, Софья Сергѣевна, и выдавала его подъ расписку въ книгѣ. На ней же лежала вся счетная часть, она же завѣдывала и экспедиціей журнала. Софья Сергѣевна Степанова, урожденная Дорогомыжская, сестра извѣстнаго композитора, была женщина высокая, полная, съ внушительной фигурой и маленькими усиками надъ губой, энергичная, работающая, державшая въ рукахъ не только своего супруга, Николая Алексѣевича, человѣка тихаго, вялаго, скромнаго, кабинетнаго, но даже и В. С. Курочкина. Помню, что получить отъ нея какой либо денежный авансъ даже постоянному сотруднику было очень трудно. Минаевъ, который очень часто просилъ аванса, называлъ хожденіе за нимъ къ Степановымъ «штурмомъ Софіи».

По вторникамъ у Степановыхъ бывали и вечеринки, на которыя приглашались сотрудники «Искры», но посѣщали они эти вечеринки неохотно, находя, что у Степановыхъ скучно, чопорно и «сухо», т.е. мало подавалось вина. Я только разъ былъ на этой вечеринкѣ. Помню, что Степановъ, не поднимаясь съ кресла, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и рисовалъ, говорилъ очень мало, а за ужиномъ лѣпилъ фигурки изъ хлѣба, изображая карикатурныя фізіономіи гостей. Онъ былъ талантливый карикатуристъ-рисовальщикъ и не менѣе искусный лѣпщикъ. Вина онъ пилъ мало и не любилъ пьющихъ. Квартира Степановыхъ была наряднѣе квартиры Курочкина, жили они лучше, на стѣнахъ были хорошія картины, на этажеркахъ бюсты, статуэтки, была хорошая бронза, старый фарфоръ, прекрасная столовая сервировка, чего у Курочкина никогда не было.

Помню, что у С. С. Степановой была страсть къ бѣлымъ мышамъ. Эти мыши-альбиноски съ красненькими глазками сидѣли у ней въ клѣткѣ, были на ея личномъ попеченіи и иногда распложались до сотни. Ихъ предлагала она въ даръ всѣмъ знакомымъ, но никто ихъ не бралъ.

И у Курочкина бывали вечеринки. Помимо воскресеній, у него собирались по пятницамъ. Здѣсь было куда оживленнѣе, хотя Наталья Романовна не любила гостей, а въ особенности сотрудниковъ «Искры». Она всегда говорила про нихъ, что они только спиваютъ Курочкина. Да и ея не любили сотрудники. На вечеринкахъ этихъ Степановъ бывалъ очень рѣдко и приходилъ всегда безъ супруги. Сидѣлъ онъ не долго, молчалъ, въ споры не вступалъ, лѣпилъ фигурки изъ хлѣба и рано отправлялся домой. На вечеринкахъ этихъ, помимо сотрудниковъ, бывали актеры, пѣвцы, но я совсѣмъ не помню художниковъ, не изъ числа сотрудниковъ «Искры». Исключеніе составлялъ М. О. Микѣшинъ,

прогрѣвшіи тогда послѣ постановки памятника тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ и поражавшіи своей рослой, красивой, могучей фигурой. Собирались вообще поздно, къ полуночи. На вечеринкахъ этихъ И. О. Горбуновъ читалъ свои сцены изъ народнаго быта, пѣлъ «Бороду» басъ В. И. Васильевъ 1-й, и исполнялъ куплеты И. И. Монаховъ, впоследствии видный актеръ Александринскаго театра, а тогда еще маленькій почтамтскій чиновникъ. Самъ себѣ аккомпанируя на піанино, онъ съ удивительною веселостью распѣвалъ Беранжеровскіе куплеты «Какъ яблочко румяно, одѣтъ весьма безпечно» въ переводѣ Курочкина, а также и «Вотъ они, вотъ, неземныя созданія! Барышни, барышни, тру-ля-ля-ля!» На вечеринкахъ этихъ читались иногда и стихи домашняго характера, которые не попадали въ печать. Такъ, помню, А. О. Ивановъ (Классикъ) читалъ стихи, которые начинались такъ:

«Мы видѣли Минаева:
«Онъ шелъ, едва скользя;
«Отъ крѣпкаго вина его
«Совсѣмъ узнать нельзя.

«Запасиися каретою,
«Жулевъ бобра убилъ—
«Съ старухою ¹⁾ и водкою
«На кладбище спѣшилъ».

Далѣе въ подобномъ же описаніи перебирались всѣ сотрудники «Искры». Подобныхъ пѣсенокъ было нѣсколько. Онѣ писались разными авторами, а иногда и сообща, подчасъ во время пирушекъ въ увеселительныхъ кабачкахъ, гдѣ онѣ, бывало, и распѣвались подъ музыку, которую подбиралъ Монаховъ. Были также куплеты, написанные братомъ В. С. Курочкина, Н. С. Курочкинымъ, высмѣивавшіе Ф. А. Бурдина, актера бездарнаго, однообразнаго, но, благодаря своему кумовству съ начальникомъ репертуарной части, захватывавшему себѣ лучшія роли въ тогдашнемъ репертуарѣ Александринскаго театра. Куплеты эти имѣли припѣвъ:

«А у насъ Бурдинъ
«Все-таки одинъ!
«Бурдинъ, Бурдинъ, одинъ, одинъ,
«Бурдинъ!»

Любимыми кабачками сотрудниковъ «Искры», гдѣ они собирались, да и вообще пишущей братіи того времени, были маленькіе ресторанчикъ Зееста, помѣщавшіеся въ деревянномъ одноэтажномъ

¹⁾ Старуха—квартирная хозяйка Жулева.

домикѣ на площади Александринскаго театра, гдѣ впоследствии выстроился каменный домъ Консерваторіи, затѣмъ ресторанъ Ефремова на Невскомъ, а за городомъ «Хуторокъ», существовавшій, впрочемъ, недолго. При ресторанѣ Зееста былъ кегельбанъ, и по воскресеньямъ устраивались завтраки по 60 копеекъ съ персоны съ водкой, которые назывались «Krebs und Würstessen», такъ какъ въ числѣ закусокъ всегда были сосиски и раки, а въ «Хуторкѣ» и ресторанѣ Ефремова по вечерамъ бывали танцклассы, танцевальные вечера. Въ ресторанъ Зееста ходили и критики: Аполлонъ Григорьевъ — истолкователь Островскаго, Эдельсонъ, А. Головачевъ. Очень часто бывали Мей, Всеволодъ Крестовскій, П. И. Якушкинъ, А. И. Левитовъ. Послѣ спектакля въ Александринскомъ театрѣ ресторанъ переполнялся публикой, бывало много актеровъ. Вообще ресторанъ Зееста имѣлъ характеръ клуба, такъ какъ добрая половина посѣтителей была знакома другъ съ другомъ, да и самъ хозяинъ его, старикъ А. И. Зеестъ, былъ знакомъ почти со всѣми. Онъ подсаживался къ столамъ знакомыхъ посѣтителей, самъ пилъ съ ними, ставя и отъ себя пиво и вино, и иногда нагружался такъ, что его уводили въ его комнаты спать. Ночевывали у него подчасъ и знакомые посѣтители ресторана, слишкомъ усердно поддерживавшіе торговлю буфета. А за буфетомъ у него стояла молодая, полная, красивая блондинка, буфетчица Густя, дарившая всѣхъ улыбками. Поэты воспѣвали ресторанъ Зееста и буфетчицу Густю на всѣ лады и, между прочимъ, Всеволодъ Крестовскій.

Вотъ его стихи:

«Нѣтъ милѣе мѣста,
«Какъ у дяди Зееста
«Скромный ресторанъ.
«За буфетомъ Густя
«Съ радости или грусти
«Будешь сытъ и пьянъ».

И пили въ этомъ ресторанѣ, много пили. Относительно завтраковъ въ 60 копеекъ съ водкой Зеестъ говаривалъ, что они ему приносятъ убытокъ, и онъ разсчитываетъ только, что убытокъ можетъ быть покрытъ барышомъ отъ потребованнаго винограднаго вина, а вина пишущая братія и актеры пили мало.

— Судите сами,—говорилъ Зеестъ.—Я беру по 60 копеекъ за завтракъ, а такой гость, какъ Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, кромѣ закусокъ, на рубль водки выпьетъ.

И въ самомъ дѣлѣ онъ вскорѣ прекратилъ свои завтраки съ колбасами и раками.

Воспѣвались и въ обличительныхъ стихахъ рестораны. По поводу какого-то скандала въ танцклассѣ ресторана Ефремова Жулевъ начинаетъ въ «Искрѣ» такъ:

«Двадцать перваго апрѣля

«Для любви и хмеля

«Господинъ Ефремовъ

«Созвать дамъ изъ всѣхъ гаремовъ... и т. д.

Любили также собираться пишущіе люди въ фруктовой лавкѣ братьевъ Набилковыхъ на углу Невскаго проспекта и Владимирской, въ томъ домѣ, гдѣ теперь Палкинъ трактиръ. При фруктовой лавкѣ былъ погребокъ, и тамъ пили холодный и горячій пуншъ. Тамъ за стойкой стоялъ приказчикъ, который тоже кропалъ стихи и давалъ ихъ всѣмъ для прочтенія и исправленія, но стихи были такъ плохи и безграмотны, что не поддавались никакому исправленію. Ко всѣмъ пишущимъ чувствовалъ онъ какое-то рабское почтеніе. Собирались въ очень грязной каморкѣ, даже и днемъ освѣщаемой свѣчами, сидѣли на ящикахъ изъ-подъ бутылокъ вина, но Эдельсонъ, особенно часто посѣщавшій эту каморку, имѣлъ тамъ свой собственный стулъ, имъ самимъ привезенный, и назывался онъ тронъ Эдельсона.

Здѣсь подъ веселую руку поэты хвастались другъ передъ другомъ рифмами и каламбурами и писали ихъ карандашемъ на столѣ, а приказчикъ благоговѣнно старался сохранить эти автографы. Помню, на столѣ крупно было написано Жулевымъ такое четырехстишіе, написанное ради рифмы и каламбура:

«Я одѣну, если голы вы,

«Всѣмъ дамъ по рублю,

«А хочу, такъ даже головы

«Всѣмъ вамъ порублю».

Насколько помню, на вечеринкахъ у В. С. Курочкина, да и вообще въ его домѣ въ гостяхъ, никогда не присутствовали дамы, ни литературныя, ни изъ артистическаго міра, да и такъ изъ общества. Исключить могу только пѣвицу Д. М. Леонову, которую видѣлъ у него раза два. Причина отсутствія дамъ — его супруга Наталья Романовна. Ея не любили. Изъ-за Натальи Романовны не ходила къ Курочкину даже мать его, которая жила въ то время въ Петербургѣ и умерла только въ семидесятыхъ годахъ. Она жила у брата В. С. Курочкина, Владимира, капитана, который впослѣдствіи, когда Василю Степановичу запретили подписываться редакторомъ «Искры», сдѣлался официальнымъ редакторомъ журнала. Владимиръ Курочкинъ, служа въ военной службѣ, въ то же время имѣлъ книжный магазинъ на Невскомъ въ компаніи тоже съ военнымъ — съ майоромъ Сенковскимъ, фамилія котораго была на выѣскѣ магазина съ прибавленіемъ «и К^о». Довольно странно было видѣть двухъ военныхъ, сидѣвшихъ въ книжной лавкѣ и даже стоявшихъ за прилавкомъ, но тогда, сейчасъ послѣ освобожденія

крестьянъ, были дни подъема духа, исканія полезнаго дѣла, осмысленной работы. Военные, особенно носившіе мундиры съ бархатнымъ воротникомъ, открывали библіотеки, магазины учебныхъ пособій, справочныя конторы, приготовительныя училища. Недолго, кстати сказать, все это существовало въ большинствѣ случаевъ и закрывалось за неумѣньемъ, за непривычкой къ труду, но все-таки открывалось и существовало.

Владимиръ Курочкинъ къ пишущей братіи не принадлежалъ, никогда не написалъ ни одной печатной строчки, но у брата своего Василія всегда бывалъ, когда собирались сотрудники «Искры», хотя и былъ въ неладахъ съ Натальей Романовной. Когда В. С. Курочкинъ въ 1864 г. вѣнчался съ Натальей Романовной, Владимиръ Курочкинъ явился противникомъ этого брака и уговаривалъ брата не вѣнчаться. Да и не одинъ братъ Владимиръ дѣлалъ это, а и нѣкоторые душевные друзья В. С. Курочкина изъ числа его сотрудниковъ. Николай Степановичъ Курочкинъ былъ также противъ брака брата.

Въ 1863 г., когда я началъ писать въ «Искрѣ», Н. С. Курочкина не было въ Петербургѣ, онъ жилъ за границей, и я познакомился съ нимъ уже въ 1864 г. Н. С. Курочкинъ, очень начитанный человекъ, врачъ по образованію, человекъ, объѣздившій всю Европу, переводчикъ нѣкоторыхъ сочиненій Прудона, имѣлъ огромное вліяніе на мое развитіе, когда я впоследствии сблизился съ нимъ. Благодаря ему, я пріохотился къ серьезному чтенію и расширилъ свой кругозоръ. Онъ натолкнулъ меня на чтеніе книгъ естественно-научнаго и философскаго содержанія. Знакомство мое съ сочиненіями Джона Стюарта Милля, Герберта Спенсера, Бокля, Литтрэ произошло черезъ него. Онъ подсмѣивался надъ моимъ незнакомствомъ съ трудами этихъ ученыхъ и снабжалъ меня ихъ книгами. Впоследствии я жилъ нѣкоторое время съ Н. С. Курочкинымъ вмѣстѣ въ одной квартирѣ, переѣхавъ изъ родительской семьи, гдѣ мнѣ вслѣдствіе тѣсноты совѣтъ невозможно было заниматься литературнымъ трудомъ. Проживая и за границей, Н. С. Курочкинъ работалъ въ «Искрѣ». Онъ прекрасно владѣлъ стихомъ, хорошо зналъ французскій и итальянскій языки и переводилъ и поэта Джустини, и поэта Густава Надо. Подъ своими собственными стихами и замѣтками онъ подписывался въ «Искрѣ» псевдонимами Густавъ Ненадо, Пр. Преображенскій.

Кстати, по поводу псевдонимовъ Пр. Преображенскій, а также и Пр. Знаменскій, который принадлежалъ В. С. Курочкину. Многіе изъ среднихъ, заурядныхъ читателей «Искры» въ простотѣ душевной полагали, что это пишутъ лица духовнаго званія, т.-е. протоіереи (Пр.), и ихъ трудно было убѣдить въ противномъ.

Здѣсь уместно сказать, что въ шестидесятыхъ годахъ интеллигентная молодежь куда больше читала, чѣмъ въ послѣдующія де-

сятилѣтія, не говоря уже о нынѣшнемъ времени. Каждая книжка ежемѣсячнаго журнала, въ особенности «Современника» и «Русскаго Вѣстника», ожидалась съ нетерпѣніемъ. Выходъ ея составлялъ эпоху. О ней говорили при встрѣчахъ въ театрѣ, въ обществѣ. Неподписавшіеся на журналъ забѣгали въ книжные магазины и въ читальни, чтобы хоть узнать по обложкѣ содержаніе книжки, имѣть возможность перелистовать ее, пока она еще не попадетъ въ руки для чтенія. Часто бывало такъ, что, добывъ книжку на короткій срокъ, молодежь собиралась другъ у друга, чтобы читать ее вмѣстѣ, и буквально поглощала ея содержаніе. Что же касается до пишущей молодежи, то та прямо стыдилась не быть знакомой не только съ текущей, но и вообще съ литературой, чего я не вижу теперь. Молодые начинающіе писатели рѣшались печататься только послѣ основательнаго знакомства съ хорошими литературными образцами. Литературнаго невѣжества стыдились. Начинающій писатель больше читалъ, чѣмъ писалъ. Пишущую братію того времени обвиняютъ въ злоупотребленіи виномъ. Да, это было, они пили много водки и вина, кутили, загуливали, но въ трезвые дни, угомонившись, много и читали. Многіе преждевременно погибли отъ пагубной страсти къ вину, но были всесторонне развитые люди, слѣдившіе и за литературой и за наукой. Неполучившіе школьнаго образованія старались образовывать себя путемъ домашняго чтенія, записывались вольнослушателями, просто такъ съ разрѣшенія какого либо профессора посѣщали его лекціи, что тогда было можно. Это не разрѣшалось официально, но на это смотрѣли сквозь пальцы. Ф. М. Рѣшетниковъ, пріѣхавшій послѣ написанія своихъ «Подлиповцевъ» въ Петербургъ изъ глухой провинціи, съ мѣста почтальона, совсѣмъ безъ всякаго образованія, много читалъ для своего развитія, отрываясь отъ литературнаго труда. Я жилъ съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ и помню его и съ Карломъ Фохтомъ и Молешоттомъ въ рукахъ, разумѣется, въ русскомъ переводѣ.

Н. А. Лейкинъ.

